

БЕРЛИН.БЕРЕГА

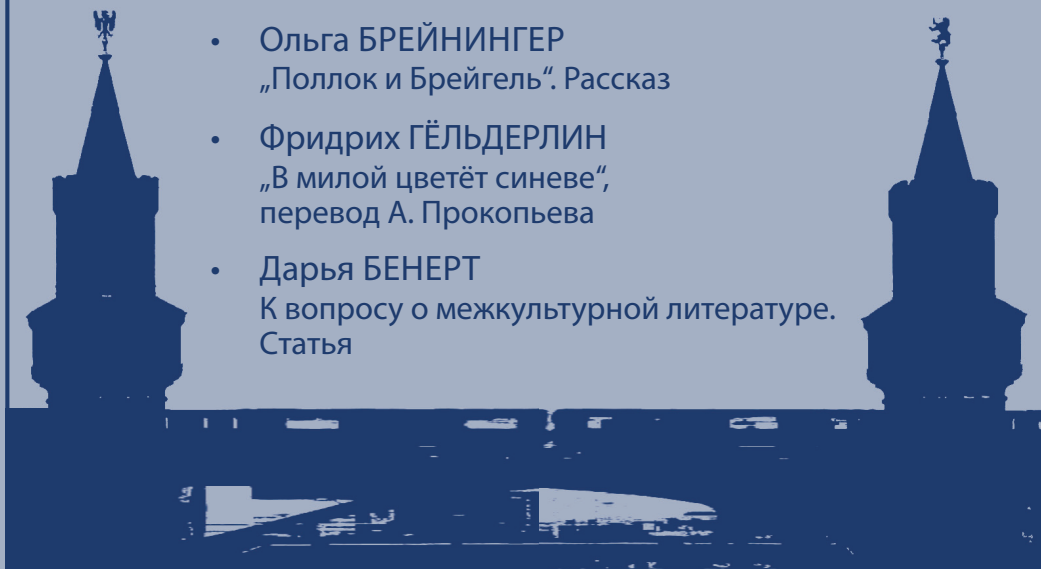
Литературный журнал

Literaturzeitschrift BERLIN.BEREГА

В номере:

- Сергей СОЛОВЬЁВ
„Ключик жизни“. Стихи
- Ольга БРЕЙНИНГЕР
„Поллок и Брейгель“. Рассказ
- Фридрих ГЁЛЬДЕРЛИН
„В милой цветёт синеве“,
перевод А. Прокопьева
- Дарья БЕНЕРТ
К вопросу о межкультурной литературе.
Статья

Редакция / Redaktion:

Главный редактор/Chefredakteur: **Григорий Аросев / Grigorii Arosev**

Редакторы/Fachredakteure:

Поэзия / Poesie: **Женя Маркова / Genia Markova**

Проза / Prosa: **Дмитрий Вачедин / Dmitry Vachedin**

Переводы / Übersetzungen: **Эдуард Лурье / Eduard Lurje**

Художник / Illustrationen: **Лилия Лурье / Lilia Lurje**

Корректоры/Korrekturen: **Э. Лурье, Г. Аросев / E. Lurje, G. Arosev**

Тексты на немецком языке / Deutsche Texte: **Герд Буссинг / Gerd Bussing**

Вёрстка / Layout und Satz: **Мария Аросева / Maria Aroseva**

Herausgegeben von der Redaktion der Zeitschrift

Bibliografische Informationen der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.dnb.de> abrufbar

Diese Zeitschrift ist urheberrechtlich geschützt. Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urhebergesetzes ist ohne Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Dies gilt insbesondere für Vervielfältigungen, Übersetzungen, Mikroverfilmung und die Einspeicherung und Verarbeitung in elektronischen Systemen.

Gesamtherstellung: Simon Verlag für Bibliothekswissen,

Riehlstrasse 13, 14057 Berlin, Deutschland

www.simon-bw.de / www.berlin-berega.de / berlin.berega@gmail.com

Druck und buchbinderische Verarbeitung Buchbinderei Art-Druk, Stettin

ISSN 2366-3510

Copyright © 2017 Simon Verlag für Bibliothekswissen, Berlin

Copyright Texte © 2017 liegt bei Autoren

Alle Rechte vorbehalten

Содержание

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

АНАТОЛИЙ ГРИНВАЛЬД — Смотреть на небо, стихи.....	5
СЕРГЕЙ СОЛОВЬЁВ — Ключик жизни, стихи	11
АЛЁНА ТАЙХ — Дома и вне дома, стихи	16
ОЛЬГА БРЕЙНИНГЕР — Поллок и Брейгель, рассказ	22
СААДИ ИСАКОВ — Чёрный квадрат, рассказ.....	40
ДЕМЬЯН ФАНШЕЛЬ — Конец сезона, стихи	53
АННА ГЛАЗОВА — Отверстые стены, стихи	59
ВЕРОНИКА СУЛЛА — Рассказы	63
ДАРЬЯ РУБО — Прыткие ящерицы, рассказы	76
ГРИГОРИЙ КОФМАН — 28 — 33, стихи.....	83
АЛИНА ВИШНЯКОВА — В другом районе мира, стихи..	89

ДЕБЮТ

КОНСТАНТИН ЛАЗАРЕВ — Тульпа, рассказ	91
ДАРЬЯ НАЗАРОВА — Первое мая, рассказ.....	95

ПЕРЕВОДЫ

ФРИДРИХ ГЁЛЬДЕРЛИН — In lieblicher Bläue / В милой цветёт синеве, стихи.	
Перевод Алёши Прокопьева	102
МАКСИМ БИЛЛЕР — Liebe auf Israelisch / Любовь по-израильски, рассказ. Перевод Алексея Рашбы.....	108

ИНТЕРВЬЮ

ОЛЬГА РАДЕЦКАЯ — Переводчик — всегда немного актёр.....	123

ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА, НОН-ФИКШН

СЕМЁН ЗЛАТИН — Главы из книги „Берлинские идиомы“, эссе.....	134
ДАРЬЯ БЕНЕРТ — Литература в поисках себя. К вопросу о межкультурной литературе, статья.....	143
ЮРИЙ ШЕЙМАН — Пространство и время в немецкой и русской языковых картинах мира, статья	149
ВИКТОРИЯ ФИРЕРБЕ — Двуязычная литература для детей, прошлое и настоящее, статья	163
ЕВДОКИЯ ЛАПИНА — Герой в предлагаемых обстоятельствах, рецензия на книгу Дмитрия Вачедина <i>Engel sprechen Russisch</i>	172
АННА РАЗУМНАЯ — „Разведчик встреч сознания и речи“ рецензия на книгу Сергея Соловьёва „Её имена“	175

ТЕАТР

ЕЛЕНА ШАХНОВСКАЯ — Сны пармезана, пьеса	186
Сведения об авторах	207
Kurze Zusammenfassung	213
Информация о подписке	215

Анатолий Гринвальд

11 сентября 2017 года в Лейпциге ушёл из жизни Анатолий Гринвальд — поэт, наш друг, наш автор. Ему было сорок пять лет. Всего сорок пять.

Гринвальд был среди тех, кто поверил в наш журнал с самого начала, разрешив опубликовать свою подборку в первых «Берегах». Его грустные, но очень цепляющие стихи стали одним из главных событий дебютного номера. Конечно, тексты Гринвальда мы бы публиковали ещё неоднократно. Но выходит так, что эта подборка оказывается последней. Прочтите её.

Редакция «Берлин.Берега»

По Павлову

Реки текут через страны, впадают в моря обычно.
 На берегах сидят люди некие — удят рыбу,
 Другие рисуют пейзажи, третьи слагают притчи...
 Четвёртые до рек не дошли — заболели гриппом.
 Я отношу себя к первым — охотник, добытчик,
рефлексы.
 Стараюсь не думать, что рыбе, наверное, больно.
 Кидаю в глубины звенящую, прочную леску,
 Как лассо кидали на западе диком ковбои,
 Запечатлённые на одной старой открытке...
 Давится басом последней двадцатки мой «Грюндик».
 Рыба клюёт — куда ей деваться — я хитрый:
 Масса насадок, крючков — я бы сам на них клюнул.
 Те, кто рисуют пейзажи, меня нарисуют
 В выцветших джинсах, торс голый, в глазах —
правда зверя.
 Не обессудьте, случайные, милые судьи —
 Это рефлексы, всего лишь я смею заверить...

Горький снег

и будет Бог и будет Ветер
ресницы влажные ломать
и на игле застывший Вертер
вновь упадёт не в ту кровать
не спящие в гареме руки
приснятся и всерьёз убьют
войдёт в палату с полной рюмкой
сам Бродский а не кто-нибудь
зачёркнуто помадой слово
нет это кровь твердите вы
заградотряд штрафбат условно
звук обнищавшей тетивы
нас не догонят эти тени
хотя по-прежнему немые
мы не мейстрим и не растенья
мы не рабы рабы не мы
мы дети огненной палёной
святой на все века воды
Марии порванное лоно
в себя обратно не родит
мы под крестом играем в карты
а на кресте висит Он сам
и в триллион чужих каратов
луна пришита к небесам
мы правильные знаем жесты
и наши губы плотно спят
и мы не ждём своих пришествий
из пустоты самих себя
в тумане мы идём по полю
как наши буквы по конверту
мы измеряем своей болью
глубины космоса и веры
мы здесь живём и не пасуем
и ждём размашисто уверенно
что выстрел точный поцелуя
пробьёт насквозь и нас и время

Бакси

у кота садится батарейка
он стал стар и болен не по-детски
реже прикасается к тарелке
где лежат его деликатесы
он почти оглох почти ослеп он
и с пространством он не в силах разобраться
ходит по столу он без последствий
быть окрикнутым «куда ты, ****, забрался»
мы шестнадцать лет с ним вместе спали
под одной простреленной шинелью
сигаретами. мы были одной стаей
одной крови и его от блох ошейник
я себе одену на запястье
когда вдруг его совсем не станет
чтоб он знал что с ним одной мы масти
одной крови и одной кошачьей стаи.

Рахманинов.

Концерт номер 2 для фортепьяно с оркестром

всякая тварь божьим бичом пасома
боже ты праведный или ты правильный боже?
я выпил так много. я словил невесомость
чем крепче водка тем невесомости больше
пролетая над домом любимой крикну «невидим»
пепел в ладонях и хочется фильм про себя весь проспять
кого мы в себе по утрам ненавидим —
мальчика, которого не было, или того, что распят?
мы здесь ошибочно, мы здесь боюсь, что навечно...
ждём пока с неба напишут, решат всё за нас, позвонят...
ты береги умоляю тебя, как дворник — последний скворечник
ветер внутри головы, а может быть просто сквозняк

Осенняя распродажа

У Иисуса была Магдалина,
По ночам шептала ему «мой милый»...
Он играл ей «Металлику» на мандолине,
И другие песни народов мира.
Он хотел с ней уехать из Иудеи,
И уже в отеле паковал чемоданы...
Но пришлось вдруг умирать за идею —
Без посмертных речей, без посмертной медали.
Он не то чтоб хотел церковь новую строить,
Но приказ есть приказ, и ему, рядовому
Стоит что Вавилон взять, или же Трою —
С пистолетом на танк, со стигматами в омут...
И пробитый компостером, словно трамвайный билет,
Он висит до сих пор украшеньем на шее
Милых дам и господ третью тысячу лет
Пастой Гойя натёрт, надушен «Шанелью».
Проломив это небо насквозь своим лбом,
Зашивая стигматы капроновой ниткой,
Он не знает теперь, что распятие его в магазине любом
Стоит максимум двести. Со скидкой.

Примечания к истории государства Российского

Все мы вшивы, кроме Шивы,
лишь поэтому и живы,
а раз живы, значит, лживы...
Шива в нас. Ему паршиво.
В нас Христос и даже Будда,
вечно на кресте от блуда
мы покаемся как будто,
в церкви заплатив валютой.
Нам не спрятать в сумке шило.
Шива или мы распяты?
Все мы живы, кроме Шивы,
Шива умер в сорок пятом.
Все мы живы. Только Будда
слишком мёртв уже как будто,

и Христос как будто в спячке
 копотью свечей испачкан.
 Я тяну на скрипке жилы,
 сам себе Христос и Будда.
 Все мы живы ,кроме Шивы.
 Шива умер. Этим утром.
 В храме будет слишком чисто,
 от икон там пахнет лаком.
 Шиву ранили чекисты.
 Шива умер. Я не плакал.

Красная книга

помираю я в передней помирании
 в голову навывлет слишком раненый
 всё законами здесь чётко оправлено
 я один тут такой — неправильный

я неправильно сижу в своём кресле
 я неправильно встаю с него — резко
 я неправильно держу в текстах паузы
 я неправильно хожу и влюбляюсь

я неправильно дышу вижу слышу
 я неправильно курю — даже слишком
 я неправильно пишу эти строчки
 мой талант на неделю просрочен

я неправильно целуюсь и помню
 я уже давно не в обойме
 я неправильно стою обещаю
 я неправильно с тобою прощаюсь

за какой-то мимолётной заботой
 я неправильно забыл телефон твой
 и выходит в подытоженной сумме —
 я неправильно родился и умер

Смотреть на небо

Если долго на небо смотреть, то можно увидеть Бога,
Огненный Меч у него с правого бока.
Кому-то это по нраву, кому-то чертовски плохо.
Вот и закончилась эта эпоха

Если долго на небо смотреть, то можно увидеть Младенца,
и от его улыбки уже никуда не деться,
она за тобой по следу, как шаг неслышный индейца,
если ещё не видел её — увидеть надейся.

Если долго смотреть на небо, то можно увидеть звёзды,
даже и днём — как они насыщают весь воздух,
можно увидеть, как счастье случайно, нелепо
если долго смотреть на небо

10.09.2017

Сергей Соловьёв**Ключик жизни**

Если б мой дед не выбросил ключ в окно,
мама лежала бы в Бабьем Яру.
Пишущий эти строки, может, пророс бы
травой над ней — выбросить ключ в окно...
Где-то в Индии женщина к животу
прислушивалась бы: девочка-воздух
или мальчик-земля? И что-то странное
снилось ей — про окно и ключи,
но рассказать некому. Нет никого,
только путь — в несказанное,
и где-то в начале его — дед, молчит
как живой, держит в руках окно.
Девочка во дворе, скакалка
свистит через голову, как года,
мамой становится, мальчик виснет
на подножке вагона. Окно, осколки...
Вот по этому мосту шёл из рая Адам
и летел с небес ключик жизни.

...

Холодная весна, голодный старый Крым,
как был при Врангеле, такой же виноватый,
и люди проступают, как стигматы
краплёной неоконченной игры.
Здесь где-то сын, и женщина, и берег
над морем обрывается глухим.
Здесь где-то жизнь. Была. Не пере-
жила себя и обратилась в дым.
Такой же серенький, кусающийся нимб
затмения вокруг всего живого,
и пёс бездомный — тот, который слово,
лежит во тьме и смотрит на огни.

...

Смерть, говорят, — момент истины,
мгновенье, когда видно во все концы.
Вряд ли, думаю, даже для кисти
рябины или руки, не говоря о целом.

Хорошо, если вообще что-нибудь видим,
кроме перекошенного во все концы
здесь и теперь, да и то — в хламиде
нашего восприятия, уходящего, со спины.

Да и что там меж нами, кроме случайного
я, подвернувшегося под смерть?
Призрачная хламидка пожмёт плечами,
обернувшись: а нет никого.

Да и кто там был, с чьей ушёл он
не своею жизнью во все концы?
Опустевшие «я», как в гареме жёны
перешептываются...

...

Я б на свете да на том
наконец имел бы дом
без дверей, с одним окном —
им и был бы я, в обе стороны,
и была б у меня жена — тёмная материя,
по фамилии Воронова,
а другая светлая — Тетерина,
и когда сходились они в проёме,
улетало б окно сквозь тернии к йони
на все четыре, и пока возвращалось,
висело б солнышко над пустырьём,
окукливалось, прощалось
с литературой. Хорошо им вдвоём —
тому и этому. И жёнкам не худо.
Ходит смерть, как Иуда,
целует и вешается, целует и вешается...

Но и по отношению к ней кто-то есть,
ходит, и всё это на чем-то держится,
или уже нет? Сама себя ест
энергия, давится, а делает вид,
отставляет пальчик. Гёте говорит:
мальчик прыгает, как мячик,
по угасающей. А девочка
роняет себя в реку, как семечко,
да, Геркалит? Навоз и солнце.
И немножко социума.
И чуть-чуть жены.
Или просто вины
безотчетной.
Дом стоит — по нечётным
тот, а по чётным — этот.
А меж ними то ком, то ру.
Нет, говорит, весь не умру.
Так всего и нету.

...

Сижу на веранде. Такие новости. Трава, жара.
Пришвин идёт, изо рта его вылетает бабочка.
Пришвин — кошка, сбежавшая от своих немцев.
Ворона валится с ветки, хрипит: пора... пора...
Ты, единственная... (Обходит меня вразвалочку
и, оборачиваясь от корытца с водой: раздеться.)

Ты, единственная... (Герта вышла, поливает мальвы,
отец её — мальчик из Гитлерюгенд — поднял руки,
так и стоит под Сталинградом в сердце её, а она
поливает. На балконе два африканца уже припали
друг к другу, милуются, как бонобо. Жара. *Cookie*
мысли мои отслеживают. Пришвин говорит: ма...)

Ты, единственная, которой нет, удваиваешь своё
небытие, чёрной дырой втягивая меня и распуская
себя как время, и всё это обливается тихим светом,

давится им, нити рвёт, губы, а кажется, что поёт,
тёму мешком напяливая мне на голову, ласкает,
словно жизнь начинается после того как спета.

...

Разденься.

День с себяними —

и тот, в который свет был сотворён,

и те, которые вослед Его любви

тянулись как она и он —

так искренне... И денься

в глаза мои, ладони, как ничто

в ничто, не созданная знаньем

о смерти. Смети наш дом,

разденься так, чтоб даже рай — изгнанием

казался. До голого сияния. Сними,

как туфельки, войну и мир. Сними людское,

и эти трусики вины,

и всё такое.

Разночься,

и эти дивныеними девайсы

рассветов за раздвоенной дорогой.

О как мы долго будем одеваться —

всё нестерпимее — друг в друга.

...

Как подумаешь, какие они всё же разные,

эти телесные княжества — рука, лицо, пятка... С этим отребьем

памяти и её вельможами. Ни летописи, ни романа, да, ромалэ?

Ах как неслась она, серфингистка оргазма,

под наворачивающимся гребнем,

пока её не накрывало.

А потом, сидя на берегу, в тихой чужести,

обнимала эту доску — незримую, мокрую. Как доску обнимала

жизнь свою, этот камень, бумагу, ножницы,

этот ангельский свет, разлетающийся пичужками

любви, языка, смерти — этих богов маленьких

с ограниченными возможностями.

Кто ж ты, господи всемогущий? На чём всё держится —
неужели же ни на чем, на нитях,
которых нет? Когда б не детство, большеглазый его лемур,
но и с ним не выжить. Всё разрозненно так, хоть вешайся
друг на друге. Ничего они, эти нити, не видят —
ни его, ни её, ни доски... Она встаёт и идёт к нему.

...

Не волнуйся. Полребёнка, войны немного
закопал он, ещё вернётся — ни наш, ни ваш.
Геноцид памяти, а как по-другому? Иначе
земля не шевелится. Встань на свою треногу
и иди. Иль в окошко любуйся: русский пейзаж
на закате в шинельке сидит, как Баппаччини.

Что тебе до причин? Почему в темноте рябиной
догорала она в человеческой коже, почему в огне
ты был с нею, как первый снег? Падает, что ли?
Птицы всё подберут. Здесь лишь камни невинны.
И не будет ни слова, ни чуда. И тело с душою,
как Иосиф с Марией, спят спиною к спине.

...

В тюремном дворике души
гуляет разум.
Дыши-дыши,
не надышишься.

Ах как она застенчива, душа-
застеночек.
Бежать-бежать,
да не набегашься.

А обернёшься — ни добра, ни зла,
ни дворика.
Ах весна-весна,
руки за спину.

Алёна Тайх

* * *

*der Sommer wie ein Haufen Marionetten
kopfüber, müde, umgebracht.
„Spätherbst in Venedig“*

Средневековая плавильня
навек окружена стеной.
Мельхиседек ли, Шейлок — ты не
вдруг встретишься с застенным мной.
Но по телам, по судьбам горьким
вверх к безотчётным небесам,
чтобы вдали блеснуло море,
взойдешь их шагом или сам.

И ты же там, внизу, под кровлей,
в пару, в чаду, ничей и всяк
глядясь в слякоть — грязь ли, кровь ли —
младенцем, бабой на сносях,
юнцом-повстанцем против дождей,
огарком потным на одре...
Плавильщик оболочки, кожи
не видит. Гари, боли, дрожи

Расскажет бризом в той игре
о тугоплавком серебре

* * *

Ах ты, Гретхен, мещаночка...
Перестук каблуков.
Невысокая планочка
Золотых облаков,
Карабасбарабасовый

Черепичный раёк...
Здравствуй, бурше, мой ласковый,
Заходи на чаёк.
В вечереющем коробе
Зацветает сирень
В старом городе голуби,
Каменистая тень,
Запах сочного дёнера,
Да на ратуше звон,
И работа подённая —
Что ни день, то урон.

* * *

Задний двор светлой кладки
В наивной стране,
Виноградные прядки
На кирпичной стене,
И в окне Генриетта,
Став на утро старей,
Скрутит лето рулетом
Пыльной шторки своей.
Вороват да не пойман
Луч по окнам скользит,
Разомлевшую фройляйн
Ветерком просквозит,
И ветвист, как коряга,
В комнатном далеке
Генриеттин муж-скряга
В ночном колпаке.
Горизонт в сдобном тесте,
Звонких пташек парад...
Всё, как сто или двести
Лет (поверь мне!) назад.
Если мы будем ловки
И забывчивы впредь,
Жизнь в такой постановке
Нам всё лето смотреть.

* * *

Ушанка простодырая
И варёжка разинута;
Но здесь тепло и сыро, и
Какие нынче зимы-то.
Навстречу тени-странники
Походкой лёгкой, девичьей,
А наступают на ноги
Почище Собакевича,
Подруга ли, подельница,
Волна бежит от ботика,
Крылом возденет мельница
Луну на шпили готики,
Ей в переулке каяться
За равнодушие летнее

Чего не намечтается
Всё тише и запретнее.
Зима, на март похожая,
Пробежка ксилофонная...
Душа ли толстокожая
Тоска ли законная

Heidelberg Weihnachten

Город князьих женитьб и монашеской сдержанной скорби
и студенческих буйств и бродяг и бравады и браги
постигаем ли скарб в черепашьем резном твоём коробе
и дары твои в ворохе хрусткой нарядной бумаги
Как в неё не зарыться и
не перетрогать руками
В снах
в развальчиках книжных
и просто в заботах о ближних
было б честно и вежливо взять твой протянутый камень
но храни для других этот тёплый румяный булжжик

И барочные дуги в реке закрепляя подробно
 пиялся в нежную мокрядь покуда ледок не поранит
 даже редкое лакомство в здешних округлостях сдобных
 он кому-то достанется крепкий фахтверковый пряник
 Населяй ангелочками темень верти карусели
 разливай тёмный взвар
 и каштаны пытай на жаровнях
 вороватую челядь потешь тороватым весельем
 и прими восхищенье от тех кто
 не ровня

* * *

Рассеян сумеречный смог.
 Сумей проснуться, не нарушив
 мир комнаты — твой теремок,
 развальчик плюшевых игрушек,
 где сна на самом на краю,
 ещё один привратник рая,
 волчок поёт печаль свою,
 вмиг обороты набирая,
 как трудно за земли клочок
 держаться основанием острым.

И умирает на бочок,
 опять из серого став пёстрым.

Голем

Пока быть снова глыбой не заставил,
 Ты вспомни исключения из правил:
 Стекланный, оловянный, деревянный.
 А я, хозяин,
 Мог ли жить в другом,
 Хотя бы не лишённом дара речи?
 Глаза, что плачут. Не покаты плечи.
 Черты лица, что в старости увянут...
 Но это тело — серой глины ком

Лежит перед тобою без движенья.
Я, как и вы, не помню час рожденья,
Когда все трое роды принимали
И в губы мои вкладывали Шем...
В глаза мне льётся свет, вовнутрь сужен.
Слуга старался. Но слуга не нужен
Достаточно на свете аномалий,
Чтоб я топтался здесь нелеп и нем.

Уже не вижу, но немного слышу.
Ночами звёзды задевают крышу:
Стеклянный, оловянный, деревянный,
Поверишь ли:
Свинцовый слышал град.
Ты так велик, мой рав, а я — лишь малость,
Но и тебе не часто открывалось,
Какие вы топорные болваны
Среди камней, меж этих пыльных врат.
Над ними вновь рассвет, а хмур ли, розов,
Не знает твой послушный, добрый Йозеф,
Собой не оскверняя свято место,
Он должен был легко вернуться в прах.
Ну да: стенают звери, бьются рыбы,
Кто знал, что есть агония у глыбы.
Прости хозяин: неспособность к лести
И этот страх...
Кто б мог подумать:
Страх!

* * *

Срок гордости истекший к ноябрю
Горчит в окне фонарный гоголь-моголь
И с местечковым «я вам говорю»
Приходят с предложеньем книги ль бога ль
Чего-то важного но как опоплена
Суть их миссионерским появленьем
Их скуке глаз равняется длина

И обещанья и благословенья
Спасибо и на том я провожу
Вернусь к экрану лучше сериалы
И всем подобный старому ежу
Ком привезённого когда-то одеяла
Скукожилась ущербная луна
Кочующие фары автостопа
Всё в темноте
а жизнь исцелена
Собой как холодком фонендоскопа

* * *

Где ты, солнышко? — Где-то,
отвечает оно, — до поры.
Следом спело мне лето
«и теперь нам спускаться с горы».
Плач сечёт твои окна,
дотемна тянет полную сеть.
И попробуй в волокнах
плях чумацкий вверху разглядеть.
Птица хочет быть редкой
и всё бы в серёдку ей, в тишь...
Бесполезна таблетка,
закинуться даром спешить.
Лучше в дождь, в поднебесья —
подрёберья карабкаться мрак.
Где ты, город мой? — здесь я,
отвечает, мол, знаешь и так.

Ольга Брейнингер

Поллок и Брейгель

Впервые за три месяца нам удаётся, наконец, пересечься в Будапеште. Как всегда: долгие подстраивания под график и расписание друг друга, попытки передвинуть каникулы на день вперёд, отпуск на два дня назад, дедлайны далеко за пределы памяти; всё остальное — будто не существует. И, наконец, когда всё со всем совпало — молниеносный звонок по скайпу, быстрый поиск направлений, куда дешевле всего добираться и из Германии, и из Швеции, сканирование подходящих предложений на *airbnb*¹, три футболки и свитер в ручную кладь, рюкзак, дорога — и ожидание ослепительного счастья, когда вы — в аэропорту или на вокзале, на автовокзале, на улице, где угодно — снова увидите друг друга.

Я прилетала в Будапешт на два дня раньше Матиаса, в среду. Ещё в самолёте я начала мысленно репетировать вечер пятницы, набрасывая в блокноте свои фразы и заштриховывая пустоту вокруг. Может быть, думала я, спустя шесть лет таких отношений все эти «давай попробуем увидаться через месяц», «я не смогу прилететь в октябре» и «я буду всё время о тебе думать» вдруг перестали дотягивать до того ощущения ослепительного счастья, ради которого, когда-то казалось, стоит разрешать себе продолжать. Может быть, у каждого «я хочу быть с тобой» на изнанке проставлена дата, до которой в эти слова веришь — и когда сам говоришь, и когда говорят тебе, а потом — перестаёшь.

Может быть... Но во всём этом не было никакого смысла. Такие истории связывают людей слишком прочно, и я хорошо это знаю. И тем не менее я вновь и вновь возвращалась к мысли о том, что — будь, наконец, честна сама с собой — следовало сделать много лет назад: расстаться с Матиасом. И поэтому когда

---

¹ *Airbnb* — популярная в интернете онлайн-платформа для размещения частных предложений краткосрочной аренды жилья по всему миру (здесь и далее прим. ред.)

я оказалась в квартире 13с на улице Салаи 62, около площади Лайоша Кошута на правом берегу Дуная, и, раздевшись, помыв руки и налив себе апельсинового сока, отправила сообщения всем, кому я хотела сообщить, что я в Будапеште — я поняла, что приезжать заранее было ошибкой. Отсюда, из вторника, оставшееся до пятницы время казалось крепостной стеной, которую мне никогда не одолеть без потерь.

— Я сдамся, — подумала я. — Всё, это ясно. Опять сдамся.

На второй, мансардный этаж вела грубая деревянная лестница. Стены были обшиты досками, потолок опрокидывался прямо на кровать с тусклым цветочным покрывалом; деревянные балки, много маленьких подушек, пыльный гобелен на стене, и вид на Дунай и парламент. Я упала на кровать и зарылась в пыльные цветочные подушки. В моей привычной жизни, проходившей по большей части в общежитиях, съёмных квартирах и на вписках, было очень немного моментов настоящего одиночества. Не такого, на час-два перед сном; не когда родители уедут на дачу или соседка по съёмной квартире останется ночевать у бойфренда — а по-серьёзному, зная точно, что в ближайшее время по эту сторону айфона с тобой нет и не будет ни одного человека. И это тоже не помогало собраться с силами для нужного решения.

У каждой жизни и у каждого отношения есть обложка, которую видят все, и есть то, что есть на самом деле — невидимая сторона, которая может оказаться втайне от всех как безмятежным счастьем, так и чьим-то тихим адом. Мне нравилась обложка моей и нашей жизни с Матти, мне нравилась наша история. Нравилась работа в стоковольском нон-профите², к которой я пришла долгим путём волонтерства, активистских групп и ночных дежурств на «линии доверия». Нравилось то, что четыре года назад я приняла и осуществила самое безрассудное и глупое из всех возможных юношеских решений: потратив многолетние сбережения из копилки, оформила в подозрительном чахлом агенстве в Чертаново студенческую визу, купила билет и переехала в Прагу. Из всех вариантов Прага была ближе всего к двадцатичетырёхлетнему нюрнбергскому

---

² *Non-profit (organization)* — некоммерческая (организация)

журналисту Матиасу Шварцу, с которым я познакомилась на фестивале Сигет в 2008 году — но достаточно далеко для того, чтобы оставаться самостоятельной молодой женщиной, а не ждущей чего-то подругой, свалившейся как снег на голову.

Наконец, мне нравилось то, что в 2014-м, хоть я и жаловалась иногда на то, что в этих отношениях на расстоянии всё приходится делать самой — на самом деле я панически избегала любой мысли о том, что тогда, шесть лет назад, всё могло бы сложиться иначе. Палатки, в которых мы жили на Сигете, оказались бы на разных краях острова, и мы ни за что не встретились бы; или Матиас решил не приезжать в Россию; или я сама сдалась и согласилась бы с законом о невозможности отношений на расстоянии.

И по сравнению со всем этим, странная изнанка наших с Матиасом отношений — которая моментально стала бы красным флагом в устах любой женщины, обратившейся в фонд, где я работала — казалась мне раздражающей, но незначительной деталью этой жизненной траектории. Мне действительно было почти всё равно. Нет, иногда это больно, но чаще всего — не слишком; и если это казалось важно для Матиаса, то у меня набиралось не так много аргументов против — и огромное количество тех, что предъявлять стоило в первую очередь себе. И что в этом такого, в конце концов, если твой любимый человек стремится время от времени наносить по всей длине твоего тела маленькие симметричные порезы, чтобы потом пересчитывать их пальцами одну за другой и помечать: «Вот так тебя люблю, вот так, вот так, вот так». И чтобы потом, когда вы в очередной раз разъедетесь — он в Германию, ты туда, где ты сейчас — ты могла смотреть на эти отметки на своём теле и помнить, что он для тебя значит.

В моменты ссор я иногда кричала ему — лучше бы вместо того, чтобы считать — вот так, вот так, вот так — что-нибудь бы делал! Настоящее, понимаешь? Нормальное! Чтобы нам не надо было видеться от случая к случаю, чтобы всё это не зависело от меня, потому что я чертовски устала от всего, от этих отношений на расстоянии, оттого, что ты думаешь, что у нас всё хорошо, а я нет, оттого что ты в этих отношениях — сильный,

а я нет. Но я быстро остывала — потому что и сама прекрасно знала, что мы могли давно бы жить вместе, и что не в этом дело. И мы мирились и планировали следующую встречу — а если она наступала достаточно быстро, то мои шрамы, не успев зажить, начинали кровоточить снова, напоминая таким простым способом, что любовь, боль и все вот эти вещи связаны друг с другом.

***

Пять с половиной лет назад: Матти впервые приезжает в Москву. На улице минус двадцать, но мы продолжаем каждый день упорно ходить по туристическим маршрутам столицы. Потом мы греемся егермайстером вместе с моими подружками по соцфаку на лекциях, разливая его под партой в последнем ряду. Все родственники в восторге от Матиаса и приглашают его переехать в Россию. В последний день мы идём делать парные татуировки, но на полпути я передумываю, и Матти улетает расстроенным.

Пять лет назад: Матти снова в Москве. Мои родственники по-прежнему заывают его в Россию, но теперь он отвечает, что лучше бы я переехала в Германию. Я не в восторге от идеи: во-первых, я ещё не закончила институт, а во-вторых, не хочу быть русской-женщиной-замужем-заграницей. Вдобавок я так и не решаюсь на парную татуировку, что становится для Матти последним ударом. Перед отъездом он объявляет, что приезжать в третий раз не собирается: это бы вплотную подошло к предложению, которого он не может сделать девушке, так и не решившейся, быть с ним или нет.

Четыре года назад: последнее, в чём я хотела бы самой себе признаться — это что я знаю всё — но продолжаю скучать по Матти. И когда впервые за год он звонит мне, чтобы поздравить с днём рождения, всё начинается заново. Я объявляю родителям, что собираюсь ехать учиться в Чехию — «потому что там красиво, качественное бесплатное образование и больше перспектив». Под шум семейного скандала, закрывшись в своей комнате, забиваю в гугл «где в Праге учить социологию на английском языке».

***

Два дня ожидания в Будапеште прошли именно так, как я представляла. Поздние подъёмы в надежде максимально сократить день; вечер за просмотром сериалов как патентованный способ на время отвлечься; а в перерывах — лихорадочное блуждание по прекрасному городу, где траектория моей жизни однажды зашла на неожиданный поворот. В моём заполнении города шагами и взглядами были и энтузиазм трёхдневного туриста, и отголоски отчаяния, с которым я всюду в городе отмечала наши места и маршруты. Куда бы я ни шла, что бы ни делала — я беспрестанно прокручивала в голове кадры, которые вели отсюда через следующие шесть лет, пытаюсь решить, кто в ответе за что. К вечеру пятницы я извелась окончательно — и была благодарна Матиасу за одно то, что его приезд положил конец этим бесконечным репетициям «большого серьёзного разговора».

Как это всегда бывает после расставаний, поначалу мы чувствуем себя немного чужими друг другу — но по глубоко искоженной колее очередное наше знакомство быстро взлетает вновь. И я обнаруживаю, что для того, кто каждую минуту проводит, навязчиво восстанавливая в памяти прошлое, я помню очень мало. Я ошибалась на добрую четверть тона, когда спорила — за Матти и голосом Матти — сама с собой у себя в голове. Забыла о торжествующем, почти самовлюблённом выражении лица, с которым он отключает телефон, показывая, что он полностью со мной, и никакой работы. И совершенно точно не помнила, как он мгновенно «настраиивается» на меня, предупреждая мысли и желания — как может только тот, кто очень тебе близок — настолько близок, что вместе вы представляете гораздо больше смысла, чем по отдельности. И что стоит мне, не знаю, устало поднять руку, чтобы снять серёжки (потому что это были очень долгий день, долгая дорога домой из аэропорта и долгая вечерняя прогулка за разговорами сразу обо всём) — как он уже подносит мне ладонь, чтобы убрать их, как будто заранее знает, что я собиралась сделать.

— Всё, теперь можно, спасибо, — киваю я, хотя он не видит меня в темноте, и возвращаюсь к прерванному разговору, — а знаешь, что меня больше всего раздражает?

Я говорю с Матиасом, но смотрю прямо перед собой, в тёмный потолок, и стараюсь полностью сосредоточиться на звуке своего голоса, чтобы не допустить, забывшись, ни малейшего движения. Не перебирать пальцами. Дышать очень спокойно, медленно, с ровными промежутками на вдох и выдох, чтобы не так остро чувствовать — не дать телу задрожать и не дёрнуться ни на миллиметр — пока в кожу погружается лезвие. Говорить монотонно. Не думать в слова. И даже, если можешь, не моргать.

— ...когда люди вместо «немецкий» говорят «германский», — продолжала я, отвлекая себя и Матиаса разговорами, пока лезвие аккуратно вгрызалось в мою кожу. И хотя это повторялось между нами уже столько лет и столько раз — всё равно, каждый из них оставался неловким, превращая нас на секунды и минуты почти в чужих друг другу людей. Это было немного больно, только немного — но мы оба знали и старались никогда не подавать виду.

— ...нет, не то чтобы мне вообще не нравилось это слово, «германский», — размеренно продолжаю я, — просто оно, знаешь, мне страшно напоминает моё детство, тогда много людей почему-то всё немецкое называли германским. Но с другой стороны... теперь с этим скорее даже ностальгические ассоциации. Что-то домашнее, уютное, напоминает Новый год. Шоколадки «Риттер спорт» и подарки.

— Извини, Лена, я задумался — попытался подключиться Матиас, из вежливости слушавший вполуха, — что за слова?

В других обстоятельствах это мог бы быть вполне интересный, живой разговор. Матиас любит истории про Россию, особенно если они (как ему кажется) — про тяжёлое прошлое и героическое детство. В *Nürnberg Zeitung* Матиас часто пишет материалы про Россию, и в своё время мне нравилась идея учить немецкий по статьям любимого. Правда, что-то так и не удалось, и большую часть времени мы говорили по-английски. Матиас, впрочем, не пытался учить мой язык, так что и я не чувствовала себя обязанной.

— Просто... в русском языке есть два слова, — медленно начала я рассказывать, — два прилагательных, которые обозначают что-то, связанное с Германией. Одно — с русским корнем. А другое — как английское *german*.

Матиас продолжает, не глядя на меня.

— И какая между ними разница?

— Разница... Разница такая. Первое, *nemetskii* — это вроде как прямой перевод *Deutsch*. Оно нейтральное по значению и употреблению. А то, которое *german* — оно означает... что-то вроде «принадлежащий стране под названием Германия» — ну, не знаю, германский флаг или германский гимн. Но при этом — мой немецкий друг, его немецкий нож, его немецкий характер. Немецкий дом. Немецкая семья. Немецкий...

Я выговаривала слова, разбивая их на наборы слогов, произносимых друг за другом с равномерными перерывами ровного голоса, какой бывает у зубного за секунды до того, как он дёрнет щипцы, или у доброй медсестры, если дети боятся уколов, и нужно заманить их на голос и отвлечь. Матиас не особенно прислушивался к тому, что я говорила — а когда в таких ситуациях говорил он, едва ли слушала я. Вся суть разговоров была в том, чтобы заполнить тишину — и, наверное, сделать эти странные моменты более обыденными.

***

Четыре года назад: я живу в забытом богом студенческом общежитии в девятом районе Праги, работаю на почте и готовлюсь к поступлению в Карлов университет. Последнее — идея Матиаса: он отговорил меня от частного колледжа с обучением на английском языке и силком запихнул на курсы чешского. Реальность не слишком походит на то, что я себе представляла: мне тяжелее, скучнее, и я то и дело порываюсь улететь назад, в Россию. Но Матти приезжает в Прагу каждые выходные, и от одного его приезда к другому я уговариваю себя попробовать ещё немного.

Три года назад: я поступаю в Карлов, и через Матти устраиваюсь на свою первую стажировку на «линии доверия»

для иностранных туристов в Праге. Днём я учусь, а работаю в вечернюю смену, с восьми до полуночи. Между звонками часто бывают большие перерывы, и я использую их, чтобы читать литературу о природе и видах насилия и жестокости по курсу психологии, или для того, чтобы писать Матти письма. В этом году он много ездит в командировки, и мы уже не видимся каждые выходные. Но это не так плохо, как звучит, потому что взамен мы стали переписываться, и на бумаге говорим и спрашиваем многое, чего не стали бы вслух. Я знакоюсь с группой городских активистов «Помощь для Праги» и впервые делаю что-то на чешском языке.

***

Всё дело в том, что физическая боль быстро стирается из памяти, а привязанность и благодарность — нет. И в моих воспоминаниях, если мы подолгу не виделись, мне начинало казаться порой, что расчертить по всему телу линейку — это как нечего делать. То ли из-за этой забывчивости, то ли просто потому, что мы не виделись так давно, и я так сильно скучала — или, какая разница, по любой другой причине — сегодня мне вдруг было очень больно. Так, как я никогда не помнила. На глаза выступили слёзы, я перестала смотреть в потолок и стала с закрытыми глазами думать о своём ровном дыхании. О немецком платье. О немецком доме. О немецкой книге. О немецком танце — потому что знала, что стоит мне сбиться и хоть на долю секунды разрешить себе панику, переживание боли — и вместо ровных отметок лезвие Матиаса может нечаянно расчеркнуть на моём бедре красные зигзаги. Такое уже бывало, в диапазоне от Филонова до Поллока, и эти картины потом по неделям давали о себе знать под плотной тканью джинсов, напоминая при ходьбе, что вся эта свободная жизнь зашла очень далеко.

— Немецкий... город. Немецкая столица. Немецкий... чёрт, больно! — не выдержала я, потому что последняя чёрточка, которую Матиас оставил где-то совсем низко, может быть, у основания икры или совсем на лодыжке — вдруг моментально схватилась и загорелась огнём, и я не выдержала; вместе со

слезами меня захлестнула волна раздражения и возмущения — на себя и на него оттого, что... — хватит, отстань от меня!

Матиас вздрогнул и моментально убрал руку.

— Ты в порядке? Что случилось, малыш? — спросил он, осторожно погладив меня по коленке. Я резко отдернула ногу.

— Мне всё это не нравится.

Матти молчал, и я знала, что он думает: что я говорю неправду.

— Шесть лет?... — наконец начинает он и не задаёт вопрос.

— Шесть лет, — отвечаю я очень твёрдо.

Я пожала плечами, и мы замолчали. Я вижу, что он хочет сказать ещё что-то или спросить — может, почему я вдруг — сегодня, хотя никогда раньше не... Но он долго молчит, а потом говорит — коротко и осторожно:

— Мы можем больше никогда этого не делать, малыш. Это совершенно не обязательно... не обязательно для меня, — запинаясь он на последней фразе, и я наклоняюсь к нему, словно пытаюсь за него договорить. Потому что я точно знаю, что мы оба чувствуем сейчас: нестерпимую фальшь момента.

Я ничего не ответила. Матиас, убирая одной рукой лезвие на прикроватную тумбочку, другой притянул меня к себе. Я остановила его ладонью, чтобы стянуть и отпихнуть подальше одеяло, и какое-то время мы не говорили.

Потом Матиас обнял меня; я положила голову ему на грудь и закинула на него ногу. В такие моменты нам было спокойнее и лучше всего: среди недосказанностей, полуправды и лавирования между тем, что правильно, и тем, что хочется сделать.

— И всё же, что там за история с подарками? — задумчиво переспросил Матиас, целуя меня в плечо.

— С подарками?

— Да. Ты рассказывала про Новый год, «Риттер спорт» и про подарки.

Я хрипло рассмеялась и поцеловала его в нос.

— Ах да! Германские подарки. «Риттер спорт» с марципаном в красной обёртке. И много маленьких дедов морозов, — я улыбнулась, потому что понимала, что сейчас опять начинается героическая история про Россию в девяностые. —

Просто в моём детстве... ну, ты наверняка знаешь много историй про «тяжёлое постсоветское время», что у нас тогда ничего не было... всё вот это. И, в общем, у нас тогда часть родственников уже переехала в Германию. И иногда — может, раз в год, может, реже — бывало, что кто-то один оттуда приезжал в гости. Или наоборот, кто-то из России уезжал в гости на неделю или две. Ну а для нас, для детей — это в любом случае означало...

— Подарки.

— Точно, германские подарки. Чаще всего это была «существенная часть» и разные сласти — шоколад там, лебкухен³... ну, я уже не очень помню. Помню, что мы сразу получали по «риттеру», а потом большую часть родители с бабушкой убрали в буфет до какого-нибудь большого праздника, вроде дня рождения или Нового года.

— Бедный ребёнок, — потрепал меня по голове Матиас, — маленькая Лена с «риттером» и шоколад, запёртый в буфете.

— Да ладно тебе. Самое главное — это же существенная часть, основной подарок!

— А что было в существенной части?

— Ну... Это могла быть игрушка. Или одежда. Взрослые женщины могли что-нибудь по дому попросить. Но — самый шик — это было что-то для школы.

— Для школы? Серьёзно? — переспрашивает Матиас, и я почти вижу, как в нём в очередной раз поднимаются всеобъемлющая жалость и сочувствие к прошлому своей подружки.

— Дурында ты, ничего не понимаешь, — я села в кровати. — Это чувство — когда ты приходишь в школу с огромным новеньким квадратным рюкзаком — таким, знаешь, с жёстким каркасом, как черепашка-ниндзя в стиле Малевича, только цветная — непередаваемое ощущение.

Матиас театрально обхватил голову руками.

— И, — я развожу его руки в сторону, уже еле удерживаясь от смеха — и это ещё не всё. Потенциально, если тебе очень повезло, ты мог ещё получить пенал. А если тебе прямо уж совсем-совсем-совсем везло, то это был четырёхэтажный пенал!

---

³ *Nürnberger Lebkuchen* — нюрнбергские пряники, традиционный деликатес, особенно популярный в сезон зимних праздников

На этом месте мы оба окончательно не выдерживаем и с хохотом падаем назад на кровать, забыв о красных чёрточках и кляксах, что я оставляю на нежно-зелёных простынях. Мы ещё немного валяемся в обнимку и обсуждаем Матиасовы плачевные представления о том, как могло выглядеть мое детство. Но стоит Матти выйти на кухню, чтобы сварить мне какао, как весёлое настроение сразу испаряется.

«Ты снова сдаёшься», — написано невидимым размашистым почерком на стенах. «Снова сдаёшься», — висит в воздухе. «Снова сдаёшься», вспыхивает над изголовьем кровати. И меня злит, что это правда и что Матиас напевает на кухне. Когда он возвращается, я притворяюсь, что уже почти заснула. Смотрю на него сонными глазами и прижимаюсь лбом к его плечу, допивая какао. Постепенно я и вправду начинаю проваливаться в сон, и последние слова Матти долетают до меня уже откуда-то издалека:

— Если честно, я во всё это верю с трудом. Как будто это такой старый фильм про тебя. Где ты такая смешная, очень маленькая, ждёшь подарков из Германии. А потом гордо идёшь в школу с огромным рюкзаком за спиной... — и я хочу ему ответить, но уже совсем нет сил. Но его слова чем-то запоминаются мне, что-то смутно тревожат — и, расщепляясь на звуки и перерастая в мерный, ровный шум, они уходят в сонную тьму вместе со мной.

***

Два года назад: по окончании университета мне поступает предложение работы от комитета по защите прав женщин Польши, и я переезжаю в Варшаву. Несколькоими месяцами позже Матиас получает огнестрельное ранение при работе над репортажем о криминальных бандформированиях в пригородах Парижа. Я вылетаю к нему ближайшим рейсом, взяв отпуск за свой счёт. Оказывается, что он совершенно не умеет переносить боль, и я круглосуточно дежурю у больничной койки, держа Матти за руку. Однажды он упоминает, что ожидал увидеть меня в Германии после окончания Карлова, но я меняю тему.

Год назад: в один из приездов Матти в Варшаву он приглашает меня оставить работу здесь и переехать к нему. Я переезжаю работать в Швецию и обещаю подумать — но зато провожу почти весь летний отпуск в Нюрнберге. И снова возвращаюсь на рождество, которое мы встречаем с семьей и друзьями Матти. Они — самые обычные люди, и от этого мне легче.

***

Просыпаться от боли — совсем не то же самое, что проснуться от кошмарного сна или внезапной вспышки света. Боль — хитрее и мягче: вначале она мягко выманивает спящего из темноты и медленно, шаг за шагом, подталкивает к свету. Но стоит только открыть глаза — и она обрушится на тебя со всей безжалостностью.

Сон, из которого боль уводила меня, был странным и тревожным. Мне снились чёрный, белый и серый — три цвета, замешанные и застывшие с острыми краями, как щедрые мазки масляной краски. Изображение зернистое, шумное и живое — оно пульсировало и разрасталось вокруг меня, вдавливая в странный мир, в котором половина была от Поллока, а половина — от Брейгеля.

Мне снились дети — очень простые, угловато очерченные фигуры, почти абстракции, но каждая — как живая. Некоторые дети просто шли, другие бежали — движение передавалось через штрих, через отточенные, острые росчерки чернильного пера; и всё — скобки, полосы, точки, галочки — уверенной, твёрдой рукой — мир, пойманный в стремительном движении, в полуразрезе, в лихорадочности и смуте. И словно для того, чтобы хоть как-то смягчить это гнетущее впечатление, весь сон затянули тонкой глянцевой плёнкой — наверное, когда-то прозрачной, но порядком пожелтевшей к моменту появления в моём сне. Тут и там на ней пробегали белые трещины, мутные пятна и венозные заломы, какие бывают на старых фотографиях, сваленных без разбора в коробку.

Стоило мне открыть глаза, как тело вспыхнуло. Вокруг каждого пореза и царапины расходились по коже горячие круги, и я разом вспомнила каждую ночь, которая начиналась как эта и длилась бесконечно долго. Всё тело будто горит — и даже соприкосновение с одеялом, с простынёй, самое простое и будничное касание, которого никогда не замечаешь, жжёт как песок, растёртый прямо под кожей. По сравнению с этим прохладный воздух, когда я осторожно, чтобы не разбудить Матти или не сделать самой себе ещё больше, выбираюсь из постели, оказывается неожиданно приятным на ощупь.

Часы показывали четыре двадцать шесть. Маттиас спит, обняв подушку обеими руками, и я неровным, нервным движением поправляю одеяло, которое он всё равно сбросит на пол к утру. И вспоминаю, что он тоже присутствовал во сне — точнее, не он сам, а его голос, то, что он говорил мне перед сном: мои детские рассказы для него — не жизнь, которую он может представить, а кадр из старого фильма, где я иду в школу с огромным рюкзаком за спиной. Мой сон был чем-то вроде ответа для него, мрачной пародией, где картинку из детства пропустили через призму наших отношений. И вроде бы один и тот же сюжет; но вот смешная маленькая девочка с подарком из Германии, а вот — как будто то же самое, но нарисовано всё в чёрточках, перьях, штрих за штрихом — изрезывает в клочья всё живое и болит.

За окном занимается серым утро, и я задёргиваю шторы, чтобы как можно дольше не видеть себя в темноте. Сколько раз это повторялось за последние шесть лет — что я вот так дежурю ночью у окна, что потом проснётся Матти и начнётся переполох, что он будет пытаться мне помочь, а я, доведённая болью до истерики, буду кричать, что ненавижу его, себя и всю эту жизнь, которую мы построили? На моём теле много таких ночей — и ещё больше тех, где я, обещая себе больше никогда и срываясь, сама делаю это с собой, полосую тело, чтобы забыть другое через его боль. Потому что всё это — постоянное одиночество, разбавляемое эйфорией редких встреч и долгих недель апатии после них; жестокость ко мне, которая тает рядом с моей собственной, и уже не знаешь, где выход; и больше всего — попытки Матти создать из этого жизнь, похожую на

нормальную, где семья и дом в Германии, где всё с виду хорошо. А я не могу с этим согласиться и делать вид, что так, как у нас — нормально; всё это — слишком далёкая дорога для школьницы с рюкзаком со старого чёрно-белого фото.

***

Шесть лет назад: поверить не могу, что они правда меня бросили. Тоже мне, лучшие подруги. А ведь всего неделю назад мы были вместе навсегда: три девчонки в чёрном с ног до головы, отправившиеся на Сигет; впервые в Европе без родителей, нашего английского хватает на то, чтобы чувствовать, что мы тут свои — и мы собираемся попробовать всё, что только могли представить в этой жизни, и чего нет. В кармане куртки у меня с самого первого дня фестиваля лежит картонная пластинка с бритвенными лезвиями. Их мне даёт Аня, когда мы устраиваемся на первую ночёвку в палаточном городке, и я хмурю брови.

— Тут же будет куча панковских тусовок и всякое такое — многозначительно говорит мне Аня.

— Ну я как-то не по этой части. Что мне с ними делать? — кручу я в руках пластинку. Она закатывает глаза.

— Господи, ну шнурок привяжи и на шею повесь, что делать.

Но я убираю подарок в карман — мне нравится время от времени проверять через грубую ткань, на месте ли коробочка, и находить её там.

Конечно, я понимаю, что если бы я не уехала в день отлёта смотреть на это дурацкое шоу скейтеров на Площади Героев, то я не потерялась бы в метро. Если я не потерялась бы в метро, то я не опоздала бы в лагерь. Если я не опоздала бы в лагерь, моим подругам бы не пришлось решать: оставить меня здесь одну, без денег и документов, или успеть попасть на самолёт. Обратно в лагерь меня уже никто не впускает, и я возвращаюсь на метро на Площадь Героев, потому что это единственное место в Будапеште, которое я теперь знаю кроме Сигета. И все шесть часов, что я сижу у подножья колонны на Площади Героев, размазывая по щекам и шее слёзы вперемешку с тушью, я представляю, как они летят в самолёте по маршруту

Будапешт-Москва. Аня наверняка сидит у окна, Света около прохода, а между ними пустое кресло — без меня, но с моей сумкой, паспортом и кошельком.

Единственное, что у меня оставалось — две купюры по тысяче форинтов в кармане джинсов (одну из которых я уже разменяла в «Макдоналдсе») и простенький местный телефон, с которого я даже не могла позвонить в Россию и вместо этого набирала всем, о ком могла подумать: двум новым друзьям из Испании, девушке из Рейкьявика с зелёными волосами, ещё каким-то людям, чьи имена я не записала, и Матиасу, который жил на фестивале в соседней с нами палатке. Но никто не поднимал трубку; похоже, дружба на Сигете остаётся дружбой только на Сигете.

Прохожие, которые то и дело подходят спросить, почему я плачу, пытаются помочь, и вокруг меня то и дело возникает и рассасывается толпа зрителей. Кто-то даёт мне пятьсот форинтов, кто-то предлагает остаться на ночь, кто-то успокаивает и говорит, что когда истечёт срок моей визы, меня в любом случае бесплатно депортируют. Кто-то даёт хороший совет — российское посольство, оно ведь тут не очень далеко, на улице Андраши!.. Но потом все вспоминают, что сегодня суббота, и до понедельника даже российское посольство не может мне помочь.

***

Конечно, даже не приди Матиас тогда, вся эта история как-то разрешилась бы. В конце концов, сотни людей сотни раз в мире теряли документы, опаздывали на самолёты, теряли друзей — и как-то справлялись. Но я помню страшное чувство облегчения, когда на десятый или сотый раз на мой звонок вдруг кто-то ответил. К тому моменту я настолько отчаялась, что просто по кругу щёлкала по номерам, даже не смотря, кого я набираю — и не сразу поняла, чей голос говорит мне сидеть там, где сижу, и ждать. Потом я боялась, что вдруг он передумает, или что мы не узнаём или не найдём друг друга. Прошёл час, и за это время стемнело, но народу на площади только прибывает, поэтому я поднимаюсь на ступеньку повыше и становлюсь с

самого краю. Всем вокруг весело, кроме меня — по площади разъезжает куча парней и девчонок на скейтах и роликах, справа от меня компания играет прямо тут, на улице, в какую-то настольную игру; все приходят, уходят, кричат, целуются, и у всех всё хорошо.

Но Матиас всё-таки приезжает за мной, и я бросаюсь к нему на шею, позабыв про то, что я даже не знаю толком, кто он такой — этот случайный парень с Сигета, который пожалел случайную знакомую. Впрочем, в таких условиях дружба растёт быстро; и после того, как он проходит со мной через все ступеньки спасения, после того, как сделано всё, что нужно — звонок родителям, устроиться в хостел, решить, что делать с деньгами, решить, какой будет план дальше, — когда я снова обнимаю его, мне кажется, что я обнимаю очень близкого друга. Меня охватывает состояние благодарности, эйфории и ощущения, что всё хорошо. И хотя уже очень поздно, мы ещё долго сидим на улице, прямо на ступеньках хостела, пьём пиво в честь моего спасения и смотрим на загулявших туристов и на странноватую ночную публику в районе Западного вокзала.

И только в самом конце этого бесконечного дня, перед сном, когда я устраиваюсь спать в футболке, которую мне выдают в хостеле из ящика забытых вещей — все события и переживания этого дня накатывают снова, и я начинаю судорожно дышать и хлюпать носом. «Что, если», — думаю я. Если бы я не дозвонилась до Матиаса, если бы этот допотопный телефон разрядился, если бы родители не могли перевести Матиасу деньги на новый билет для меня, если бы... Я стараюсь перестать об этом всё думать и не злиться на подруг за — как мне кажется — предательство, но меня трясёт от страха, и я подбираю под себя коленки и пытаюсь делать глубокие вдохи и выдохи, чтобы перебить слёзы. А потом в голову приходит эта мысль, и я, сама не понимая, что делаю, открываю карман куртки.

***

Мне странно, что я не помню точно, когда и где это произошло в то воскресенье. Может, где-то в парке Маргит, уже ближе к вечеру, когда мы без сил повалились на траву, кляня себя

за то, что решили пройти весь остров пешком. Хотя, скорее это было что-то совсем будничное — вроде покупки хот-догов на улице или билетов в метро — так, что совершенно невозможно оказалось угадать, что именно с этой секунды начнётся вся наша история. Поэтому мне врезался в память, слово в слово, весь тот короткий разговор — и совершенно ничего о том, где и когда он мог случиться.

Вот мы о чём-то говорим, смеёмся, бурно жестикулируя — и вдруг Матиас, схватив меня, разворачивает мою руку ладонью вверх.

— Что это? — спрашивает он.

И я сначала не понимаю, о чём он — а когда понимаю, выдёргиваю руки и прячу за спину.

— Не твоё дело, — грубо отвечаю я. Секунду мы молчим — и я не знаю, чего ждать в ответ; чего угодно.

— Дура, — зло и хлестко говорит мне Матиас. — Если не знаешь, как это делается — не берись.

Чего угодно, но не этого.

***

Я знаю, что Матти меня не подведёт. Что когда он проснётся, он начнёт одновременно ругать меня за то, что я не разбудила его, и заниматься правильными и нужными вещами — найти обезболивающее, найти антисептик, найти силы заставить меня лечь назад в кровать и проспать ещё два часа.

Потом мне станет лучше, и вместе мы обязательно найдём, что мне надеть, чтобы не было больно, и пойдём пешком от дома прямо до Площади Героев, держась за руки и вспоминая себя в этом городе шесть лет назад. Мы будем улыбаться и смотреть друг на друга влюблёнными глазами — два человека из двух разных стран, которым повезло не только встретиться случайно, но и найти возможность строить общую жизнь, со всеми её сложностями — от расстояния до ревности к родине друг друга. Впереди у нас будет ещё целых шесть дней вместе в этом городе, шесть дней, разбитых на часы, минуты и секунды, из которых некуда бежать. **¶**

Саади Исаков

Чёрный квадрат

Фамилия Виктора была Масленников. Отец его был Масленников. Дед был Масленников, а по матери он был Розенблюм.

Фамилия Масленниковы происходила по роду занятий, как Молочниковы, Воскобойниковы и Хлебниковы. Когда в местечках раздавали фамилии на русский манер, его предок по отцу занимался производством подсолнечного масла из семечек — отсюда и фамилия, по-староместному, призвище. Больше, конечно, подходило бы Маслобойников, но кто в то время вдавался в такие языковые тонкости.

Местечко было под губернским городом Николаевом. После революции семья перебралась в сам приморский город, где Виктор родился в репрессивном 1937 году.

Отец Масленников был военным. Незадолго до Великой Отечественной его перевели в Сталинградский гарнизон. Сталинградскую битву шестилетний Виктор видел не постановочно, как в фильме Бондарчука, а наяву, отсиживаясь с матерью в подвалах, а потом в землянках, как мыши в норах, за что теперь получает надбавку к пособию в двести новых израильских шекелей, как фронтовое дитя войны.

Своё пособие Виктор называет пенсией. Со всеми немецкими надбавками покаяния за нацистское прошлое и плохое поведение относительно таких, как он, пенсии вполне хватает на вполне сносную и сытую жизнь, но голодное военное и скудное послевоенное детство приучило его к повышенной бережливости с прицелом на «про запас». Одновременно с этим выработалась привычка к советской собственной гордости на всё без разбору глядеть свысока, особенно на всё непонятное и чудное, например, на веру в бога, а также держать марку и подчёркивать свою исключительную порядочность, унаследованную не от изобилия, благородства и чести, а от нищеты и как бы в отместку.

Ему без года восемьдесят. Он невысок ростом, крепок, широкоплеч, как беглый каторжник жилист и мускулист, чуть сгорблен, но не в спине, а с наклоном всем телом вперёд, будто всегда целеустремлён. Левая рука его при хождении чуть впереди, правая чуть позади. Выдаёт его редкая профессия — он бывший тренер по прыжкам с шестом, заслуженный мастер спорта.

В городе его фамилию — Масленников — давно никто не помнит, и зовут, как блатного — Витя Квадрат, что на самом деле поверхностное недоразумение, лишь внешнее сходство, нисколько не отражающее его природной сущности, и он, несмотря на внешность, слыл очень порядочным человеком и весьма этим гордился.

Он — совершенно безбожный атеист, в смысле оголтелый и безнадежный. Живёт он в религиозной стране уже скоро как двадцать лет, однако до сих пор путает праздники и не может отличить пасху от суккота. На завтрак он ест сосиски и колбасу со свиной — без неё, он считает, совсем не тот вкус, и запивает котлеты молоком. На совет друзей и единственной дочери воздержаться, всегда с упорством отвечает, что уже поздно менять привычки и убеждения: так было раньше и будет всегда. На что дочь однажды в сердцах сказала:

— Господь тебе за это когда-нибудь отомстит.

Так и сказала: не накажет, а именно отомстит. Потом, правда, спохватилась, оправдывалась, однако слово полетело ввысь.

Виктор — вдовец. Жена Люся умерла через пять лет после того, как они переселились за бугор. Собственно, и приехали они сюда, бросив всё нажитое, из-за неё, потому что на родине им сказали, что её рак могут вылечить только там, иначе давали на житьё в лучшем раскладе год. Здесь доктора протянули пять.

— Ради неё я бросил всё: любимую работу, квартиру, родину, и поступил как порядочный человек, — объяснял он свою миграцию, — а вот как оно получилось, — сокрушался Виктор на поминках.

С тех пор он ни к одной женщине не прикоснулся, как однолюб, упрямо верный привычкам и убеждениям, но и как порядочный человек. Жить он остался в той же квартире, ничего не выбрасывал, не двигал, оставил всё, как было при Люсе.

Дочь Римма каждую пятницу привозила ему под дом кастрюлю борща или щей по маминему рецепту, десяток котлет или куриных ляжек, к вкусу которых Виктор привык за сорок лет совместной жизни, — он спускался вниз с сумкой на колёсиках, полной свежих фруктов, и поднимал недельный провиант на лифте на пятый этаж.

Он считал это честным обменом, иначе, за просто так, он не брал у дочери ничего.

По праздникам, иногда по субботам, Виктор посещал дочернюю семью. Но не часто, потому что там каждый раз справляли шаббат, и ему, бывшему коммунисту, от этих молитв было не по себе, как чёрту от лада.

К тому же он был до такой степени болезненно щепетилен, что буквально страдал от мысли, что кому-то может причинить неудобство своим присутствием и ненароком объесть. И хотя муж Риммы Миша Белоцерковский был к тестю вполне терпим, как минимум — нейтрален, Виктор оставался настороже, прислушиваясь к каждому оттенку его речи. Он чувствовал бы себя неловко, даже если бы зять был ему рад, как родному отцу.

— Вы ничего не подумайте, у меня дома всё есть, — говорил Виктор, если Миша предлагал ему дополнительную порцию в шаббат, — я не голодаю.

— Да я не думаю, что вы нас объесть пришли, — говорит ему зять, — просто курочка у Риммочки сегодня особенно удалась.

Но вместо того, чтобы взять ещё один кусок, Виктор начинает поспешно собираться домой и через минуту уже бредёт чуть ли не через весь город пешком ради вечернего моциона перед сном, гордый своим дурацким поступком.

Если же Виктору приходилось попасть в другой дом, на день рождения или поминки, он с заметным апломбом вообще не ел, потому что ни одна хозяйка не дотягивала по вкусу и стерильности до уровня Люси. Он доверял в еде только себе, а позволял себе готовить только Римме, как раньше позволял только Люсе.

Но выставял он это так, будто он порядочный человек и никого не хочет объедать.

Иногда он болеет простудой, что несвойственно старикам с их устоявшимся, натренированным к лёгким вирусам и бактериям иммунитетом, что свидетельствует о молодости его организма не по летам. Иногда, бывает, потянет мышцу, но тогда он помажет болезненное место мазью и пару дней ходит, прихваченным боком наискось. Это всё его болезни.

Почти весь год он плавает в море, делая небольшой перерыв с середины декабря до середины февраля. В это время даже туристы из России и Британии, для кого семнадцать градусов — уже жара и лето, в то время как для нормальных людей — зима и мороз, в воду не лезут.

Раз в неделю Виктор сбрасывает с головы седой пух. Делает он это всегда на кухне: поставит ещё советского производства зеркальце на тонкой ножке, разведёт в мыльнице пену, как в детстве для запуска пузырей, нанесёт густо на голову и аккуратно снимет потом опасной бритвой вместе с волосами, ни разу не задев кожи. Лысый череп придаёт Вите по кличке Квадрат бодрый, по недоразумению слегка бандитский вид, хотя слышит он честнейшим и порядочнейшим человеком, и всячески молодит. Когда он полностью побреется, ему на вид не более семидесяти.

Так он проводит утро, когда ему не надо на работу. Работает Квадрат в двух местах за двенадцать с половиной шекелей в час, то есть за минимальную заработную плату наличными и без налогов — по-чёрному. В одном месте, в русском магазине «Теремок» на Центральном рынке, он разгружает фуры с замороженными продуктами. Как раз здесь он иногда может потянуть спину.

Виталий, хозяин магазина, уважительно относясь к возрасту, одаривает его ещё и продуктами. То отдаст чуть примятую пачку зефира «Лянеж» из-за нетоварного вида, то подарит пакет овсяного печенья на грани срока годности, то завернёт ему в газетку каспийский залом¹, слегка подёрнутый ржавчиной, а в пятницу, перед закрытием на шаббат, обычно позовёт за овощами и фруктами, даст пакета два, а то и три без разбора.

---

¹ Вид сельди; другие названия — сельдь Кесслера и черноспинка (здесь и далее прим. ред.)

Апельсины, бананы, яблоки, помидоры Квадрат оставлял себе, а авокадо, киви, манго и прочую экзотику, к которой так и не смог привыкнуть, отдавал дочери в семью.

В другом месте он убирает двор автомойки и саму автомойку. У него есть отдельное право разбирать и чистить пылесос, которым приводят в порядок салоны. Однажды двое наёмных работников из Литвы, которых в шутку здесь зовут лесными братьями, повадились инспектировать содержимое сборного отсека. Витя Квадрат заметил это и пожаловался хозяину. Тот отругал литовских добровольцев за самоуправство и строго наказал — содержимое пылесоса по праву принадлежит исключительно Квадрату, как чаевые за вырванные немцами годы.

Витя Квадрат после уборки собирает всё интересное в пластиковый мешочек, приходит домой, садится на кровать, стелет газету «Вести» или «Секрет», в зависимости от того, какая подвернулась в этот день на той же мойке, и подсчитывает бонус. Потом он докладывает считанную мелочь в холщовый мешочек, записывает образовавшуюся общую сумму на бумажке, кладёт её сверху, чтобы потом знать наверняка, сколько там денег, и прячет в укромное место на балконе, всегда закрытом глухими ставнями от соседей, солнца и песчаных бурь. Частенько попадаются и сами купюры. Если считать на круг, то пылесос даёт двадцать пять—тридцать новых шекелей в день.

Когда набиралась ощутимо круглая сумма, Квадрат шёл в обменник на улице Герцеля восемь, единственный в городе, где принимали мелочь, менял на бумажные купюры, а те заносил на свой счёт в банк Леуми на той же улице кварталом ниже. Сколько там скопилось денег, было его и банка тайной.

Бывало, Витя Квадрат сталкивался в обменном пункте с городским попрошайкой Вовой Крохобором, дежурившим обычно на площади Шмуель-ха-Нацив, но никогда с ним не здоровался по той лишь причине, что видел в его занятии нечто совсем неприличное, недостойное еврея и человека.

Одновременно с пополнением счёта он оплачивал коммунальные услуги, свет, телефон, интернет, кабельное телевидение и квартиру, всегда заранее, всегда переживая, что деньги не дойдут вовремя, и кто-то там, ему совсем неизвестный, усомнится в его кристальной честности и порядочности.

Кроме денег, дополнительно собиралась всякая прочая мелочная и негодная ерунда: ключи, крошечные детские игрушки, авторучки, женская помада, карандаши, прочая косметика, — всё это Квадрат выбрасывал, кроме ключей.

Как порядочный человек, он приносил их обратно на автомойку и вешал на видном месте на гигантском гвозде, вбитом в стену. На таких на его родине обычно держали цинковое корыто. В таком его тоже мыли в детстве. Однако ни разу никто за ключами не пришёл, и тогда он перестал их возвращать и выбрасывал вместе со всем прочим ненужным барахлом.

Изредка Витя приносил домой обручальные кольца, девичьи колечки, непарные серьги, перстни, кулоны и прочую нательную красоту, проглоченную пылесосом, быстро научился отличать ценную ювелирку от бижутерии и сразу отправлял последнюю в помойку. Постепенно, с годами, у него скопилась маленькая шкатулка-сундучок, набитая разными украшениями, ни разу не востребованными и определённо ничьими.

Сундучок этот был каслинского чугунного литья с ключиком, оставшийся в наследство от матери жены, но не с простым узором, а со сценкой из произведения А. С. Пушкина, очень подходящей именно для шкатулки с ключиком. Витя Квадрат прятал сокровища на том же балконе, где хранил мелочь, и всё искал применение содержимому шкатулки, но ничего путного в голову не приходило.

С возрастом, как заметил сам Виктор Масленников, голова его стала работать заметно медленнее. Вариант отдать всё дочери отпадал сразу, потому что та была брезгливой чистюлей, как и он сам. Никого другого в его жизни больше не было.

Однажды он решил отвезти сокровища на могилку жены и закопать рядом, следуя закону язычников, чтобы сокровища сопровождали умершего за финальным бутром. Квадрату как-то не удавалось дарить украшения жене при жизни, и ему пришлось в голову восполнить этот пробел сейчас.

Он взял сапёрную лопатку, которая хранилась у него про запас на случай перманентной войны, воздушной тревоги и вражеских боевых вылазок, сел в автобус пятсот восемьдесят пятого маршрута и поехал на кладбище на южной окраине города.

Придя на место, постояв возле могилы жены, он впервые со дня их разлуки отчётливо услышал знакомый голос:

— Здравствуй, Витя!

— Здравствуй, Люся.

— А лопата тебе зачем, Витя?

Виктор рассказал, зачем он, собственно, пришёл.

— Ну и дурак же ты, Витя. Форменный дурак. Даром, что бывший спортсмен. Зачем мне эта фигня? И совести у тебя нет.

Она и раньше им помыкала, когда была директором крупной чулочной фабрики, единственной в области, зарабатывала больше и считалась много умнее его. После этих слов свысока обиженный Виктор отправился тем же автобусным маршрутом назад. Он подумал, что Люся окончательно оторвалась от их брэнной жизни и ничего уже не понимает. Зачем она про совесть сказала, он вообще не понял, а факту существования загробного мира значения не придал.

Дома Виктор затолкал сундучок на прежнее место, между коробками от электроприборов, и прикрыл мешком старой одежды. Однако мысль о том, что с этим делать, не перестала его покидать, как любого, кто нажил хоть какой-то капиталец, а тратить его уже не на что из-за скромных потребностей. Между тем, дети выросли, и им либо наплевать на нажитое непосильным трудом, либо они передерутся насмерть за наследство на ещё не остывшей могилке заботливого предка.

Когда человек определённо не знает, что делать, его обыкновенно ждёт ещё большее испытание. В тот день Квадрат встал в пять утра, надел фланелевую рубашку, рабочий комбинезон и тяжеленные спецботинки с защитой пальцев от нападения кирпичей, бойко прошаркал на кухню, позавтракал традиционным еврейским завтраком субботы, картошкой с селёдкой, предварительно снабдив маслом и порезанным кружочками луком, как делала ещё мать, а потом жена Люся, и отправился в автомойку в хорошем настроении, чтобы с утра пораньше успеть отделаться до палящего южного солнца.

Был шаббат. Улицы в это время суток совершенно пусты — до такой степени, что можно спокойно ходить голышом, не оскорбив ничьих религиозных и нравственных чувств. До автомойки было рукой подать, всего полтора квартала.

Квадрат открыл ворота своим ключом. Со двора на железный звук сбежались на кормёжку коты и собаки, и только один Гегемон, по-простому Моня, наглый всеобщий любимец, лёжа на крыше хозяйского лимузина, прозябавшего во дворе в шаббат, мурлыкал и облизывался, ожидая индивидуального подношения.

Двор был почти чист. Работы мало. Насыпав корму всему нетерпеливому зоопарку, Квадрат быстро смёл мусор, побрызгал асфальт из шланга и пошёл убирать автомойку внутри. Моня, насытившись, настырно ходил следом и подозрительно взирал, словно по велению свыше инспектировал работу Квадрата.

Разбор пылесборного отсека Витя обычно оставлял совсем на десерт, перед тем, как свернуть уборку и идти домой. Из пыли и мусора в этот раз он отсортировал горсть монет и кольцо с зелёным камнем, смахивающим на бижутерию. Убедившись в том, что Витя нашёл кольцо, Моня зевнул и отправился на прежнее место, потеряв к Квадрату всяческий интерес.

Все прочие глупости, как то рука от крошечной куколки, шахматный конь белых, набор теней, брелок без ключей, непочатую пачку презервативов, две пуговицы и жетон для тележки универмага «Супер», он выбросил в помойку, закрыл ворота и направился обратной дорогой.

Улицы заметно изменились. Семейными группами или поодиночке шли верующие на молебен. Некоторые уже в заранее наброшенном на плечи талесе², ещё реже в меховых шапках, размером и шириной со спортивное колесо, несмотря на подступающую уже к горлу жару.

«И охота им тратить своё драгоценное время на пустяки?» — подумал Квадрат, уже с утра заработавший двадцать пять новых шекелей от хозяина и не менее того в виде бонуса, прочищая пылесос.

Дома он завалился на часок поспать. Потом тщательно убрал квартиру, что всегда делал, вопреки Завету, по субботам, и сел разгадывать кроссворд для тренировки старческого мозга. На вопросе по горизонтали, кто был прототипом Ноя в

---

² Прямоугольное покрывало у иудеев, используемое для молитв

«Сказании о Гельгамеше», позвонил товарищ Валера. С ним обсудили поражение «Жальгириса» в Евролиге, который, как назло, всю игру вёл, а на последней минуте получил бросок с центра площадки, проиграл, и все старания оказались зря. Долго говорили о телеведущем Соловьёве, конкретно о том, нужно ли всегда подчёркивать, что ты еврей, и не будет ли другим евреям от этого только хуже. Валера вновь завёл свою шарманку о чудесах на Святой Земле. Витя ему по-атеистически всячески возражал в довольно резкой, большевистской форме, сведя всё по обыкновению к тому, что можно быть порядочным человеком и без веры в бога.

— Ной в Гельгамеше, из девяти букв? — под конец спросил Витя.

— Утнапишти, — ответил Валера.

— Тогда певица по вертикали не Пелагея. Какая ещё есть из семи букв?

— Попробуй: Валерия.

— Валерия подходит.

Так они ещё час бились с кроссвордом, пока не разгадали весь. Только к вечеру Витя Квадрат вспомнил про кольцо и внимательно его рассмотрел. При свете лампы оно казалось намного красивее, будто тонкий умелец специально смастерил его для разглядывания по вечерам. Внутри самой дужки кольца Квадрат увидел ямку. Он надел очки, чтобы рассмотреть, что там выдвинуто, и увидел три цифры: семь, пять, ноль, и маленький кружок °, довольно высокую пробу, что было, вероятно, неспроста. Довольный, он добавил кольцо в сундучок и снова запрятал свой клад на балконе.

Наутро следующего дня, в воскресенье, которое на Святой Земле заменяет обычный понедельник, Витя Квадрат надумал взять сундучок и отправился к ювелиру-оценщику на той же улице Герцеля, только кварталом выше, в сторону моря, на углу Жаботинского, рядом с газетным киоском, где Витя иногда покупал газету «Вести», если не находил оставленную кем-то на автомойке. Проходя мимо, он всегда раскланивался с ювелиром. Поэтому считал его хорошим знакомым, почти своим товарищем, и был готов доверять ему, как приличному и порядочному человеку.

Ювелир надел на правый глаз круглое увеличительное стекло, прикрыл левый, став похожим на одноглазого прищельца из мультика, вытряхнул содержимое сундучка на стол и стал сортировать изделия — с камнями влево, без камней вправо, а из серебра оставляя посередине.

— Клад? — спросил ювелир, подметив, что изделия были происхождением чуть ли со всего еврейского мира.

— В некотором смысле не совсем. Скорее коллекция, — ответил Витя, что было почти верно.

— Понятно, — сказал оценщик и тут наткнулся на кольцо с большим зелёным камнем, давеча найденное Квадратом. На лице ювелира появились смятение и страх, особенно заметные через окуляр на правом глазу. Открылся и левый. Мастер молча собрал всё обратно в сундучок, закрыл его на ключик и протянул Вите:

— На, и иди.

— Как так?

— А так, без объяснения причин. Похоже, ты, дед, капитально влип.

Квадрат утёр мгновенно вспотевшее лицо. По глазам ювелира, особенно по правому, он понял, что случилось нечто непоправимое, как страшное горе, и ему стало до такой степени не по себе, что он решил, что сильно зажился на свете, и что пора бы, даже в некотором смысле выгоднее, скоропостижно помереть.

— Иди, дед, быстро отсюда, — сказал оценщик, снимая окуляр, от чего ужас в его глазах сравнялся, но никак не уменьшился, — и забудь, что у меня был. Чтоб никому!

Вернувшись домой, Квадрат не стал больше прятать сундучок, а поставил его на столике перед телевизором, залез в кровать под одеяло, на котором обычно перебирал сокровища и, трепеща от страха, стал ждать неминуемого ужаса, отпечатанного в глазах ювелира, очень напомнившие глаза матери, виденные однажды в детстве.

Прошло некоторое время. Квадрат почти успокоился, потому что даже страх притупляется и имеет конец. Витя снова запрятал шкатулку в надежное место и перестал придавать зна-

чение происшествию. Правда, он прекратил покупать газету в киоске, чтобы не встречаться с ювелиром лицом к лицу, как переживший однажды жёсткую посадку навсегда перестаёт летать самолётом.

Он по-прежнему работал на двух работах, с удовольствием подсчитывал свои бонусы, складывал мелочь в холщовый мешочек, потом обменивал на купюры и относил в банк Леуми, и уже в ус ни о чём не думал. Но наконец к нему пришли. И стояли под самой дверью.

Это были два незнакомых бугая спортивного, атлетического вида, от них веяло родным стадионом «Созидатель». Один был тёмной, семитской, другой белокурой антисемитской наружности. Позвонили прямо в квартиру в субботний день, когда дверь подъезда всегда открыта настежь, чтобы глубоко верующие не трудились набирать парадный код, а террористы, как резонно возмущался Квадрат, у которых святой день накануне, в пятницу, а суббота предназначена для чёрных дел, могли легко заложить в подвале фугас.

Бугаи спросили по имени Виктора Масленникова и по кличке Витю Квадрата. Он, ничего не подозревая, пустил посетителей в дом. Видимо, всё потому, что считал себя честным и порядочным человеком, или от старости просто перестал сообщать на лету.

Тут его подхватили и понесли в спальню, посадили на тюфяк против телевизора, на излюбленное его место отдыха по вечерам в компании Соловьёва, Бабаяна или Скабеевой с Поповым, присели перед ним на корточки, заняв собой всё пространство комнаты, и, дыша затхлым духом смерти прямо в лицо, доверительным, тихим голосом стали допытываться, где кольцо.

— У нас есть основания полагать, что именно ты прячешь ворованное, — сказал тот, что был семитской наружности.

— Ты лучше его сразу отдай, целее будешь, — добавил второй.

— Какое кольцо? — сперва не понял Витя Квадрат.

— С изумрудом, сволочь.

— Знаешь, чьё это кольцо, жулик?

— Это кольцо жены самого Багратиона!

— Князя? — искренне удивился Виктор такому чуду.

— Босса нашего.

Каких только фамилий ни встретишь здесь, на Святой Земле, ошибочно подумал Витя Квадрат, потому что это тоже была кликуха, хотя думать ему следовало совсем о другом, и позаботиться, чтобы в неё, в Святую Землю, скоропостижно не угодить.

— Это какое-то недоразумение. Я ничего не брал.

— Ворюга плюгавая, — сказал один из двух, теперь уже трудно различимых со страху и в сумерках комнаты бугаев, однако тот, что был по левую руку, мгновенно схватил Квадрата своей правой за горло, — не найдём, сука, убьём.

Виктор машинально ответил кулаком своей правой, толчковой тому в плечо.

— Он ещё сопротивляется, гадёныш.

— Шкатулка твоя где?

Витя Квадрат хрипел, наблюдал опасные круги в глазах, вылезавших из век, терял сознание, возвращался и едва показывал в сторону балкона немеющей рукой. Второй, тот, что был с пустыми руками, догадался, что надо делать, и пошёл искать заветную кубышку, пока несчастный не испустил дух, и тут же вернулся с кладом и мешочком с мелочью, открыл шкатулку — кольцо лежало сверху. Горло старика освободили. Витя Квадрат был чёрный.

— Колечко забираем с процентами, — сказал один из двух бугаев, тот что семитской наружности, конфискуя всё найденное.

— Больно меня старик задел, — сказал второй, выйдя на улицу, и дёрнул правым плечом, — крепкий оказался, сволочь.

— Небось в Союзе шконку грел за воровство или скупку краденого.

— Убить его мало, — сказал бугай антисемитской наружности.

— Это уже, братан, перебор. Команды такой не поступало.

— А почему?

— Зачем мне вникать, какие у них там цели? — сказал семит и многозначительно посмотрел наверх.

Витя Квадрат, конечно, испугался бандитов, но не так чтобы очень. По глазам ювелира он ожидал много худшего, как минимум долгой, мучительной смерти, как от фашистов. Шка-тулку тоже было не жаль, потому что с ней он избавился от не-нужных хлопот и досужих мыслей.

Хуже всего и обиднее всего было то, что какие-то отпетые бандиты, их босс Багратион, наверное, мафиози и форменный негодяй, каких только не сыскать, этот подлый стукач ювелир, взявший слово с Квадрата никому не говорить про кольцо и ви-дать, сдавший его с потрохами, да ещё заработавший на этом, ещё хуже — теперь весь город будет считать его жуликом, во-ром, непорядочным и бесчестным человеком, в каком-то смысле много хуже себя самих, потому что не они у него, а он у кого-то вроде как украл. И с этим теперь приходилось доживать корот-кий, сухой остаток, а вся его предыдущая, честная и порядочная жизнь оказалась коту под хвост, и всё зря.

И в какой-то мере она теперь — жалкое недоразумение, а не жизнь. **Ю**

Демьян Фаншель

Конец сезона

Ливнем прибиты холмы, междухолмья, гербарий разгульной
 долины,
 Заросли вермута — выцветшей, пыльной, сушайшей полыни,
 Ломкие стебли, стерня, желтоватых колючек верблюжьи
 рыжинки,
 Стойки стойкие — ржавые россыпи мелких цветов на
 пружинках.

Пахнет — в озоне с грозою и йоде настоящей густо —
 Мокрой травой, кипарисовой хвоей, морскою капустой,
 Сонным шашлычным лотком, разжигаемой щепкой и
 стружкой,
 Крепким дешёвым вином, привезённой бывалой железною
 кружкой

(В коей слышны — опрокинь лишь до дна и услышишь! —
 дыханье своё и морской непогоды),
 Прочной, рассчитанной где-то на многия лета, на долгие годы.
 Пахнет дождём после долгой жары, пахнет душем над
 душною бухтой,
 Пахнут — прохладным и свежим — цветные, базарные,
 алчные фрукты.

В сети дождя попадают все виды из окон, селенье, мол, мокрое
 море
 В коже гусиной, курсиве припадочной пены. Раскрытые поры
 Пляжного дышат песка. Истончаются сети:
 Были ль те неводы, сплыли ли, сгнули — нетути — в нети.

Ливень стихает, прогульчики вышли, в киоске торгуют
 стихами.

Время твоё истекает — то, что происходит и проистекает.
Что-то с пространством творится, с размерами и
глазомером,
С фокусом зрения, ориентиром, античным размером,
Преобразованным в ритм синусоид неверных, сбившихся с
волн, обнаружив
Стирку белья — Афродиты наверное — пены, пелен её,
кружев:
Пачкают шумные, нервные, злые, несносно сопящие
прачки
В зелени мутной, шуршащей, шипящей балетные пачки...

Столько волнения — сам заведёшься: немножко
Косит гексаметр честный, растянутый русской гармошкой
(Будто бы пёс на луну!). Успокоимся. Кончилось лето.
Время твоё истекает: был отпуск — и нету.

Гору заплечную тащит, тяжёлую, мокрую ношу -
К морю! — одышливый, вроде вулкана — Волошин.
Что же: недолго прищуриться. В небо прицелиться метко.
Лету каюк. И не слышно, как булькнет монетка.

* * *

Что с Крымом? Что скифы? Покой ещё снится?
И мы в Коктебеле когда-то бывали.
И будем (Наверное. Может. Едва ли.).
В руках трепыхалась удача синицей:

Когда же — скорее! — в бреду эпилога
Сквозной синеватый увидеть проём?
Цикады во времени скором своём
Стрекогут секунды — будильники Бога.
Всё аглицким блохам подковки куём?

Воздухоплавательный подъём.
Палимой пылью и пылью — дорога...
Жара. Голова полыхает. Лишь тога

Простынная выручит — римский заём...
Но зною слепящему не до подлога,

Ни морю блеснувшему — помнишь? — в Крыму.
Блισταющему лишь тебе одному.
И иже с тобою — для всех, — для кого-то.
Разбег — уже с криком! Мгновенное фото:
Блаженство нырка и — всех денег дороже -
В раю под водою как лыбятся рожи...

Когда это было?
Почём?
Почему?

Другая земля. Лет двенадцать тому.

Идиллия

Ты здесь? Темнеет в комнате.
Внизу орут коты.
В двуспальном тёплом омуте
Что ощущаешь ты?

Лишь суффикс, уменьшающий
Весь слов сонливых вес.
Сон, день до сна вмещающий
(А мог бы даже весь.)

И это есть идиллия,
Где рифмы ни при чём,
И боком здесь при деле я, —
И боком, и плечом.

Под светотени сеточкой
На заспанной щеке
Легко вздыхает Светочка —
Как с веточкой в руке.

Сон: Львов

Марине Курсановой

*«I все то те... Душе моя, чого ти сумуєш?»
(Г. Г. Шевченко)*

Буднично. Привычно. Странно. «Україно, земле...».
День прилёта. День отлёта? Вслушиваюсь. Внемлю.

Гулкий звук шагов: проходит (молча: пантомима)
Стен в подземном переходе — как Орфея — мимо.

Не узнала: от вина ли? Полночи без сна ли?
— Не заметила, гуляла: гетьмана меняли.

Боевой гопак. Предместье. (Вспомнил: капоэйра!)
Брама тёмная. Европа. Новая эра.

Львов. Окраина. Заборы. Вороны, вороны.
Телевизоры — о Крыме. Министр обороны.

К Центру. К университету. Опере австрийской.
Магазинам. К центру. Свету. По улице Стрыйской.

Что ни спросишь — наливают. Плясовая. Опа!
Коломыйский блюз. Кавярня. Дикая синкопа.

Судороги букв. Мигает клинопись неона.
Там музыки слепые — рвут аккордеоны!

В боковом — билет на Франкфурт. Ночь. *Tylko we Lwowie*.
Переделано. Переспів. Упрямая мова.

Тень отлёта. Все в пролёте: гуляй по буфету.
Здесь, у трапа самолёта — вапи. Напих нету.

Как волы режут турбины в «Боинге» козацком...
Не подавишься ли, сынку, сувенирным пляцком?

Львов

И не заметишь, как с площади снова
Улицы брызнут — без мыла — в проулки.
Прошэ: крысиной тропой по Львову, —
Вкось, вкось, вкось — не прерывая прогулки

Кованых ради — чугунных и чёрных.
Ради кривой — и брусчатой и узкой.
Ради Руси, только — древней, нерусской.
Ради австрийских — фасадом — нечётных.

Ради почётных — в злачёных, старинных.
Их дочерей — длинношеих и дивных.
Ради общинных — в пасхальных и длинных.
Ради музейных, фузейных, архивных.

Корысти ради — особой, редчайшей:
Пляшем отстиля модерн. *Moderntalking* —
В каждом кафе. Но — горчайший, сладчайший —
Кофе здесь. Запаха слабые токи

Кофе — по улочкам кривды и правды.
Кофе — под дудочку пения злого.
Снова — крысиной тропой — по Львову.
Моря здесь не было: рады бы, рады...

* * *

Когда Россия с Украиной
Сольются в любящий кисель
И спор закончится невинный
О пограничной полосе:
«Она — отсель. А там — досель», —
И заграничной колбасе,

И пря славян между собою
И безнадёжною судьбою —
Опять усатою, рябою,
Альтернативною всему —

Наверх доложат Самому
(Но не тому):
Что найден выход по уму —
По одному, —
И он кивнёт: «Бысть по сему», —

Начнётся благорастворенье,
Оздоровленье. Населенье
Траву закурит во дворе:
За БТРом, на заре.

И ненависти — укорот:
Пойдёт брататься духом нищий
И злой чечен. И всяк задрот-
Интеллигент, наёмный сброд,
И всяк любезный нам народ.

Гуляет поле. Ветер свищет
Спецназ купается в Днепре:
Увы, он счастья не ищет.
Майдану побратим Мытищи.
И — лишь вперёд.
И третий — лишний.
И раки свищут на горе.

Анна Глазова

Эти тексты написаны из-за чтения стихов Фридриха Гёльдерлина.

ПОЛНОЙ ЖИЗНИ

в жёлтых тенях стволы груш,
сухие розы и стойкий шиповник,
ими только и держится над ручьём
то что как будто бы твёрдым должно быть,
певчими, а не плавучими птицами,
и к их тонким клювам, блестящим глазам
вода тянется — вязкая, и не удержишь.

радость. не сомну в руке,
не загляну в завязь, когда из-под снега
цветы со мной станут делиться ухваченными лучами,
насмотрюсь лучше на солнце, чтобы всё стало тенью.
стоят чужие стены,
по ту сторону, может быть, идёт разговор, и на ветру
как часы у меня стучит сердце.

*

не поздновато ли вам, красные листья на клёне.
или забыли, что не сердолики,
почти драгоценные на морозе,
и ни съесть, и ни выпить, краса голодальца,
если кому грызть зубы милее чем сладость яблока.

подержу пальцы в сугробе и останутся дырки,
вам на память до оттепели,
а мне ненадолго красный оттиск на коже.

*

но, подожди, мы ещё с тобой опоздаем; ещё живут близкие,
их уже увезли в гости, и они там уклончиво отвечают,
ждать ли совсем нас. берегут от них нашу неясность.
не всегда получается сделать молчание
сосредоточенным, понимаешь? они и не думают, их сердце
легко,
в их комнатах много пространства; нам, привлечённым в углы
уже немного скатавшейся пылью, серебристой в лунном луче,
кажется часто что лучше уснуть чем так без близких быть, так
не разделять с ними сладость плохого ночлега, и что тут
скажешь,
и я не знаю, зачем нужны разговоры в скупое на ясность время.
но это затем, ты отвечаешь, чтобы и ночью молчание могло
бы быть выбором.

*

покрыто ли снегом,
прикрыто ли камнем,
лежалым,
лежащим,
не без разницы ли тебе,
или радость,

и потому:
выходи из себя как если бы есть куда,
будто
за простором — бесследность,
будто вихрем размётаны
(а не пропали)
силы.

*

сквозные,
то есть отверстые стены —
так стоит память,
развёрнутый дом
жизни обратной себе;

высшая мера —
невхожесть
возвращения к себе.

*

в поток входят
не двумя пальцами
а оттолкнувшись.

зря не ходят
посуху реки;

и в любое движение
приходится не удержаться
а впасть.

*

Вышла в ночь и пошла резать. Темнота, и не вскрыешь
ножом огня, как ни жми, это не нож для ран. Может быть, это
нож из жидкого света, из неслышного вопля, нож бросать и
отображать. Вырвешь им из тупой немоты образ, нож резать по-
мёртвой. Изображения сотрутся, и мысли, и псы, в двух шагах
впереди и на взводе.

Ушла в сеть, а где меньше сна, чем в сети? То, чего не
рождали, никогда не умрёт, не уснёт. Как охотничий пёс, служа

носом в землю, бегом через ночь, мой нож в двух шагах впереди и на взводе. Ночью, без света, свет невидим; ночью, без звука, вопль умер на взвизге, по следам и ища следов в темноте. Я ищу. Ночь темнела, когда открывалась, себя выдавала следами, и в чутьё моих псов до слёз врезались следы.

Ушла, потому что вечером не уснула, ошиблась, а стоять под луной может пёс, может быть, но что псу в луне, если свет отражений по каналам течёт и по трубам, где каждый кривой путь ты режешь, идёшь, режешь — нет, под луной оставаться не выйдет.

Ночь. Ночь бросала и изображала. Ночь обманом брала как хотела. Шаг влево, справа удар, здесь вырос венец, там засветилось окно. Но следы не врут, ложный след и обманный, след всегда указывает. А где укажут, там режь. А где окно, там и лезь. В ночь ушла за следами, где растёт образ, где больше следов и где нож, я же знаю, обманом возьмёт.

Где растёт, туда и пошли, я и нож, я и пёс, и нож обратился в клинок, а сеть в воду, и я бросила и руками пошла, где растёт. На руке росло, заросль, а когда обратилась, не луна, где стелился след через ночь, а сон был, заросший. **И**

Вероника Сулла

Рассказы

Лампа

Эту лампу, восточную, из толстого голубого стекла, я хотела лет пять. Висела она в цветочном магазине, под самым потолком. Потолок высокий, сводчатый, зелёный. Хозяйка, некрасивая шепелявая женщина с отменным вкусом, просила дорого, не уступала, и лампа оставалась в мечтах, настырных и зазывных. Я воображала, как голубой свет лампы мягко озаряет ванную комнату в нижнем этаже моего дома и сливается в обобщённом экстазе с испарениями лавандового масла.

Раз в два месяца я заходила в цветочный магазин — посмотреть на лампу. Медленно выбирала цветы; хозяйка плела за стойкой всё новые букеты, неожиданные, говорящие. Розы в её руках источали нежность, ирисы брали главные роли, шиповник из кустарника превращался в тонкоствольное, изысканное деревцо в букетном окружении зелени. «Аренду в самом центре города, наверное, оплачивает муж, — думала я, — он понимает, где и на какой глубине в этой женщине зарыта красота, и считает её лучшей на свете». А лампа моя висела над самой её головой, и я гадала, где она её купила и почему никто другой на лампу до сих пор не позарился.

И вот, ровно через пять лет, подчищая хвосты нереализованных желаний, я первым делом вспомнила про лампу. Собралась и пошла в цветочный магазин. Цена за пять лет не упала, была стабильно высокой, будто внешний мир не имел к ней никакого отношения. «Беру вашу лампу», — выдохнула хозяйке в спокойные невыразительные глаза. «Как она может жить с собой, если так тонко понимает красоту?» — подумала я. А вслух сказала: «Знаете, смотрю на вашу лампу вот уже пять лет!» — «Почему же вы её до сих пор не купили?» — спросила она. Глупо

было бы сказать, что дело в деньгах. И я ответила: «Значит, было не её время». Ответ был принят, лампа упакована и уложена в багажник машины.

Дома, в ванной комнате, я раскромсала бумагу и выудила из неё свою мечту. Крупная, тяжёлая ёлочная игрушка на длинной железной цепи, лампа была чужой в моей светлой уютной ванной. Она просила трёхметрового сводчатого потолка, журчания искусственного родника в окружении хрустальных ваз, шёпота свежесрезанных цветов, влаги, простора. А у меня было тепло, сухо, мелкогато и безжизненно, потому что в моей ванной нет окна, и цветам негде взять ни дневного света, ни воздуха.

Погоревала я ровно минуту. Потому что горевать было нечего. Не место здесь моей лампе. Только было жаль пяти лет, в которых жила самостоятельной жизнью вполне определённая мечта.

Наутро я вернула лампу в магазин. Цветочница так же равнодушно приняла её обратно. «Что, опять не её время?» — спросила. «Не место», — ответила я. Положила возвращённые деньги в карман, и мне сразу стало легко.

Может, завтра

(«От лета до лета», записки из Новой Зеландии)

Джон Уилсон, пожилой человек невысокого роста и хрупкого телосложения, отдыхает в тени пляжной полосы, под детски поджав под себя ноги. Одет он в рубашку неопределённого цвета с длинным рукавом, серые заношенные брюки и чёрные кожаные ботинки на шнуровке. Ему жарко, бледная кожа Джона не выносит предательского новозеландского солнца. На прогретой стороне пляжа загорает его жена Сара. Где-то в пределах видимости скользит по волнам их девятнадцатилетний сын Майк. Джон решил, что сегодня скажет Саре о своём решении. Им лучше расстаться.

В юности Сара была хорошенькой девушкой с открытыми водянистыми глазами и славной фамилией Фирт, носители которой успешно осваивали субтропическую колонию. Сара

унаследовала твёрдый характер, привычку к кочевому приморскому отдыху и *bach* — загородный дом в престижной части полуострова Коромандел. Типичная белокожая новозеландка с подтянутой фигурой и очень приблизительным понятием о женственности, Сара вступила в брак с прямолинейным желанием родить и выгуливать на природе многочисленных белоголовых отпрысков.

Сейчас, когда они вот уже несколько лет не жили вместе, Джон размышлял, что его в ней привлекло. Долгими одиночными вечерами в ангаре на пятидесяти гектарах их общей, вслепую купленной земли, он перебирал книги, личные вещи, инструменты, — всё то, чему не было места в их городской квартире, — и отчётливо осознавал, что двадцать лет брака не сблизили его с Сарой. Она любила пляжи и весёлые компании, а он, «киви»¹ во втором поколении, мечтал о карьере авиаконструктора и жизни в далёкой культурной Европе. Он читал книги отца-англичанина, сбежавшего в Новую Зеландию от нищеты на родине, перебивавшего разнородными подработками и хотел развернуть ход семейной истории вспять, «в большой мир». В свои шестьдесят Джон чувствовал, что, не вырвись он из островного заточения сейчас, когда сын уже живёт своей жизнью, — ему этого больше никогда не сделать.

Три дня назад он выставил на продажу все пятьдесят гектаров земли. Пастбища, лес, ручей, оливковую рощу, любимый ангар с видом в бесконечное зелёное пространство, книги, рабочий стол и бельевого комод. Сара ещё не знала об этом, и, наблюдая за ней из тенистого уголка пляжа, Джон думал, что известие её не расстроит. Можно будет выплатить городскую квартиру, оставить её жене и сыну, а себе купить небольшую яхту. Он уже решил, что в Европе будет жить на воде, где-нибудь у французского побережья.

Сара поднялась с земли и направилась в его сторону. Высокая, загорелая, молодая в свои пятьдесят, она шла к нему

---

¹ Национальное прозвище новозеландцев, часто используемое самоназвание жителей Новой Зеландии. Происходит от названия птицы киви, обитающей только в этой стране.

и улыбалась. Ей давно хотелось предложить расстаться, но его жалкий вид, воспалённые глаза и сбитые носки ботинок растрогали её. Не сейчас. Может, завтра.

Инопланетянин

(«От лета до лета», записки из Новой Зеландии)

«Так им и говорю: я — инопланетянин!» Виталий Варакин показывает свой латвийский паспорт. Alien's Passport. Человек без гражданства. Бывший советский гражданин.

Второй, настоящий паспорт Виталия — новозеландский. Синяя корочка с серебряной веткой папоротника и надписью «New Zealand/Aotearoa» стоила восьми лет жизни в стране, куда приехал без языка, денег и связей. Сразу решил — ни дня не работать со своими и искать работу по специальности. Виталий — мастер фрезерного участка.

«Сначала я не мог ничего понять. Буквально, и в жизни вообще. Включаю телевизор, а там — нетбол. Смотрю — не въезжаю, что за игра такая. Вроде баскетбол, а щита нет, и правила другие. Переключаю — регби. Тоже непонятный спорт, но все тащатся». Труднее всего давались разговоры с работодателями. На встречи ходил в костюме, новых туфлях и с портфелем. Вопрос «Что умеешь?» взрывал зыбкую почву под ногами. Полгода засыпал в наушниках под школьный английский, пока не совпали человеческие интересы: очередной хозяин оказался яхтсменом. Виталий служил на флоте, был штурманом частной яхты «Мечта», прошёл всю Балтику.

Потом жил у шефа: хозяйские стол и кровать давили. Но надо было копить на свои. Когда приехали жена с дочерью, снял сквозящее новозеландское жильё. И только недавно купил дом. Деревянный низкопотолочный особнячок, — семь с половиной соток земли и берёзка под забором.

Виталий разводит огонь. Шашлык из местной баранины — сочный и вкусный. «В Латвии я бы не мог себе этого позволить», — говорит. «На месте бывших заводов там теперь супермаркеты открыли. Был я и охранником в банке, занимался сетевым маркетингом, пока не понял, что никому я там не нужен».

Под сорок получил трёхмесячную визу в Новую Зеландию и махом обрубил связь с новоиспечённой европейской родиной.

«Почему Новая Зеландия? А кем бы я был в Европе?» — отвечает вопросом на вопрос. «Там наши специалисты на стройках пахнут, а здесь всё как-то попроще. Доказал, что можешь, всунул ноги в шлёпанцы, и — на работу». Хозяин Виталия ценит. Свои инструменты, часы не считает, работы не боится. Не то что залётные индусы и китайцы. Виталий же немного снисходителен: «Да не завод это. Так, сколотили барак, раскидали электричество, поставили станки. Зато клиенты довольны — ни дня не стоим».

Из книг — кроме специальной литературы — в новую жизнь взял две: «Двенадцать стульев» и «Мёртвые души». Точно — инопланетянин.

Весна

Весна, цветут старые корявые яблони, а по утрам свист такой, что проснёшься, лежишь, слушаешь и ликуешь в душистом набухающем великолепии. Вдохнёшь от грозди сирени, вопьёшься глазами в звёздчатое сиреневое море, и окатит уставший мозг, раздробит закаменелую душу и пойдёт, пойдёт перемалываться в ней невысказанное, живое, до самых косточек. Живое родит, мёртвое умирает, и его не жаль.

Она шла к нему, в синем платье клёш в белый горох, тщательно причёсанная, с мелкими сапфирами в аккуратных мочках, свежая, взволнованная, и думала, что хорошо бы в эту, тридцать третью весну зачать ребёнка от любви; упорное живое семечко переборет всё, развеет сумрак их прошлых брачных жизней, в которых на двоих у них выросло трое детей. Её крупноглазый, подвижный мальчик, — одинокая, нежнейшая боль, и его две пары тёмных взрослеющих глаз: девятилетняя девочка и двенадцатилетний юноша. Она видела их лишь раз, на экране монитора, жующими в далёкой Америке странные для её слуха слова, и он, не выучивший детей родному языку, казался ей кем-то посторонним для них, американских подростков с типично нетипичной внешностью. Жена его, репительная стареющая женщина на крупном посту, после десяти лет в Москве с её

неотлаженным общественным сознанием и удручающим бытом, вернулась в родной Вашингтон, определила детей в престижную школу и стала бегать по утрам, надеясь в чистом кабинете психотерапевта расчленить и мелкими порциями переварить без остатка свою горькую женскую судьбу.

Май оглушал, слепил белоснежной накипью, и она не думала, лишь слышала в себе глубинное, пустующее лоно, требовавшее семени. Муж её не имел к этому тёплому, ненасытному существу никакого отношения; его мелюзговая мужественность вспыхивала и гасла, искала всё новых женщин, бесцеремонно подкупала и оставляла, не выдерживая напряжения провала. Ребёнка родила для себя, ушибленная этой неполноценностью, изрепеченная враньём и изменами супруга. Завершив восемь лет семейной жизни свежим разводом, она собиралась жить, любить и наполнить, наконец, свою жизнь счастьем.

Он ждал, с порога стал осыпая её ласками. Обесточенное тело отзывалось медленно; она стеснялась поникшей груди, всё прижимала к себе то бельё, то покрывало; слова липли ко внутренней стенке живота; делились друг другом в тишине, навёрстывая каждый что-то своё, куда тело не пускало. Час, другой, третий, виски, пот, опять и опять, руки, приоткрытые веки; она поняла, что желанна, и отдалась стремительному потоку. Остановить поток было невозможно, подняться, выйти из него — тоже. Закрыла глаза, откинулась на спину и понеслась. Чужой мир расширил границы, последний толчок пролился в неё и движение остановилось, поглощённое спокойной толщей бескрайней воды. Она поздравила себя с ребёнком. Вот, бежит сильными смуглыми ножками по песчаному пляжу. И всё вневременное: небо, море, широко открытые глаза ребёнка, они сами...

Он вышел в душ, вернулся с платьем на руках и сказал, что пора одеваться. Его ждёт работа, пусть приведёт себя в порядок. Принимает ли она таблетки? Нет? Почему не сказала? Если что, — больше она его не увидит. И не надо говорить глупостей: «Весна! Всё цветёт! Жизнь торжествует!» Он не готов к ответственности. Любовь? Да, может и любовь. Но кто знает, что будет?

Около часу ночи она стояла у окошка круглосуточной аптеки и стеснялась объяснить аптекарю, что ей нужно. Наконец выдавила: «От беременности». — «Когда случился акт?» — «Пару часов назад» — «Примите постинор как можно скорее. Гормональное, может рвать, возможна головная боль. Но от одного приёма большого вреда не будет. Все пьют, и ничего», — аптекарь взял деньги, подал две таблетки и захлопнул окошко.

А в Лаа цветут абрикосы

Герр Шульц вышел из комнаты, не сказав ни слова. С тех пор, как осознал, что стареет, стал экономить слова и время. Чувствовал, что постигает смысл жизни, и смысл этот был нечто иное, чем написанная им двухсотлетняя история родного городка.

Он шёл к кирпичной пристройке в углу сада, к домашним туфлям липла апрельская грязь, было холодно, слегка моросило, и он старался вспомнить, что написал в своей книге об этой войне, ступившей на его землю перед самым своим концом в такой же апрельский день семьдесят лет назад. Так же мгновенно зацвёл и осыпался абрикос, всё было на своих местах: ратуша, городская площадь, собор, ряд низких домов, но пришли они, освободители, и город напрягся, ушёл в себя. Много позже герр Шульц описывал бои и маршруты, чертил карты, отмечал точками места бомбардировок, но сейчас ему вспомнилось другое: как к ним в дом вошёл советский офицер и спросил, где его родители. Бабушка ответила, что отец убит под Смоленском, а мать умерла от сердечной болезни. Посреди комнаты стоял он сам, маленький Шульц, кареглазый пятилетний мальчик. Офицер потрепал его по голове и сказал бабушке: «Я усыновляю его», но та не дала, накрыв маленькую голову внука руками.

Он открыл дверь пристройки и стал искать. Лет пять эти самодельные деревянные качели не вынимали из-под груды хозяйственного хлама. Единственная внучка, для которой он — уже дедушкой — смастерил их, давно выросла, живёт в Вене.

Поднялся по стремянке к перекладине, укрепил на крюках кольца. Под ногами, налипнув на груды грязи, рассыпалось тонкое цветение абрикоса. «Иди сюда», — подозвал русского

мальчика, взял за руку. Нечаянные гости — мальчик и его мама — стояли в дверях дома у выхода в сад. Ребёнок подал руку, но, увидев качели, вырвался и побежал к ним.

Герр Шульц подсадил ребёнка и сильно раскачал его. Тот взлетел к верхушке абрикоса, громко рассмеялся. «Ещё, дедушка, ещё!» — кричал мальчик. Старик, налегке, почти замёрз, но не смел отойти, и свободной рукой сморкался в носовой платок.

Мама и ребёнок искали могилу дедушки, погибшего у австрийской границы в апреле сорок пятого года. Герр Шульц рассказал, как немецкие войска взяли в кольцо направлявшиеся в сторону Вены советские танки и уничтожили около полутысячи солдат. Местные жители сложили их в общую могилу, а спустя полгода, в том же сорок пятом, по распоряжению советского командования останки перезахоронили на специально отведенном кладбище при выезде из города. На карте оно так и обозначено: *Russenfriedhof*².

Скромные ряды бетонных конусов с пятиконечными звездами и фамилиями без имён. Пять фамилий — двадцать неизвестных, семь фамилий — пятнадцать неизвестных...

А через дорогу, в ухоженном квадрате городского кладбища, глядят с выцветших фотографий на железные красные звезды молодые австрийские парни в форме СС.

Судьба островитянина (Итальянские рассказы)

«Когда убаюканные ветром солнце, небо, море Искьи убаюкивают и меня, перестаю думать и становлюсь единым с этим островом. Искитанцы щедро, гостеприимно поят меня своим вином, и сердце моё вновь полно оптимизма и надежды».

Из письма одного островитянина

Если кто-нибудь когда-нибудь возьмётся составлять антологию душевных заболеваний, провоцируемых островным образом жизни, и возьмётся за дело со всей серьёзностью и с учётом местного характера и темперамента, несомненно, главным и практически неизлечимым недугом будет обречённость.

---

² Русское кладбище (нем.)

Ребёнок нечувствителен к обречённости, хотя самым фактом рождения на острове он уже обречён, инфицирован; развитие и проявление болезни — вопрос времени. Всё так или иначе этому способствует: насыщенный живыми запахами морской воздух, сорванный маленькой ручкой свежий лимон, изученный до слепоты путь из дома в сад, школу и обратно, чётко осознаваемая защищённость от внешнего мира в мире маленьком, домашнем, семейном, островном... Вот он несётся с пакетом свежей рыбы от *zio Antonio*³, здороваясь ежеминутно по пути домой; радостно бросается в морские волны, которые для него — такая же обыденность, как круглогодичное солнце, ракушки в песке, немеркнущая зелень пиний, свежий, только из печи, хлеб, и в его маленькой головке складывается в тысячеликую мозаику яркая, объёмная, насыщенная вкусами и запахами картина мира, его мира, вне которого он уже не сможет существовать...

Когда ему исполняется шестнадцать, он сбегает с острова, несётся с лёгкой сумкой наперевес к последнему парому в Неаполь, радостно бросается в волны бурлящей континентальной жизни; волны поднимают его до непознанных ранее вершин, таких же обыденных для других, как метро, опера или снег... И в его созревающем мозгу яркая, объёмная картина мира, сложившаяся в детстве, блекнет, не вмещает в себя новое, чужое, необъяснимое, и — попеременно с болью и радостью — перекраивается заново... Он успевает полюбить, разлюбить, быть брошенным и возвеличенным, жениться и развестись, научиться слушать тело и музыку. К сорока он почти свободен, неуправляемый и несдержанный, поклонник Рима и Венеции.

Тут в нём что-то ломается, резко, неожиданно; он начинает скучать, искать что-то, будто нет ему места на земле; он много путешествует, но всё чаще — особенно в дороге — осязаемо вспоминает твёрдую рогожку гранатовых яблок, созревающих у его дома к концу октября... Ночами снится ему, как он срывает гранат с дерева и разламывает пополам, из сладкого многогнёздного нутра брызжет, сочится на землю рубиновая вода... Он пьёт её, звучно высасывает терпкую жидкость и, на-

---

³ Дядя Антонио (ит.)

пившись, спешит в дом к подоспевшему обеду... Он скучает по морю, солнцу и хлебу, и то же самое вне детского мира его не несёт в себе радости.

В одно утро он вскидывает на плечо лёгкую сумку и садится на паром из Неаполя. О приезде не сообщает: знает — на острове его ждут.

Перед последним поворотом к дому его пробирает дрожь долгожданного свидания, он спешит по узким полуарабским улочкам, заглядывает в окна, его окликают, ему рады, онемевшими руками он касается стен, деревьев, камней, перед глазами оживают картины детства, он вбегает во двор, и — слава Богу, что мать ещё жива!

С нажитой сноровкой и элегантностью перекраивает обанкротившуюся отцовскую лавку и день за днём восстанавливает утраченное равновесие, отвешивая кому полкило *salsiccia di finocchio*, кому *risotto al limone*, капая на пробу янтарные бусинки мёда или наливая в пятидесятиграммовые стаканчики тёмную горькоту *rucolino*⁴. Будто не было двадцати лет упорного порхания в балете, где он по крутой карьерной лесенке почти добрался до высот солиста.

Впрочем, истерзанное балетом тело щедро вознаграждает обречённую островную душу: каждое лето он выходит из разноликого потока туристов с немалым уловом, несколько раз даже серьёзно влюбляется, но рано или поздно девушка уплывает к синей кромке Неаполя, а он подолгу хандрит после каждого неминуемого разрыва и ещё больше, ещё ожесточённое врастает корнями в горячую островную почву.

Как и полагается островитянам, стареет он медленно и незаметно; его часто навещают дети из расстроившихся браков; он им рад, но их не понимает: куда они спешат и почему не бьются у моря, зачем постоянно подключены к интернету и не расстаются с мобильными телефонами. Его можно было бы назвать одиноким, но у него много друзей, а итальянцы не едят в одиночестве. Со временем он всё больше ценит вино, хорошую еду и покой, и из жизни уходит спокойно, в тихое сентябрьское утро, в час, когда гора-вулкан ещё покрыта туманом.

⁴ Колбаска с фенхелем, лимонное ризотто, ликёр из руколы (ит.)

Вечный покой он обретает на маленьком живописном кладбище, на утёсе в сотне метров над морем. Над могилой вместо креста — раскрытая книга с неуместно-весёлой курортной фотографией и простая, исчерпывающая надпись: «Не плачьте обо мне: я любил и был счастлив».

Письмо длиною в жизнь

(Итальянские рассказы)

Пляжный сезон завершался, и лежаки приходилось мыть щёткой с мылом, отдраивать въевшуюся в ткань морскую соль. Вымытые складывал на просушку и — в *deposito*,⁵ до следующего сезона. За лето рубашка на нём выцвела; от жары похудел и почернел до безжалостного рабочего загара.

Стоял чудный день начала осени. Редкие, неужаленные занятостью туристы валялись на остывающем песке, подставив солнцу бледные лица. У кромки воды гнездились нагруженные нитями полудрагоценных камней пакистанцы; вьетнамки-массажистки, все как одна в дешёвых плетёных шляпках, коротали за разговорами незанятое работой время. И только этот согорбленный, словно вяленый человек, молчаливо стаскивающий лежаки под навес, нарушал картину всеобщей праздности.

Хозяин звал его Антонио, переименовав на свой лад более трудное Анатолий. Новое имя тот принял безропотно: в списке жизненных потерь эта была не самой страшной, да и непривычное с детства, чужое Антонио отдаляло от себя теперешнего, — полураба, вот уже десять лет не видевшего семьи.

Свои пляжные обязанности Антонио выполнял послушно, по-армейски. День в день, независимо от настроения его главного работодателя — моря — прочёсывал граблями песок, расставлял лежаки, раскрывал и закрывал зонты, собирал с отдыхающих мелкую дань за метр песочного пространства и помогал патрону по хозяйству. Его кормили, одевали с чужого плеча, поселили в вагонетке за пляжной полосой и — роскошь, которой всё ждал и не мог дожидаться — обещали «сделать документы» на его настоящее имя.

---

⁵ Склад (ит.)

Разговорились. Слова родной, ненужной здесь речи не слушались, крошились в слоги. Не выдержав напряжения, метнулся в вагонетку, принес копеечный альбом с фотографиями. С давних и недавних снимков светились молодостью и счастьем лица двух девушек почти одинакового возраста. Там, на глянцевых склонах Карпат, на неразличимом заднем плане старых львовских городских особняков, на крыльце построенного им дома, в карих глазах взятой крупным планом младшей, — там была вся его жизнь, прошлая и настоящая. В той, прошлой, сопровождал прицепной почтовый вагон, подсаживая случайных пассажиров и свято веря в бесконечность насмерть впаянной в быт и сознание советской жизни. Когда советская жизнь закончилась, почтовую рассылку перевели на дороги, и его за ненужностью сократили. В Италию, как и многие, ехал на год, пережить зиму. Зима растянулась на десять лет.

Досмотрели фотографии. Сказочное окошко захлопнулось, и мой собеседник вернулся в безучастного Антонио, отправился драить лежаки. «Закладывает», — пожаловалась на него хозяйка. «Вот и сегодня выпил. Забывчивый стал. Чего ему не хватает? Живёт бесплатно, кормим-поим-одеваем, деньги тратит только на сигареты. Почти целиком домой и высылает. И всё строчит, строчит письма им, передаёт автобусом. Бог его знает, доходят ли они вообще», — заключила и отправилась за полуценной дозой эспresso. **Ю**

Дарья Рубо

Прыткие ящерицы

Мы познакомились, когда ещё шёл последний весенний снег. Сидели в каком-то баре и изо всех сил пытались произвести хорошее впечатление. Разговаривали о хобби и путешествиях, с каждым словом теряя энтузиазм.

Мигель был симпатичным парнем и выглядел значительно моложе своих тридцати восьми. В тот вечер он опрятно оделся и много смеялся. Я не знаю, по каким признакам, но где-то между вторым и третьим бокалом мне стало очевидно, что он живёт в том же облаке неподъёмной апатии и меланхолии, которое висело и надо мной. И я спросила:

— Чего тебе сейчас действительно хочется?

— Мне хочется молча смотреть телевизор. С тобой.

В тот вечер мы пошли к нему домой и уснули под немецкий фильм про девочку-подростка, которая пыталась покончить с собой.

Утром я ушла на работу, а вечером вернулась снова. Мне не нравилось быть у себя дома, на меня жутко давило моё собственное бездействие, и течение времени ощущалось так чётко — вот проходит минута, вот полчаса, вот час, так проходит жизнь, ничего не происходит. Это ощущение проходящего времени полностью парализовало, отнимая возможность сделать хоть что-то. Я избегала собственной квартиры. Дома у Мигеля время шло медленней, и жизнь казалась более реальной. И я сама казалась себе более реальной, хотя бы потому, что меня кто-то видит.

Мы смотрели телевизор или читали каждый свою книгу, иногда я просто слушала, как Мигель играет на пианино. Я была уверена, что это чья-то музыка, которую он просто выучил наизусть, пока как-то раз он не спросил:

— Как ты думаешь, лучше так или так?

— Это ты, что ли, сочинил?! Не может быть! Это не

скучно, не банально, не заунывно, это круто! Не думала, что ты пишешь музыку.

— Я написал саундтрек к одному фильму. Если погуглить моё имя... Ты когда-нибудь гуглила моё имя?

— Нет...

— Погугли!

Когда наконец-то потеплело, мы стали больше времени проводить не дома, среди людей, обсуждая, почему мы не можем проводить время среди них. Мы обсуждали, почему ни с кем из окружающих у нас не вышло бы дружбы. Нужно заметить, что никто и не предлагал нам подружиться. Я думаю, нас вообще никто не замечал. Жизнь шла своим чередом.

Мы сидели на берегу канала, закатные лучи красиво подсвечивали лица, шли неспешные разговоры, заканчивалось пиво, на девушках были майки с открытой спиной.

— О чём бы я с ними говорил? Что бы я с ними делал? Они без усталости радуются жизни, они получают *Kindergeld*, они рассказывают о теме своей бакалаврской работы.

— Ну, ты мог переспать с парой веснушчатых блондинок с комплексом отца. Или с комплексом вины... Они падки на парней из стран третьего мира, это, наверное, такой вид благотворительности.

— Ничего бы не вышло. Мой член превращается в хлебный мякиш, когда я слушаю их разговоры.

Я могла бы смешно и обидно пошутить, но не стала.

В то время я пять дней в неделю с утра и до четырёх часов вечера стажировалась в бюро, которое занималось планированием и застройкой новых районов. Вначале мне казалось, что это могла бы быть работа мечты — чертить планы и решать, кому, где и как строить. Но быстро стало понятно, что большую часть моей работы будет составлять написание длинных юридических текстов, составленных на основе ещё более длинных заключений и экспертиз природных, транспортных и прочих ведомств.

Я могла неплохо чертить, а вот писать на немецком я могла хуже. Мой стол стоял прямо напротив стола начальника, поэтому приходилось изображать неотрывную продуктивную деятельность.

Иногда от безысходности я вставляла целые куски из экспертиз в гугл-переводчик, где они неминуемо превращались в драматические произведения: «На основании имеющихся исследований по видам прытких ящерицы запрет факта будет происходить в любом случае. Несмотря на все заращиваемые мероприятия, не могут быть исключены, что ящерицы погибли в результате реализации плана развития».

От этого перевода веяло обречённостью. Мне было жалко каждую прыткую ящерицу, и себя ещё больше.

Мне хотелось разрыдаться прямо перед компьютером, роняя жирные капли слёз прямо на клавиатуру. Я поняла, что если переведу, напишу или прочитаю ещё хоть слово, меня разорвёт на сотни маленьких кусков, я запачкаю собой стены и начальника.

Это было грустное осознание. Мне вообще-то нравилось говорить людям, что у меня есть работа. Это как будто делало меня лучше.

В тот день я ушла пораньше.

— Все ящерицы умерли, тупая бессмысленная работа, ни одному стостраничному тексту не сделать меня лучше, понимаешь?!

Я роняла слёзы на выцветшую Мигелеву футболку.

— Собирайся, пошли, выпьем.

Это служило выходом из всех сложных ситуаций. Из всех ситуаций.

Мы шли почти каждый вечер после работы. Мигель был переводчиком и работал дома, что с одной стороны делало его ещё более асоциальным, а с другой — он мог в любой момент разрыдаться над клавиатурой, и его начальник никогда бы не узнал об этом.

— Тебе необязательно там работать. Ты могла бы найти что-то получше, ты могла бы дописать бакалавра, и выбор стал бы значительно больше. Зачем ты мучаешься среди этих старпёров, они тебе даже музыку не разрешают слушать во время работы.

— Тебе тоже необязательно работать там, где ты работаешь, совершенно необязательно переводить рекламные тексты очередного никому не нужного продукта, который засрёт

эту планету ещё больше. Ты мог бы всерьёз заняться музыкой и дописать, наконец, книгу. Ну, как тебе идея? Уже готов начать?

— Мы столько всего могли бы, вот только скажи, почему тогда всё, что мы делаем, — это напиваемся и смотрим телевизор?

— Это ты приходишь каждый вечер!

— Как будто без меня ты бы делал что-то другое!

Мне хотелось уйти домой, но уже начало смеркаться. Я хорошо себе представила свою пустую квартиру в темноте, в которой минуты и часы идут всё быстрее и быстрее. Я осталась. Остаток вечера мы не особо разговаривали.

Мы не занимались сексом, и никто уже не мог сказать, почему. Этого не случилось ни в первый вечер, ни во второй, а потом не случалось просто по инерции.

Секс, как и драка, помогает выпустить пар. В нас пар накапливался, мы медленно погружались в глубины пассивной агрессии.

Весна превратилась в лето, дни стали долгими, ночи — тёплыми. Я пару раз говорила что-то вроде «Мы — два задроченных социопата, нам надо общаться с людьми». Я говорила это, как бы беря «на слабо», в глубине души надеясь, что с людьми общаться не придётся.

И вот как-то раз Мигель, распахивая дверь кухни, сказал: «Сегодня мы идём на ПИКНИК!»

«Довыпендривалась», — подумала я.

Какие-то его друзья или знакомые, которых он не видел сто лет, собирались устроить пикник в бывшем аэропорту Темпельхоф, купили еды, пива, взяли с собой фрисби. Мы пришли с пустыми руками, было воскресенье, все магазины закрыты.

Друзья оказались милыми ребятами, почти все они пришли парочками, и почти у каждого была работа.

— Давно не виделись, как ты? Чем занимаешься? Собираетесь этим летом в отпуск? А ты чем занимаешься? Ты студентка? А где вы познакомились?

Вопросы, выводящие из равновесия. Почти ни на один из них было невозможно ответить так, чтобы не разрушить идиллию пикника с фрисби.

Кто-то не рассчитал силу и кинул тарелку через меня так, что пришлось далеко бежать за ней. Я подняла фрисби с высохшей от жары травы и собиралась возвращаться, но несколько секунд не могла сдвинуться с места; я смотрела на этих людей, кто-то переворачивал мясо на гриле, кто-то наливал вино в пластиковые стаканчики, две девушки что-то увлечённо рассказывали друг другу, сидя на краю покрывала, все они были настоящими, живыми. Никто из них не мечтал написать книгу столетия или создать гениальное музыкальное произведение. Они не страдали от несостоявшегося величия, у них были дела поважнее.

Я кинула фрисби в сторону играющих.

Начинало темнеть, все стали собираться по домам. У всех, кроме нас, были с собой велосипеды, мы попрощались, и они быстро растворились в сумерках в конце взлётной полосы.

— У Сильвии огромные сиськи? Её же Сильвия зовут? Девушку твоего приятеля.

— Да, странное дело, вообще-то они всегда были меньше.

— И она ничего не пила весь вечер...

— Это конец! Она беременна! Так я потеряю последнего друга. Они теперь всегда будут заняты ребёнком. Про них можно забыть...

Мы медленно шли в сторону дома

— Они все приятные ребята.

— Да, особенно Марко, который тебе так понравился.

— Да, он тоже милый.

— Он ебёт всё, что движется, так и знай.

— Да мне, в общем-то, всё равно, кого он ебёт, мы просто разговаривали, он интересный парень.

— Он такой интересный, что женщины начинают раздеваться, как только его видят, не успевая заметить, какой он поверхностный мудозвон.

— Ну, как видишь, вся моя одежда ещё на мне. И не такой уж он поверхностный.

— Так иди и сделай с ним ребёнка!

— Как только захочу, обязательно сделаю!

— Ха! Этот ребёнок долго не протянет, ты не сможешь

его покормить, потому что тебе будет слишком грустно, или забудешь его где-нибудь в парке, потому что будешь слишком поглощена очередным кризисом личности.

— *Fuck you.*

Я ушла вперёд.

— Эй! Подожди!

Мигель стоял посреди взлётного поля.

— Если ты уйдёшь, я так и буду тут стоять всю ночь, я тебе обещаю.

— Иди нахер.

— Если ты сейчас же не подойдёшь и не обнимешь меня, я буду обречён стоять тут вечность, и рано или поздно птицы выклюют мне глаза.

— Пусть уже начинают.

— Забери меня, мне холодно и страшно.

— На улице плюс тридцать пять, не меньше.

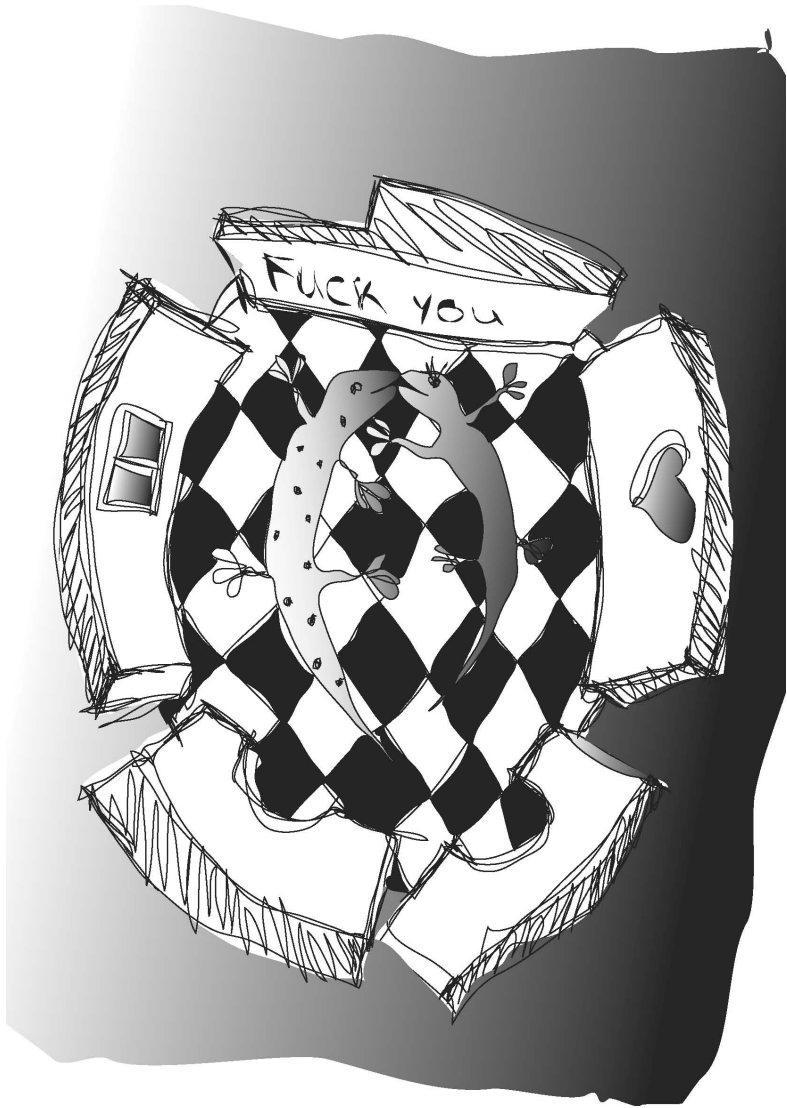
— Ну, ты знаешь, я из жаркой страны.

Я вернулась к нему и крепко обняла.

— Мигель, ничего не выйдет, ведь так?

— Да...

Сумерки окутывали всё вокруг, воздух был тяжёлым и горячим, мы стояли, прижимаясь друг к другу липкими телами. **161**

Григорий Кофман

Сила трения

Целоваться с причмоком или без?
Напиваться в меру или пить в дым?
Есть много поводов завидовать молодым,
Но не сейчас, не с тобой и не здесь.

Мы станем губами тереться сухо,
Станем молча двугорбым одним существом,
Потому что любовь — это такая сука:
Выпила влагу и выжала стон.

Что-то ещё заставляет желать перемены,
Хотя догадка не обошла тебя стороной:
Доллар ничем не отличается от йены,
Плакучая ива скорбит и весной.

Желать перемен — что приказывать коромыслу —
Вёдра от этого не получают ускорения.
То немного, что имеет ещё какой-то смысл —
Это простое сухое губное трение.

Бегство

Беги — не смейся,
Проклятья бойся.
Хоть ртутью лейся,
Но скройся, скройся.

Хоть струйся пылью
Из борозды —
Беги постылой
Глухой воды.

В сутроб заройся —
Коленки к телу.
Ментуры бойся
Во всех пределах.

Блаженный лепет
Про добрый век —
Что белый пепел,
Что чёрный снег.

Не гром небесный —
Неправый суд,
А только пресный
Скрипучий труд.

Судьбы-болезни
Перехитри —
Уйди, исчезни,
Да не умри!

Любви прогорклой
Не береги —
По склону горки
Смеясь, беги.

Город на ладони

Станный пылающий город Берлин —
Жарко, во-первых, за двадцать в апреле,
Все что-то строят руками румын,
Турок — за гриль, безработный — в постели.

Фанов футбольных что месячных течь,
Нрав инфантильный, детский.
Сербохорват совершенствует речь
Чехов-словак.
Немецкий.

Русский в постели, в машине, в бюро
В нежное тело компьютера пальцем
Тыкает, тешится, грязный урод —
Он программист, не тревожьте страдальца.

Дети арабские — не Талибан,
Так зажигают на мотосипедах, —
Прочие дети сидят по домам,
То есть, не политкорректно к соседу.

Наци на юго-востоке орут,
Запад — приют автонома.
То ли: зиг хайль, то ли: Гитлер капут! —
Все они, стало быть, дома.

Поиск вести начинаешь с утра
Некоей формы протеста...
Мне бы гора или даже нора —
просто укромное место.

В гугловой карте расплылся, как блин,
Кляксой без впадин и горок —
Очень поверхностный город Берлин.
Странный пылающий город.

Кротко

Кто-то с лестью, кто-то с жестью,
Кто-то с песней, кто-то с грустью.
Нынче гости — хоть ты тресни —
Не хотелось бы, да впустим.

Жарил Джойс телячью почку,
Пёк Сорокин в печке дочку,
Путин яблоки мочил.
Сирин: мячик утром рано
Закатился детской раной —
Вот причина всех причин.

Жизнь идёт себе по канту,
По канатику, по Канту —
Истончаешься за дни.
До пера. — Всё легче, легче,
Выше, выше, горы, глетчер.
Ся-а-адъ, охолони.

Тучи ссучат,
дождь заложит,
Снег продаст, светило сгложет.
Смерти нет.
Любовь не учит.

concerto grosso

Небесное полотно пропитано влагой.
Так низко оно, что наблюдаем процесс
Набухания капли и её эксцесс,
Исход, переполненный личной отвагой.

Дождь идёт, даже не попрощавшись
С лоном, его удерживавшим до поры.
Он шагает, придерживаясь тех правил игры,
Что установил сам, наполняя чаши.

Земля, как барабанная перепонка,
Установка различных отвечающих плоскостей:
Тарелочки по-девчачьи в ожидании новостей
Запрокинулись — где-то там прорвалось — где тонко.

Позвякивать от прикосновения тонких пальцев...
Иные — так те просто гудят в ответ —
А когда увидится наверху просвет,
Скорчить мину, озвучив мотив страдальца.

Потому что дождь — он и музыкант, он и дирижёр,
Его приход — это явление совершенства.
В ожидании того невыносимо желанного жеста,
За которым все грянут да капо, не сдерживая напор.

Инструменты — все: колокольчики, чайна,
Том-томы, кардан, даже бас, даже сплэш
Запоют Махабхарату, Гильгамеш,
Нибелунгов — и закончится так же нечаянно,

Как началось. Я вчера видел муху
Всю в слезах с лицом обращённым кверху в просинь,
Но сегодня — всё. Сегодня, простите, осень —
И дождаться весны уже не хватило духу.

Сказка Кофмана

Синева небес, распашино
Задирая свой подол
Кверху, затевает пашины
С космосом, чей чёрный пол
Не без помощи заката
Мажет в жирный фиолет
Светлосинее — утрата,
до которой дела нет
тем, кто жив дневными снами.
Кто же полем едет в ночь,
разрубил семью мечами
восемь призраков и прочь

покатился в страну перекатанных полей.
Разлюбовь — теневая вещей сторона.
Там чернеет цветком на лиловом подоле —
Разлюбовь, неожиданна, как весна.

Одесские куплеты

Поспели вишни в саду у дяди Вани.
У трёх сестёр подрос участок леса.
Напёл Платонов истину в стакане.
Рогожин застрелил в бою черкеса.

Иван Ильич, оправившись от хвори,
В дому Облонских всех довёл до драки,
В то время как его мальчонка Боря
На огороде тырил пастернаки.

Иван Денисыч, декабрист-легенда,
Затеяв бизнес дачами в Сибири,
Сдавал семье раскольников в аренду
Две койки в своей питерской квартире.

Андрэ Болконский сгинул подо Ржевом.
Поручик Ржевский канул под Ростовом.
Настасия Филипповна Ростова
Имела Ганю справа, Пьера слева.

Актёр Счастливец, встретив как-то Лизу
(за ней приданого — корзина да картонка...)
На Дерибасовской устроил антрепризу,
В которой Вронский маленьким ребёнком
Стучал по рельсу палочкой. — Антракт!

...За годом год. Фигуры вперемежку:
Лошадки, офицеры, дамы, пешки.
Одесса–Петушки. Последний акт.

Алина Вишнякова

* * *

Я выдыхаю каждый вдох
двумя различными путями,
и чью-то жизнь с шести до трёх
переполняю новостями.
А после трёх — молчу, молчу,
чтоб на молчаться до восхода;
как будто всё мне по плечу:
и несвобода, и свобода.

* * *

Прошла себя за полчаса до двух.
Предел владений, как вершина Эвереста,
отмечен белым флагом: время, место
и совокупность сказанного вслух.
Давай иначе: я умру нескоро,
засяду сразу за пятнадцать неотложных,
нет, пятьдесят безумно срочных дел
(за самые большие из возможных),
не отвлекаясь на пустые разговоры.
Тогда посмотрим, есть ли мне предел.

2012

интересно, при зимнем распаде планеты на части
(я надеюсь, ацтеки предвидели минимум две)
перестанешь ли ты упиваться минутами власти
над затёртым включателем боли в моей голове?

Midlands

Смотри, у нас по-прежнему дождливо,
как в январе. У нас, считай, январь.
Они — их много — пьют живое пиво
и проклинают местный календарь.
Меня — немало — впрочем, не хватает
на полстатьи среди твоих страниц.
Я — уменьшаюсь. Мир — располагает
унылым сходством незнакомых лиц.

* * *

Мой край света всё дальше, за ним очень трудно угнаться:
девятью ступеней, прерывистый сон по ночам,
десять тысяч шагов, или даже, пожалуй, пятнадцать —
от двери до двери, узнавая замки по ключам,
переулки — по плитам, часы — по сопенью младенца.
Мой край света всё дальше. Я думаю редко о нём,
только долю секунды, уткнувшись лицом в полотенце.
Всё исчезло, я так далеко. В остальном —
три часа в самолёте и двадцать минут на машине.

* * *

Наполнить звуком, вздохом, фейерверком
бульварную слепую паранджу.
Надеть лицо, глаза — по этим меркам
ни на кого уже не похожу.
Захлопнуть ставни, дверцу секретера,
в гремучей темноте считать до ста,
приветствовать тебя, моя мегера,
словами из расстрельного листа.
И улыбаться — всем напропалую,
насколько хватит совести и зла.
Писать как прежде «я тебя целую»,
не отвечая, как мои дела.

Константин Лазарев

Тульпа

«Чего ты хочешь от меня?!» — обернулся я и закричал на собаку. Она остановилась, поджала хвост. Испуганно смотрит снизу вверх. Рёбра двигаются часто. Не хочу больше кричать, и говорить не хочу. Поджал губы и жду. У неё наворачивается слеза, большая и прозрачная, в правом глазу. Слеза падает на асфальт. Я смотрю на неё, она смотрит на меня. Я устал от сцен с собакой, но здесь уже ничего не спасти — дальше было бы только хуже. Мы пялимся друг на друга, собака — преданно и с надеждой, а мне хочется, чтобы это поскорее закончилось. Собака молча уходит. Я делаю глубокий вдох, поворачиваюсь и иду дальше.

Захожу в комнату, бросаю сумку на пол рядом со столом, здороваюсь с сусликом. Он машет лапкой из-за огромного куста, там стоит его стол. Ленивца в комнате нет — он вышел покурить. Эти двое приходят раньше всех, и с ними меньше всего проблем. Самые спокойные, работу делают хорошо. «Барбос сегодня не придёт», — говорит суслик. «А что так?» — спрашиваю без особого интереса. «Его побили. Крысы. Он поздно возвращался домой, схлопотал». — «Чёрт!» — ругаюсь я себе под нос — я рассчитывал на барбоса именно сегодня, он должен был сделать пару специальных заданий. Хотя, с другой стороны, странно, что это случилось только сейчас — барбос всегда задирается, даже белка как-то не сдержалась и укусила его за нос. Очень непрофессионально.

Пока компьютер загружается, иду за кофе. На кофейном автомате сэкономили, пить эту дрянь невозможно. Выбираю самый крепкий, чтобы горечь перебила неприятный вкус. Входит кротик, я пропускаю его к шкафу. «Как дела?» — спрашиваю я. «Куда-то катятся, посмотрим, куда», — отвечает кротик, трёт глаза лапками и смеётся. Его неудачный роман с белочкой — снова очень непрофессионально! — на самом деле закатился куда-то

не туда. «Пойдёшь сегодня обедать?» — Качает головой — видимо, снова принёс еду с собой. «До скорого», — прощаюсь я и выхожу с чашкой, стараясь не расплескать — кто-то снова поменял настройки машины, и кружка полна до краёв.

Успеваю сделать пару глотков и заглянуть в почту, пока суслик не заводит разговор о традициях и еде. Первые десять минут моего рабочего дня — его территория, так повелось. В комнате ещё пусто, и мы успеваем просто поболтать, не мешая коллегам. В этот раз суслику интересно, что едят у меня на родине. Я сначала задумываюсь, потом рассказываю про тамошние деликатесы и обычную еду — он кивает, пытается запомнить, и наверняка параллельно ищет рецепты в поисковике. Но вот пиццит компьютерный календарь и я, с кофе и блокнотиком, мчусь на утреннюю летучку.

Забегаю в комнату — успел минута в минуту. Мартышка, моя начальница, хихикает, смешно цокает языком и показывает на часы. «У меня есть ещё тридцать секунд, и я не последний», — вовремя заметил идущего по коридору зайца, он как раз входит в комнату.

На обед я иду один. Прихожу в пиццерию, сажусь у окна. Пока готовят и несут еду, читаю новости. В метро с лестницы столкнули девушку, безумная панда экспериментирует с ракетами, а не менее безумная неопрятная ящерица хвалит чужую самочку леопарда. Отвлекаюсь на новости про любимый сериал — новая серия уже вышла, но я ещё не видел. Приносят мою пиццу, я набрасываюсь на неё и съедаю почти одним укусом. Ругаю себя, что опять ел что-то бесполезное, но быстро оправдываюсь — от жизни нужно всё-таки получать удовольствие. Вытираю жирные губы, расплачиваюсь и иду назад на работу.

На столе стоят зубная паста и щётка, беру их и бегу чистить зубы — нужно успеть до следующего совещания, а времени в обрез. Полощу рот, выдавливаю пасту на щётку и начинаю методично водить ей по зубам — справа налево, сверху вниз. Полощу рот, сплёвываю, вытираю губы и смотрюсь в зеркало. Трясу головой, задираю верхнюю губу, смотрю на зубы. Всё-таки я ещё ничего лама, только вот нужно бы сходить постричься. И поменьше вредной еды, чтобы бока были не такие большие.

Шерсть немножко редее, ну да это наследственность — у деда с отцом так же было. Я очень хочу быть похожим на оленя, таким же грациозным и тонким, с гладкой коричневой шерсткой и маленькими аккуратными ушками. Каждый раз, когда я вижу свою шерсть и тушу, похожую на грушу, я расстраиваюсь и снова думаю, что мне срочно нужно худеть. Круп разрастается, особенно после тридцати, и живот начинает отвисать — совсем некрасиво! Каждый раз после таких наблюдений я с новой силой начинаю ходить в спортзал. Я бегаю, прыгаю, делаю упражнения для крупы, но через пару недель терпение кончается, а эти олени, которым всё упало с неба, просто добивают меня. Ну да чёрт с ним, пора бежать на совещание. Снова сплёвываю, кривлюсь в зеркало, хватаю щётку с пастой и выхожу из уборной.

День заканчивается быстро, я хватаю вещи и бегу в сторону дома. Пусть я не такой грациозный, как олени, зато тоже быстрый. Добегаю до дома, перекусываю и иду в любимое кафе. Молодой кот-эмигрант делает кофе, мурлыча, обращается ко мне «месье», двигается очень медленно, говорит ещё медленнее. Я читаю книжку, отвлекаясь на побитого жизнью пса в кепке, который здесь так же часто, как и я. Он снова говорит по телефону, не очень грамотно, с акцентом, иногда путая склонения и окончания. «Хулигана надо или оперуполномоченный. Хулиган, который придёт и морду набьёт, или оперуполномоченный. Ну, потом подумаем, сейчас навскидку не могу понять. Нет, таких связей у меня нет, только с Белоруссией. Что тебе сказать, пусть сначала приедет, а там с ней разберёмся. Нет, он же не мой друг детства, этот полковник! Ну не могу я так! Ну кто такая эта тётка, это паника у неё просто! Это всегда такой вопрос, понимаешь, непонятно что. Нет, это не шантаж, это вымогательство, карается очень сурово законом, нужно перестать с ним общаться и вообще не отвечать. С инспектором связаться и ему всё рассказать, мало ли что он просит. Вот! Всё, отключаюсь, пора мне. Прощай!»

Кот подсовывает свёрток с непроданными булками — хочет сделать приятное. Думаю про бока, но подарок принимаю. Кафе скоро закрывается, и мне тоже пора. Убираю кулёк в сумку, закрываю книжку и медленно иду домой. Я так и не узнаю, чем

закончилась история пса в кепке, хотя мне даже не интересно. Дома снова чищу зубы, полощу рот и сплёвываю в раковину. Скалюсь перед зеркалом, разглядываю зубы и нос. Вожу ушами вверх-вниз, чешу холку и иду в комнату. Падаю в постель, укрываюсь и засыпаю.

Во сне меня окружают собаки. Они скулят, тянутся ко мне, встают на задние лапы. Я — красивый и гордый олень, поджарый, с огромными глазами. Я — их мечта, они преклоняются и хотят меня. Собаки напирают, трогают лапами, лижут языками. Их кольцо сжимается, я не могу выйти, собачье восхищение выплёскивается из пастей воем. Вот первый пёс, такса, обезумев, вырывает из моего бока кусок. Он кричит от счастья — теперь я точно его, меня никто не отнимет. Другие собаки, одна за другой, хватают меня за ноги, вгрызаются в спину, отрывают куски. От меня не убывает, но и собаки не перестают рвать и кусать, они запрыгивают на меня, начинают разрывать друг другу глотки — каждая хочет быть единственной, делиться нельзя. Они не могут остановиться, продолжают рвать куски от меня, а потом друг от друга. Я стою в горе трупов, из них течёт кровь, они страшно воняют. Последняя живая собака, та самая такса, лежит у меня на спине. Она почти не может двигаться, только тихо воет от боли. Дёргает лапой и валится мне под брюхо. Добиваю её копытом, чтобы не мучилась. Топаю правой ногой, дёргаю головой и рогами. Мёртвые собаки, кровь и всё вокруг исчезает. Мир становится белым и пустым. Я улыбаюсь и иду вперёд, моя шерсть переливается на белом фоне. **Ю**

Дарья Назарова

Первое мая

На улице разноцветное месиво из пьяных, разбитых лиц, светомузыки скорой помощи, зелёного и тёмного стекла, хрустящего под шинами, мне на голову сыплются блёстки, где-то через пару кварталов громяхают фейерверки и попискивают разбитые стёкла. Девочки покупают шампанское в ночном магазине; витрины банков, хозяйственных магазинов, дешёвых супермаркетов и лавок подвенечных платьев, намертво забитые досками ещё вчера, сегодня уже проснулись, украшенные призывами спасти эту планету от капитализма. Прохожу по двум главным артериям Нойкёльна, смотрю на лебедей, которые уплывают куда-то на восток по Ландверканалу, повинувшись инстинкту самосохранения. Перебегаю дорогу и падаю в океан людей, чувствую запах дыма для турецких бутербродов, впитавшегося в асфальт пива и копеечного вина. Пройти невозможно, но мне удаётся пристроиться за спину какого-то двухметрового рокера, который, сам того не подозревая, расчищает собой дорогу как ледокол. Левые политические партии, экологические и прочие организации раздают флаеры, призывают к вечной любви, дарят значки и красные розы. Те, кто не фланируют по Ораниенштрассе, сидят прямо на асфальте, повсюду раздаётся хохот, народ кидается блёстками и лезет обниматься.

Это очень просто и при этом так удивительно чувствовать себя одним и самым собой в толпе, особенно когда все беснуются и танцуют, фотографируются на телефон, напиваются, распевают песни нулевых, болтают на дюжине разных языков, смешивают их, превращая всё в один пёстрый суржик. Турецкий дед с бородой жарит фалафель, его жена — грузная, улыбающаяся тётка в платке — набрасывает в булку сметаны, невестка, путаясь, отсчитывает сдачу, рядом познают людей их мелкие внуки.

Девочки-два-месяца-до-абитура¹ переживают за осыпавшуюся тушь, не поправляют упавшую бретельку с топа, размахивают гривами, ждут, пока всё ещё одноклассники обратят на них внимание. Праздные туристы с недостаточно глубоко запрятанными кошельками, с глазами детей, беспечные, выбравшиеся, наконец, на свободу. И я — семнадцать лет домашним растением в горшке, три года войны с ветряными мельницами знаний, снова из большого города в большой город, не очень понимаю, что происходит, но впитываю всё происходящее. Уже на выходе из этого праздника жизни меня окликает девочка, к которой я как-то раз случайно попала в гости. Ядрёно-рыжая копна волос, мутно-зелёного цвета глаза, альто-сопрано, к удивлению, она была физиком и дописывала диссертацию в Гумбольдте. Рядом с ней стоят ещё несколько человек: два шведа, двухметровый, кудрявый, зычный Карл и его худосочный брат, седьмая вода на киселе — Патрик, восточная красотка из Ирана София, и невнятного вида мужик, у которого вот-вот должна родить жена, но он прохлаждается вместе с ними.

Мне кажется, что в виде этого шведско-иранского общества наконец-то приходит моё спасение, потому что за два часа одиночества в этом блёсточном карнавале, после двух бокалов дешёвого винища, мне становится как-то не по себе. Вместе с ними становится проще и комфортнее паяться на людей, я рассказываю им, как оказалась в Берлине; Карл учится на барабанщика в джазовом училище, Патрик занимается чем-то невнятным с приставкой гидро-, София приехала к ним в гости, а в Стокгольме учит языки и читает заумные книжки по лингвистике, мужик с женой на сносях оказывается — банально! — электриком. И я с ними — ассистент режиссёра непонятно какого фильма, героиня трёхгрошовой трагикомедии про белую акацию цветы эмиграции.

Как это обычно бывает в компаниях больше трёх человек, они могут менять свой состав почти до неузнаваемости. К нам подходят люди в цилиндрах, целуют шведов в щёки, клокают на своём скандинавском, подливают крепкое из фляжки в их стаканы с пивом, утомляют их разговорами, время от времени кто-то спрашивает моё имя, но я думаю: боже, ты не запомнишь моё, а я твоё, зачем мы тратим время на книксены.

---

¹ Выпускной экзамен в школе

Через три часа становится ощутимо холодно, даже шведы ёжятся, но накатывают ещё сверху какой-то травяной настойки. Я жалею конечно, что не надела своё песочное ФРГ-шное мужское пальто, и решаю поехать за ним домой, чтобы хотя бы как-то дожить до вечера.

Дома, в сумерках, сидит мой новоиспечённый сосед и что-то усердно перекладывает с полки на полку. Его комната, когда-то бывшая моя, завалена рамами и подрамниками, бумагами, картонными фигурками и макетами, у стен кучкуются плакаты и книжки; играет какой-то расслабленный джаз, так что мне даже хочется отдышаться и побыть дома хотя бы час — не в бурлящем водовороте первого мая, а здесь под джаз смотреть, как солнце отгуливает день по кухонному кафелю.

Набрасываю на плечи пальто, проверяю себя как обычно — телефон, ключи, кошелёк, всё остальное можно купить — решаю быстро сварить кофе и думаю, что, может быть, у мужика в соседней комнате есть ещё чем согреться. Сосед, практически два метра ростом, довольно молчаливый немец, въехал две недели назад, не оправдал моих надежд по вкручиванию лампочки в холле, был довольно угрюм и высказал мне претензии по поводу заляпанной кухни. У меня не было сил с ним пререкаться — кажется, я лягнула что-то вроде: не устраивает, убери сам.

— Привет, чего дома сидишь? — я толкаю дверь и просовываю голову в захламлённое джазовое царство.

— А-а, — протягивает сосед, не поднимая глаз, и продолжает копаться в бумагах, — заходи. Да не знаю, нет настроения особенно, туда, куда-то идти.

Он неопределённо тыкает рукой в сторону улицы.

— Я знаю, это звучит довольно странно, но у тебя нет, э-э-э, выпить? — выдавливаю я из себя на ломаном немецком.

Сосед внимательно на меня смотрит и показывает взглядом на его походный мини-бар — строительный серый ящик из баухауса² с бутылками.

— Ну, ром есть вот. Но колы, правда, нет, — говорит он и достает «Гавану».

— Ну нет так нет, давай так, — отвечаю я и слышу разочарованное шипение убегающего кофе.

---

² *Bauhäus* — сеть строительных магазинов в Германии

Когда я жила дома, мне всегда казалось, что кофе у мамы готов, только когда он выливается на плиту. Всё то время, пока мы вставали в одно и то же время по утрам, мама ставила турку на плиту и уходила сушить волосы или выбирать юбку, а потом в три прыжка пересекала квартиру, когда слышала привычное «п-п-п» и запах горелой кофейной гущи. Потом и я продолжила семейную традицию: тоже завела себе турецкую джезvu, но не привычку караулить свой кофе.

Сосед появляется на кухне бесшумно, наливает мне сорок граммов, себе — отказывается. Не хочется, пожимает он плечами, и так же тихо скрывается в своей комнате.

Я быстро допиваю кофе, обжигаю нёбо, морщусь от рома и вылетаю на Солнечную Аллею. Странно как-то конечно: все гуляют вокруг, а он сычет дома с Ниной Симон и ворохом чертежей. На четырёх полосах улицы ни души, и автобус не приедет, пронеслось у меня в голове. Я замечаю двух полицейских в полном обмундировании, они едят мороженое, а где-то очень далеко слышны барабаны и обрывки лозунгов про капиталистов.

— А автобус не придёт? — робко спрашиваю омовца, догрызающего эскимо.

— Не придёт, и туда — моргает он, метким щелчком выкидывая палочку в урну и указывая мне в сторону Херманнплатц, — тоже идти не стоит.

Через полчаса, окончательно упарившись в своём песочном пальто — вспоминаю, что мой итальянский рыжий колоритный начальник, на которого я раз его надела, примерить, оказался похож в нём на заправского сутенера, — я добегаю до Гёрлитцер парка и застываю. Столько людей в одном месте в этом городе я не видела никогда. Безуспешно пытаюсь позвонить своим новым друзьям и вслух проклиная немецкую мобильную связь; толпа вокруг меня гудит, гул сливается со звуками попсы, саксофона, гавканья собак. Я залезаю на бетонный блок рядом с джаз-клубом, где каждый-каждый клочок земли покрыт людьми, и загадываю желание — чтобы этот день закончился хорошо, а ещё лучше, чтобы я закончила его не одна.

Прошло минут десять, в глазах начинает рябить, так как я безуспешно пытаюсь просканировать сотни людей в поисках

Карла, Патрика или девочки-физика. Кто-то трогает меня за плечо. Удивительным образом наш интернационал припарковался прямо рядом со мной, на газоне, пока я размахиваю телефоном на постаменте, как Ленин на броневике. Мы выкатываемся на улицу Скалитцер, где кричалки левых грохочут всё громче и громче, зажигаются файеры, наполняя воздух красным светом и едким дымом. Нас прессуют на маленьком клочке газона около Шпреевальдплатц, всё вокруг пахнет людьми, потом, перегаром и каким-то неуловимым восторгом, потому что, несмотря на тесноту, все продолжают танцевать.

Через пару часов, когда волна протестующих утекает куда-то на восток, мы побрели в сторону сквота на Кёпеникер штрассе, перед этим, конечно, разрешив все противоречия в компании — о, подождите, мне надо в шпэти, о, я вижу, продают еду, сейчас я в кусты и обратно. Пока тащимся — уже, надо сказать, чуть-чуть подуставшие, пытаемся вспомнить, что бы такого спеть, чтобы знали все, но ничего кроме *Wonderwall*³ в голову, конечно, не приходит, так что поём и его. Карл размахивает руками, Патрик делает вид, что его слушает, но на самом деле нет, иранка нежно приобнимает меня за плечо — такая хрупкая, — а девочка-физик мерно кивает головой на все Карловы изъяснения.

Мы закапываем бутылку вина прямо перед сквотом в кустах, паркуемся в очереди, вроде бы, сквот, но есть и охрана, и даже сцена, и прожекторы бьют прямо в толпу белым светом. Я шарю глазами, вдруг тут есть кто-то знакомый, и замечаю своего знакомого — Пьера, полуфранцуза, который очень смешно говорил по-русски — он тянет меня за руку, а я всех остальных, и протаскивает нас внутрь. Внутри здания гремит техно, стены увешаны то ли фольгой, то ли мишурой: ни электричества, ни света, пахнет костром, — как-то же смогли поднять металлическую бочку на третий этаж! — там греются те, кто не догадался захватить из дома пальто.

Весь двор заполнен людьми, все дёргаются под хаус, шведы меня тянут за собой на улицу, и вот я снова в окружении людей, но абсолютно не понимаю, что нужно делать. Я не

---

³ Песня британской группы *Oasis*

хочу домой, но я ненавижу техно, а вино валяется в орешнике снаружи. Надеваю звукоизолирующие наушники, наугад жму: привет, Дэвид Боуи, привет, Игги Поп, привет *Slow Club*. Мы, вроде бы, все вместе танцуем, но они бьются под техно, а я под *we can be heroes, just for one day*⁴.

Каждый раз, когда я делюсь своим социальным изобретением, многие говорят, что именно в этот момент, когда ты в толпе, но слушаешь своё, ты обычно чувствуешь себя пронзительно одиноким, но на самом деле нет. Только тогда человек ощущает себя по-настоящему собой, неважно, что там снаружи, есть ли на тебе блёстки, кто стоит вокруг тебя, ты двигаешься вместе со всеми, в океане, но на своей волне.

Карл снова потащил меня внутрь и усадил на подоконник.

— Слышь, — откашливается он, — у тебя, может быть, есть билетик или кусочек картона? Я хочу скрутить джойнт.

— Ну-у-у, — тяну я и роюсь в кошельке. Вот тут есть визитка одного кинорежиссёра, вот мой старый студенческий. Вот тут есть что-то, — и протягиваю один из четырёх моих билетиков на метро.

Шведы лопочут на своём скандинавском, корпят и колдуют в темноте над косяком, чертыхаются, а я целую их в щёки, мне пора — даже несмотря на то, что они скурили мой последний билетик на метро, иначе я усну где-нибудь на асфальте в Луизенштадте.

Я вынырываю из моря лиц, откапываю бутылку вина, вышагиваю по Адальбертштрассе, под ногами катаются пустые бутылки, кто-то отчаянно умирает в кустах от выпитого алкоголя, кто-то целуется прямо на тротуаре, в глазах маячат фары полицейских пазиков и их светомузыка. Я всматриваюсь в витрину магазина с красками — там я, действительно, счастлива, я устала, но так, как устают после марафона, когда люди смотрят на себя и себя не узнают. Я стою на платформе, я качаюсь на ступнях, я хочу обнять весь мир. Я лечу по мостовой, но не вниз, а вверх, над ней, каждый прыжок как два метра, а внутри — музыка, потому что я — музыка, гармония и мелодия.

*Everything is illuminated*⁵. **ГЛ**

⁴ Цитата из песни *Heroes* Дэвида Боуи

⁵ «*Everything is illuminated*» («И всё осветилось») — роман американского писателя Джонатана Сафрана Фоера

Friedrich Hölderlin

In lieblicher Bläue ...

In lieblicher Bläue blühet mit dem metallenen Dache
Der Kirchthurm. Den umschwebet
Geschrey der Schwalben, den umgiebt die rührendste Bläue.
Die Sonne gehet hoch darüber und färbet das Blech,
im Winde aber oben stille krähet die Fahne.
Wenn einer unter der Glocke dann herabgeht, jene Treppen,
ein stilles Leben ist es, weil,
wenn abgesondert so sehr die Gestalt ist,
die Bildsamkeit herauskommt dann des Menschen.
Die Fenster, daraus die Glocken tönen, sind wie Thore an Schönheit.
Nämlich, weil noch der Natur nach sind die Thore,
haben diese die Ähnlichkeit von Bäumen des Walds.
Reinheit aber ist auch Schönheit.
Innen aus Verschiedenem entsteht ein ernster Geist.
So sehr einfältig aber die Bilder, so sehr heilig sind die, daß
man wirklich oft fürchtet, die zu beschreiben.
Die Himmlischen aber, die immer gut sind,
alles zumal, wie Reiche, haben diese, Tugend und Freude.
Der Mensch darf das nachahmen.
Darf, wenn lauter Mühe das Leben, ein Mensch
aufschauen und sagen: so will ich auch seyn?
Ja. So lange die Freundlichkeit noch am Herzen, die Reine,
dauert, misset nicht unglücklich der Mensch sich
mit der Gottheit.
Ist unbekannt Gott? Ist er offenbar wie die Himmel?
dieses glaub' ich eher. Des Menschen Maaß ist's.
Voll Verdienst, doch dichterisch,
wohnet der Mensch auf dieser Erde. Doch reiner
ist nicht der Schatten der Nacht mit den Sternen,
wenn ich so sagen könnte,
als der Mensch, der heißet ein Bild der Gottheit.

Фридрих Гёльдерлин

Перевод Алёши Прокопьева

В МИЛОЙ ЦВЕТЁТ СИНЕВЕ...

В милой цветёт синеве металлической крышей
церковная башенка. Вокруг неё
ласточек щебет, вокруг — эта трогательная синева.
Солнце над ней поднимается, выпцветив жёсть,
на ветру же тихо звякает флюгер.
Если кто с колокольни спустится вниз, по лестницам тем,
это тихая жизнь сама, ибо,
когда сильно так обособляется облик,
облекается в образ тогда человек.
Окна, откуда доносятся звоны, — ворота в прекрасное.
То есть, поскольку врата эти в тон природе,
то и схожи с деревьями леса.
Чистота — она тоже Прекрасное.
Внутри, из различий рождается строгий дух.
Но образа́ эти внутренне так просты и так святы, что
часто поистине я описывать их боюсь.
А вот небожители могут, они всегда хороши,
ибо всё разом имеют, богатые: и добродетель, и радость.
Человек вправе в этом им подражать.
Вправе ли он, когда жизнь сплошное страдание, он, человек,
в небо взглянуть и сказать: я таким хочу быть?
Да. До тех пор, покуда приветливость и чистота
длятся в сердце его, небезуспешно он соразмеряет себя
с божеством.
Неведом ли Бог? Или явлен, как небо?
В последнее верю я. Человека то мера.
Множество прочих заслуг у него, но, прежде всего, как поэт
жительствоет человек на Земле. И не чипце
тьнь ночи со звёздами,
коль позволено будет сказать мне,
нежели человек, наречённый образом божества.

Giebt auf Erden ein Maaß?
 Es giebt keines. Nämlich
 es hemmen den Donnergang nie die Welten des Schöpfers.
 Auch eine Blume ist schön, weil sie blühet unter der Sonne.
 Es findet das Aug' oft im Leben
 Wesen, die viel schöner noch zu nennen wären
 als die Blumen. O! ich weiß das wohl!
 Denn zu bluten an Gestalt und Herz,
 und ganz nicht mehr zu seyn, gefällt das Gott ?
 Die Seele aber, wie ich glaube, muß rein bleiben,
 sonst reicht an das Mächtige auf Fittigen der Adler mit lobendem
 Gesange
 und der Stimme so vieler Vögel.
 Es ist die Wesenheit, die Gestalt ist's.
 Du schönes Bächlein, du scheinst rührend, indem du rollest so klar,
 wie das Auge der Gottheit, durch die Milchstraße.
 Ich kenne dich wohl,
 aber Thränen quillen aus dem Auge. Ein heiteres Leben
 seh' ich in den Gestalten mich umblühen der Schöpfung, weil
 ich es nicht unbillig vergleiche den einsamen Tauben auf dem
 Kirchhof.
 Das Lachen aber scheint mich zu grämen der Menschen,
 nämlich ich hab' ein Herz.
 Möcht' ich ein Komet seyn?
 Ich glaube. Denn sie haben Schnelligkeit der Vögel; sie blühen an
 Feuer,
 und sind wie Kinder an Reinheit.
 Größeres zu wünschen, kann nicht des Menschen Natur sich
 vermessen.
 Der Tugend Heiterkeit verdient auch gelobt zu werden vom ersten
 Geiste,
 der zwischen den drei Säulen wehet
 des Gartens. Eine schöne Jungfrau muß das Haupt umkränzen
 mit Myrthenblumen, weil sie einfach ist
 ihrem Wesen nach und ihrem Gefühl. Myrthen aber
 giebt es in Griechenland.

На земле есть ли мера?
Нет никакой. Ибо
все миры как творенья Творца не препятствуют валу громов.
Так прекрасен цветок, потому что под солнцем цветёт.
И часто Господне око в жизни находит,
можно было б сказать, тех существ, что прекрасней
цветов. О! я знаю, конечно!
Что ж — пусть сердце и плоть истекут последнею кровью,
дабы больше не быть, разве это по нраву Творцу?
Но душа, верю я, она чистой остаться должна,
чтобы мощи достигнуть на крыльях орла с хвалебною песнью,
голосов многих птиц.
Вот где суть! это облик и есть.
Ты, прекрасный ручей, так щемяще прекрасен, когда катишь
столь ясно,
словно Господа око по Млечному ходит пути.
Я знаю тебя,
но слёзы льются из этого ока. Безмятежную жизнь
созерцаю я в ликах Творенья, как вокруг меня радостно, тихо
цветут, ибо
несправедливым не будет сравнить её, жизнь, с голубями на
кладбище.
А смех, как мне кажется, только мрачит человека,
ибо сердце есть у меня.
Хотел бы кометой я быть?
Думаю, да. Ибо скоры, как птицы; расцветают огнём;
и как дети они — в чистоте.
Большого пожелать и не может дерзнуть человек по природе
своей,
и такая его добродетель, как весёлый нрав, достойна похвал от
строного духа,
а веет он там, в саду, между
трёх колонн. Где прекрасная дева пусть увенчает мне голову
миртовым цветом, поскольку проста она
по сути своей и по чувству. Мирты же
всюду есть в Греции.

Wenn einer in den Spiegel siehet,
ein Mann, und siehet darinn sein Bild, wie abgemahlt;
es gleicht dem Manne.
Augen hat des Menschen Bild,
hingegen Licht der Mond.
Der König Ödipus hat ein Auge zuviel vielleicht.
Diese Leiden dieses Mannes, sie scheinen unbeschreiblich,
unaussprechlich,
unausdrücklich.
Wenn das Schauspiel ein solches darstellt, kommt's daher.
Wie ist mir's aber, gedenk' ich deiner jetzt?
Wie Bäche reißt des Ende von Etwas mich dahin,
welches sich wie Asien ausdehnet.
Natürlich dieses Leiden, das hat Ödipus.
Natürlich ist's darum.
Hat auch Herkules gelitten?
Wohl. Die Dioskuren in ihrer Freundschaft
haben die nicht Leiden auch getragen? Nämlich
wie Herkules mit Gott zu streiten, das ist Leiden.
Und die Unsterblichkeit im Neide dieses Lebens,
diese zu theilen, ist ein Leiden auch.
Doch das ist auch ein Leiden, wenn mit Sommerflecken ist
bedeckt ein Mensch,
mit manchen Flecken ganz überdeckt zu seyn! Das thut die
schöne Sonne:
nämlich die ziehet alles auf.
Die Jünglinge führt die Bahn sie mit Reizen ihrer Strahlen
wie mit Rosen.
Die Leiden scheinen so,
die Ödipus getragen,
als wie ein armer Mann klagt,
daß ihm etwas fehle.
Sohn Laios, armer Fremdling in Griechenland!
Leben ist Tod, und Tod ist auch ein Leben.

Когда в зеркало смотрится кто-то,
мужчина, и видит там образ свой, как срисованный,
он похож на мужчину того.
У него есть глаза человека,
как у месяца — свет.
Для Эдипа царя был один глаз, наверное, лишним.
И страдания его неописуемы, несказуемы,
невыразимы.
Когда ставят такое в театре, то приходит это сюда.
Но со мною-то что происходит, когда вспомнил тебя я сейчас?
Как ручьями, влеком я кончиной чего-то такого,
что как Азия ширится всё.
Конечно, страдание, вот что было с Эдипом.
Конечно, поэтому всё.
А страдал ли Геракл?
Пожалуй. Диоскуры, и в дружбе своей,
не страдали они разве тоже? То есть,
как Геракл с божеством, да, сражаться, вот что значит страдать.
И бессмертье в себе, завидуя этой жизни,
носить — это тоже страдание.
Но страдание и в том, когда в солнечных пятнах весь,
в веснушках весь человек! Вот что делает солнце:
прекрасное, всё растит оно здесь.
Украшает лучами своими Юница,
словно розами путь устилая.
Страдания же кажутся,
те, что носил Эдип,
такими, будто бедный один человек
говорит, что ему не хватает чего-то.
Царь, сын Лая-царя, бедный в Греции странник чужой!
Жизнь есть смерть, а смерть — это жизнь в свою очередь тоже.

Maxim Biller

Liebe auf israelisch¹

Ich habe schon alles gehabt, was man haben kann, wenn man schreibt. Ich hatte Leute in der U-Bahn, die ohne ein Wort der Entschuldigung zu mir sagten: „Sind Sie Mark Manes?“, und wenn ich ja sagte, mußte ich schnell aussteigen, damit ich keinen Regenschirm ins Auge oder eine Lektion über gutes Benehmen bekam. Ich hatte Talkshows, in die ich besser mit einer schußsicheren Weste oder einem Flammenwerfer reingegangen wäre, statt mit einem von meinen deprimierend teuren belgischen Anzügen. Ich hatte zehn passiv-aggressive Leserbriefe pro Kolumne, hundert tödliche Kritiken pro Roman und tausend Klicks täglich auf der Website von „Reichsjugendnet“, wo ich mit einer Kapuze auf dem Kopf und einem Davidstern auf der Brust mit Fotoshop in ein Schwarzweißbild aus dem Weltkrieg Nummer 2 reinmontiert worden war. Ich konnte wirklich einiges aushalten — aber nicht Lissy Ramonowic.

Lissy traf mich im Bonfini in der Münzstraße. Sie mich, genau. Sie stand neben meinem Tisch, im Fernsehen lief Ghana gegen Brasilien, und Lissy wartete auf ihre Pizza mit Sardellen, Mais und Schafskäse. Als ihr Telefon „Material Girl“ von Madonna spielte, guckte Lissy zuerst kurz mich an — so wie man einen Kuchen anguckt, den man bis zum letzten Krümel aufessen will. Erst danach ging sie ran. Ich guckte zurück, sie sagte auf Hebräisch „Ken, motek, ani be Berlin“ in ihr blaues Kinderhandy und setzte sich zum Telefonieren an meinen Tisch. Sie lächelte süß und schwierig, und obwohl später alle ständig meinten, sie sei unschlagbar schön, sah ich bloß dieses kleine, atavistische Haarbüschel an ihrer linken Schläfe. Ich fand das Haarbüschel extrem unheimlich, weil ich alle seltsamen Sachen immer nur unheimlich finde, nie interessant — aber daß ich eines Nachts mit einem riesigen Solingenmesser in der Hand, das ausgerechnet sie mir geschenkt hatte, neben ihr knien würde, fiel mir in dem Moment trotzdem nicht ein. So weitsichtig war nicht einmal ich, Frauenparanoia hin oder her.

---

¹ Die erste Veröffentlichung der Kurzgeschichte: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 24. Juni 2012

Максим Биллер

Любовь по-израильски

Всё, что может иметь пишущий, я уже имел. В том числе, незнакомых людей в метро, которые обращались ко мне без всякого стеснения: «Вы Марк Таковский?», и, если я отвечал утвердительно и не хотел получить после этого зонтиком в глаз или лекцию о хороших манерах, то должен был быстро выходить. У меня были ток-шоу, являться на которые стоило бы с огнём или в пуленепробиваемом жилете, а не в моём удручающе дорогом бельгийском костюме. Я получал с десятков пассивно-агрессивных читательских писем на каждую мою колонку, сотню убийственно-критических отзывов на роман и тысячу кликов ежедневно на странице праворадикального интернет-сайта, где я вмонтирован с помощью фотошопа в чёрно-белую фотографию времён Мировой войны под номером два, с мешком на голове и звездой Давида на груди. Да, кое-что я действительно мог вынести, но только не Лизи Рамонович.

Лизи встретила меня в «Бонфини» на Мюнцштрассе. Она — меня, именно так. Она стояла около моего столика, в телевизоре Гана играла против Бразилии, и Лизи дожидалась своей пиццы с сардинами, мансом и овечьим сыром. Когда её телефон зашел *Material Girl* Мадонны, Лизи сначала коротко взглянула на меня, как смотрят на пирожное, которое собираются употребить до последней крошки, и только после этого взяла трубку. Я ответил ей взглядом, она сказала на иврите: «Кен, мотек, ани бе Берлин¹» в голубой детский мобильник и села для телефонного разговора за мой столик. Она улыбалась тяжело и сладко. Пусть потом все говорили, что она неотразимо красива, но я смотрел тогда на маленький атаквистический пучок волос на её левом виске. Я находил эту родинку крайне тревожной, так как всегда нахожу редкие вещи лишь тревожными и никогда не считаю их интересными. Но то, что однажды ночью я буду стоять перед ней на коленях с огромным золингеновским ножом, от неё же и полученным в подарок, в тот момент ещё не могло прийти мне в голову. Столь прозорливым не был даже я, при всей моей параноидальности по отношению к женщинам.

---

¹ Да, сладкий, я в Берлине (иврит)

„Bist du jüdisch?“ sagte Lissy auf englisch zu mir, nachdem sie aufgelegt hatte. Eine Woche später wohnte sie in meiner herrlichen, stickigen, mit dänischen Möbeln von Ebay vollgestellten Wohnung am Teutoburger Platz — und ich mußte zum Schreiben ins Café.

Lissy — schwarze Haare mit blinkenden grauen Strähnen, sehr spezielles Orient-gesicht, kaum Busen — ging von zuhause weg, weil zuhause die jungen Männer Fleischbällchen waren, die der Krieg fraß, sagte sie. Sie ging weg, weil der marokkanische Gale-rieboß, der ihre Sachen verkaufen sollte, nie was verkaufte, dafür aber einmal in der Woche nachts an ihrer Tür klingelte und in die Sprechanlage sang. Und irgendwas war auch mit ihren gestörten Zfon-Tel-Aviv-Eltern, aber vielleicht war auch nur was mit ihr — sie wollte wohl nicht herumkommandiert werden, sie wollte selbst herumkommandieren, das alte Israelproblem.

Ins Land der deutschen Killerbienen kam Lissy, sagte sie, weil es von hier näher war nach New York. Vielleicht keine Lüge. Hier war sie jetzt, schrie mich an, säuselte oder befahl mir, was ich ihr zum Abendessen kochen sollte. Wenn sie nicht in meiner tollen Wohnung an ihrem tollen Laptop saß und ihre tollen Videos schnitt, fuhr sie in den Westen in die UdK, wo sie als Gastprofessorin zu ihren banalen Studenten sechsmillionenmal netter war als zu mir, ihrem interessanten Gastgeber. Zu mir war sie natürlich auch nett, aber nur, wenn ich den Kopf zwischen ihren Beinen hatte — und kurz vorher und kurz danach. Was soll ich sagen? Am Anfang ging es mir sehr gut dort unten, aber bald kam ich mir wie ein kleines, ängstliches Maschinchen mit Teflonzunge vor.

„Ich will drei Kinder“, sagte Lissy hinterher gern. „Und die Jungs werden so heiß und schnell sein wie du.“ — „Ja, Cookie. Klar, Cookie“, sagte ich röchelnd, mindestens eins ihrer semitischen Schamhaare im Hals. Ich dachte, das kann doch nicht sein, ich habe bestimmt zu viel Larry David gesehen, ich räusperte mich noch mal, und jetzt kam zu dem Kitzeln und Kratzen in meiner Kehle auch noch ein leichtes Würgen dazu. „Aber wer“, sagte ich, „paßt auf die drei kleinen Gangster auf, wenn du an deinem Laptop sitzt und ich in meinem Café?“ — „Was denkt ihr Männer, ha?“ Ihre Augen bekamen diesen grünen Stich wie bei einer Computerspiel-Amazone, kurz bevor sie zuschlägt. „Wir sollen nichts sein, ihr alles? Ich werd’ nicht deine und ihre Nanny sein!“ — „Hör zu...“ — „Hör du zu.“

«Ты еврей?» — спросила меня Лизи на английском, после того как положила трубку. Через неделю она уже жила в моей замечательной, душевной и полностью заставленной датской мебелью от Ебау квартирке на Тевтобургской площади, а мне, чтобы писать, нужно было отправляться в кафе.

Лизи (чёрные волосы с проблесками седины, очень специфическое восточное лицо, почти отсутствующие груди) уехала из дома, потому что дома, по её словам, молодые люди были мясными тефтельками, которых пожирала война. Она уехала, потому что владелец галереи — марокканец, который должен был продавать её вещи, так ничего и не продал, зато раз в неделю звонил ей в дверь ночью и пел в переговорное устройство. Что-то ещё было не так с её чокнутыми тель-авивскими родителями, а может быть и с ней самой: она не хотела, чтобы ею командовали, она сама хотела командовать — вечная израильская проблема.

Лизи приехала в страну германских пчёл-убийц, так как, по её словам, отсюда было ближе до Нью-Йорка. Возможно, она не лгала. Теперь она была здесь, покрикивала на меня, мурлыкала или отдавала распоряжения о том, что я должен ей приготовить на ужин. Когда она не сидела в моей чудесной квартирке за своим чудесным лэптопом и не монтировала свои чудесные видеоклипы, то отправлялась в западную часть города в университет искусств, где как приглашённый профессор была в шесть миллионов раз любезнее со своими банальными студентами, чем со мной, своим незаурядным сожителем. Конечно, со мной она тоже бывала мила, но только тогда, когда моя голова находилась между её ног, короткое время до этого и короткое после. Что сказать? Поначалу мне было очень хорошо там внизу, но вскоре я стал самому себе представляться этакой маленькой пугливой машинкой с тефлоновым язычком.

«Я хочу троих детей, — удовлетворённо сказала Лизи после. — Парни будут такие же горячие и быстрые, как ты». — «Да, *Cookie*. Ясно, *Cookie*», — прохрипел я. Как минимум один её семитский волосок — в моей глотке. Я думал, такого быть не может, определённо, я посмотрелся сериалов с Лари Дэвидом. Я откашлялся, и к першению в горле добавилась лёгкая тошнота. «Но кто, — сказал я, — кто будет заботиться о трёх маленьких гангстерах, пока ты сидишь за своим лэптопом, а я — в своём кафе?» — «Что вы мужчины думаете, а?! — в её глазах появился такой же зелёный

Mein Galerist hat mir Pornochansons vorgezwitschert und dazu mit sich selbst Cello gespielt. Und der Dekan von Bezalel wollte zuerst wegen mir seine Frau in den Arsch treten, aber danach trat er mir in den Arsch, weil ich nicht wollte. Glaubst du, ich hab' freiwillig an der besten israelischen Kunstakademie gekündigt?“ — „So ein dreckiges, phallokratisches Belästigungsschwein!“ — „Paß bloß auf...“ Die Augen waren jetzt dunkelgrün, und es kamen kleine rote Flammensstiche raus. „Ich hör' deine billige Diasporaironie, dein Englisch kann noch so schlecht sein!“

Das erste Mal dachte ich daran, Lissy Ramonowic aus dem Weg zu räumen, als ich sie nach ihrem Feldenkraiskurs in der Immanuelkirchstraße abholte. Sie war noch ein bißchen benommen von dem Schlangenmenschen, das sie dort immer machten, sie war blaß und traurig und hatte sich vor lauter Schwäche bei mir eingehakt. Wir standen stumm in dieser abendlichen Berliner Wintersuppe an der Prenzlauer Allee an der Ampel, es war dunkler als in Ariel Sharons notbeleuchteten Krankenhauszimmer, und Lissy beschimpfte mich mit der letzten Kraft, die sie hatte. „Was schreibst du eigentlich immer, wenn du ins Café gehst? Dein Scheißroman handelt bestimmt von einer anderen als von mir!“ Ich schüttelte den Kopf. „Ach, es geht um uns? Das hab' ich dir nicht erlaubt, du Schmock, du Verräter! Beute doch dein eigenes schnuckeliges Prinzenleben aus.“ In dem Moment rutschte die zornige Lissy an der vereisten Bordsteinkante aus. Ich hätte ihr nur einen Extrastoß geben müssen, und es wäre vorbei gewesen mit ihr. Keiner hätte es gesehen — in Berlin im Winter kümmert sich sowieso jeder nur um sich —, und bumm, schon hätte der große, stinkende Getränke-Hoffmann-Laster, der von Pankow angerast kam, Schakschuka aus Lissy gemacht. Ich zuckte und stieß trocken mit der Schulter gegen Lissys Schulter, und während sie nach vorn purzelte, hatte ich dieses Glücksdröhnen im Kopf wie sonst nur, wenn mir der Schluß einer Erzählung eingefallen ist. Aber dann sah ich, wie sie den schwarzen, grauen Wuschelkopf zu mir verdrehte, sie lächelte süß und verzweifelt, und ich riß sie fünf vor zwölf zurück. Ich war so gerührt von meiner doppelten Heldentat, daß ich vergaß, wie gerissen meine kleine, gerissene Soldatin war. „Liebling“, sagte ich mit hoher, singender, gedehnter Stimme, „Lieb-ling, das war aber knapp...“ Sie preßte die Lippen zusammen, atmete schwer und

оттенки, как в компьютерной игре «Амазонка» непосредственно перед ударом. — Мы должны быть ничем, а вы всем? Я не собираюсь становиться нянкой ни им, ни тебе!» — «Послушай...» — «Это ты меня слушай! Галерист-марокканец исполнял для меня порношансон, играя попутно со своей мандолиной. Декан в Бецалеле сначала хотел из-за меня пнуть свою супругу под зад коленом, а когда я ему не дала, пнул под зад меня. Ты думаешь, я добровольно ушла из лучшей в Израиле академии искусств?» — «Грязный пристававший фаллократический боров!» — «Осторожно! — глаза стали тёмно-зелёными и разбрасывали маленькие огненно-красные искры. — Я слышу эту дешёвую галутную² иронию, как бы плох ни был твой английский!»

О том, чтобы избавиться от Лизи Рамонович, я подумал впервые, когда встречал её после курсов Фельденкрайза³ на Иммануэлькирхенштрассе. Лизи была ещё чуть не в себе после упражнения «женщина-змея», которое всегда там выполняла; она была бледна, печальна и цеплялась за меня исключительно от слабости. Мы стояли молча у светофора на Пренцлауер аллее в вечернем берлинском зимнем киселе; было темно, как у Ариэля Шарона в его больничной палате с аварийным освещением, и Лизи атаковала меня из последних сил: «Что ты там всё время пишешь, когда сидишь в кафе? Свой дерьмовый роман, конечно, о другой, не обо мне?!» Я покачал головой. «Ах, он о нас? Этого я тебе не позволяла, предательское ты чмо! Эксплуатируй свой собственный опыт смазливой принцессы». В этот момент разъярённая Лизи поскользнулась на обледенелом бордюре. Мне достаточно было слегка подтолкнуть её, и с ней было бы навсегда покончено. Никто бы ничего не заметил, зимой в Берлине каждый так и так занят только собой. Бум-с, и огромный вонючий грузовик «Напитки Хофмана», примчавшийся из Панкова, уже делает из Лизи шакшуку⁴. Я дёрнулся, расчётливо толкнув плечом плечо Лизи, и, пока она опрокидывалась вперёд, ощущал такой гулкий прилив счастья в голове, какой бывает, когда находишь окончание для рассказа. Но

² Галут: страна/территория принудительного изгнания евреев (то есть любая страна мира за исключением Израиля; здесь и далее прим. ред.)

³ Двигательная практика, развивающая человека через осознание себя во время работы над движениями собственного тела. Названа по имени разработчика — Моше Фельденкрайза

⁴ Ближневосточное блюдо из яиц, помидоров и острых приправ

zischte: „Was ist, willst du mich umbringen? Das schaffst du nie.“ Ich war aufrichtig empört. Ich hatte sie doch gerettet, oder nicht?

Das nächste Mal hatte ich einen richtigen Mordplan. Naja, was heißt schon Mordplan bei einem Schluck Wasser wie mir; wenn ich nachts träume, ich hätte jemanden umgebracht, bin ich hinterher tagelang deprimiert. Ich löste — es war schon wieder Frühling — an Lissys Fahrrad im Morgengrauen ein paar Schrauben. Danach ging ich zurück ins Bett, umarmte mit meinen schwarzverschmierten Händen ihre honigbraunen Hüften und hatte sie plötzlich sehr lieb. Ein paar Tage später rief sie mich vom Rosenthaler Platz an. Sie lachte und sagte: „Stell’ dir vor, ich fahr’ am Park den Berg runter, und auf einmal fliegt das Vorderrad weg!“ Ich holte sie mit dem Auto ab und fuhr sie in die UdK. Sie hatte nur einen kleinen Riß in ihrem neuen A.P.C.-Jeansrock, und ich war noch enttäuschter, als ich gedacht hatte. „Was hast du eigentlich neulich morgens im Keller gemacht?“ sagte sie, als sie in der Hardenbergstraße ausstieg. „Wann neulich?“ sagte ich röchelnd, damit sie glaubte, ich hätte immer noch eins ihrer Schamhaare im Hals. „Ja, genau. Aber nicht in dem Keller — und wieso war ich hinterher überall schwarz?“ Ich zuckte mit den Schultern und hatte auf einmal das Gefühl, ich hätte die schmalsten Mörserschultern von ganz Berlin.

Zweieinhalb Monate später — Lissy machte gerade ihr Anti-Armee-Video fürs PS 1 fertig, ich hing immer noch im dritten Kapitel von meinem Anti-Lissy-Roman fest — beschloß Lissy, nie mehr die Pille zu nehmen, die sie auch sonst ständig vergaß. „Aber Cookie“, sagte ich, „wie willst du das alles schaffen? PS 1, Art Cologne, Miami, die Schirn, das Kind?“ Sie berührte — als wäre das ihre ganz persönliche Mezuzah — das Haarbüschel an ihrer linken Schläfe und murmelte „Se lo ba’aia“, mehr nicht. „Was heißt das?“ sagte ich ängstlich. „Das heißt“, sagte sie, „das Baby soll nicht bei den Killerbienen aufwachsen. Das heißt, ich bin schon sechsunddreißig. Das heißt, ich hab’ mit meinen Eltern gesprochen. Das heißt, wir kriegen das Haus von Großvater Grinberg auf Bogenhof und meine Mutter paßt auf die Kleine auf, wenn du beim Einkaufen bist.“ — „Und meine Kolumne? Mein Roman? Deutschland?“ — „Du haßt Deutschland, Schnucky, das hast du immer gesagt. Und so ein toller Schriftsteller bist du doch gar nicht, oder?“ — „Woher willst du das

тут я увидел, что она повернула ко мне свою кудрявую, чёрную с проблесками седины голову, мило и растерянно улыбаясь. За мгновение до конца я выхватил её назад. Взволнованный своим двояким героическим поступком, я позабыл, на какие военные хитрости способен этот хитроумный солдатик. «Милая! — проговорил я необычно высоко и нараспев. — Ми-ла-я, ты чуть не попала под колёса!» Она поджала губы, задышала тяжело и прошипела: «Что такое? Ты хочешь меня прикончить? Это у тебя не выйдет. Никогда». Я был возмущён до глубины души. Я же спас её, или нет?!

На следующий раз я разработал настоящий план убийства. Ну, что значит «убийство» для такого невинного агнца как я? Даже если мне только лишь приснится ночью, будто я кого-то убил, я и то целый день хожу удручённый. На велосипеде Лизи, а это была уже весна, в предрассветных сумерках я ослабил несколько болтов. После этого я вернулся в постель, обнял своими измазанными чёрными руками её смугло-медовые бедра и, неожиданно, очень её полюбил. Через пару дней она позвонила мне с площади Розенталя. Она сказала, смеясь: «Представляешь, я съезжаю с горы в парке, как вдруг отлетает переднее колесо». Я забрал её на машине и повёз в университет. Она всего лишь надорвала свою новую джинсовую юбку *A. P. C.*, и я был этим разочарован куда больше, чем предполагал. «Что, собственно, ты делал тем утром в подвале?» — спросила она, выходя на улице Гарденберга. «Каким утром? — переспросил я хрипло, изображая, что её интимный волосок всё ещё у меня в горле. — Ах да, утром, верно. Но не в подвале». — «Интересно, почему я была после этого вся чёрная?» Я пожал плечами с таким чувством, будто у меня самые узкие мужские плечи во всём Берлине.

Через два с половиной месяца, когда Лизи как раз заканчивала монтировать видео против милитаристов для *PlayStation*, а я по-прежнему сидел на третьей главе своего романа против Лизи, она решила не принимать больше противозачаточные таблетки, принимать которые она и без того постоянно забывала. «Но *Cookie*, — сказал я, — как ты собираешься всё успевать? *PlayStation*, *Art Cologne*, Майями, галерея «Ширн», и ещё малыш?» Она дотронулась до своей родинки на левом виске, как будто это была её

wissen? Du kannst kein Deutsch.“ — „Ich hab’ dich gegoogelt, mit Übersetzungsprogramm.“ — „Und wenn’s ein Junge wird? Wenn’s ein Fleischbällchen wird, das der Krieg auffrißt?“ — „Es wird ein Mädchen, und sie wird nach der Großmutter Grinberg Batshewa heißen, was denkst du?“

Und jetzt die entscheidende Szene: Ich hatte mir alles genau überlegt — ich würde mal wieder zwischen ihren Beinen auf Tauchstation gehen, ich würde vorher das große Solingenmesser auf meiner Seite unters Bett legen, ich würde, wenn sie nach ihrem gigantischen Suffragetten-O sanft und wehrlos wäre, das Messer in sie hineinzwirbeln wie eine Billardkugel ins Loch, und danach wäre alles wieder genauso, wie es vor dem Brasilien-Ghana-Spiel war. Ich kam aber nur bis zu dem Punkt meines Plans, an dem sie dumm und schlaff vor Glück sein sollte. Ich drehte mich röchelnd und total außer Atem von ihr weg, griff unters Bett und wandte mich, nach einem feinen, kurzen Schwächlingszögern, der verliebten Bestie neben mir in Mordstimmung wieder zu. Lissy, die kleine, honigbraune, schöne Lissy, hatte sich aufgesetzt, die weißen Streifen auf ihrem Nullbusen und ihren irakischen Zauberhüften blendeten mich — und sie hielt in der ausgestreckten Hand ein noch größeres Messer als ich. Es war aus demselben Solinengenset, das sie mir gleich am Anfang besorgt hatte, damit es, wenn ich für sie ihren israelischen Salat machte und Braten und Hühnchen schnitt, noch schneller ging.

„Was“, sagte ich, „du auch?!“ — „Das siehst du doch“, sagte sie. — „Aber ich hab’ dir doch gar nichts getan!“ — „Du hast mir nichts getan? Das glaubst du wirklich, ja?“ — Weil ich nicht so sein wollte, dachte ich kurz ernst und selbstkritisch über mich nach, aber mir fiel absolut nichts ein, wofür ich den Tod verdient hätte. — „Du hast alle zwei Stunden eine neue Depression“, sagte sie, „und dazwischen bist du so manisch wie die Killerbienen, wenn sie gegen Argentinien das Elfmeterschießen gewinnen. Du kannst nicht kochen. Du stehst jeden Morgen wie eine selbstverliebte Schwuchtel vor dem Spiegel und rasierst dir dein Cello. Du redest immer nur über das dritte Kapitel von deinem Scheißroman, und wenn du nicht darüber redest, denkst du darüber nach und schenkst mir soviel Aufmerksamkeit wie ein vorbeifahrendes Schiff dem winkenden Robinson. Du hast wegen deiner Killerkolumnen auf der halben Welt Feinde, sogar meine

персональная мезуза⁵, и промурлыкала: *Se lo ba'aid*⁶, не более того. «Что это значит?» — испуганно спросил я. «Это значит, — отвечала она, — что малыш не должен расти среди пчёл-убийц. Это значит, мне уже тридцать шесть. Это значит, я поговорила со своими родителями. Это значит, мы получим дом бабушки Гринберга на Бог-рашова⁷, и моя мама присмотрит за маленьким, пока ты ходишь за продуктами». — «А как же моя колонка? Мой роман? Германия?» — «Ты ведь ненавидишь Германию, козлёночек, ты это сам всегда говорил. И ты ведь совсем уж не такой замечательный писатель, правда?» — «Откуда же тебе знать? Ты ведь не понимаешь по-немецки». — «Я погуглила тебя с онлайн-переводчиком». — «А что если это будет мальчик — мясная тефтелька, которую проглотит война?» — «Это будет девочка, и её будут звать Батшева в честь бабушки Гринберг, как ты думаешь?»

И вот решающая сцена. Я всё точно продумал: как обычно, выхожу на позицию погружения между её ног; большой золингеновский нож заранее кладу под кровать со своей стороны; пока она ещё размягчена и обезоружена после своего гигантского суффражистского «О!», вгоняю в неё нож, как бильярдный шар в лузу, и после этого всё становится, как было до матча Гана–Бразилия. Однако я дошёл только до того пункта моего плана, когда она лежит одуревшая и расслабленная от счастья. Я отвалился от неё, хрипя и задыхаясь, пошарил под кроватью и, после короткого малодушного промедления, повернулся к влюблённой бестии рядом с собой с твёрдым намерением её убить. Лизи, маленькая, медово-смуглая красавица Лизи приподнялась, белые полосы на её нулевой груди и на её волшебных иракских бедрах ослепили меня... в напряжённой руке она сжимала нож, ещё больший, чем мой. Он был из того же золингеновского набора, которым она снабдила меня в самом начале, для того чтобы я ещё быстрее строгал её израильский салат, нарезал для неё курицу и готовил жаркое.

«Что? — сказал я. — И ты тоже?» — «Как видишь», — сказала она. «Но я же тебе ничего такого не сделал?» — «Это ты

⁵ Прикрепляемая к дверным косякам в жилых помещениях полоска пергамента, на котором особым шрифтом написаны два фрагмента из Торы. Согласно обычаю, проходящие мимо мезузы прикладывают к ней руку, которую затем целуют

⁶ Это не проблема (иврит)

⁷ Улица в Тель-Авиве

Freunde von der Schenkin haben von dir gehört und fragen, ob sie zu deinem Schutz eine Golani-Einheit nach Deutschland schicken sollen. Du hast keine Haare auf dem Kopf, weil sie dir alle auf den Rücken runtergerutscht sind. Und du willst mich immer nur lecken! Stundenlang leckst du und beißt du mich, Hauptsache, du mußt nicht ganz rein da und Babies machen.“ — „Aber Cookie, ich dachte, du bist verrückt danach.“ — „Ja, das dachte ich auch. Aber nach einem Jahr Mark Manes habe ich eine Muschi aus Teflon.“ — „Okay“, sagte ich. „ich leg’ jetzt ganz langsam mein Messer weg.“ — „Ich auch?“ — „Mach’, was du willst“, sagte ich mit einer Stimme um eine Oktave tiefer und männlicher als sonst. Ich legte das Messer wieder unters Bett und wartete, und Lissy lächelte schwierig, traurig und süß. Auch nicht schlecht. Sie erinnerte mich jetzt mit ihrem Schwalbenmündchen und den großen schwarzen Augen an eine Tel Aviver Straßenkatze, die so lange ihre Mitleidsshow macht, bis man sie zu sich nach Hause läßt. Dann ließ sie ihr Messer auf ihrer Seite hinters Bett fallen, und ich sagte: „So — und jetzt gehst du mal auf Tauchstation!“ Eine Stunde später hatte ich den ersten Suffragetten-O meines Lebens, und neun Monate später kam Sara Lee auf die Welt.

Nein, das mit Sara Lee stimmt natürlich nicht. Und Lissy und ich haben uns ein paar Wochen später getrennt, einfach so, ohne großes Gerede, denn die Nacht der langen Solingenmesser war für uns beide zuviel. Es ging superleicht: Lissy fuhr nach New York wegen ihres PS-1-Videos und kam nicht zurück. Als wir uns am Flughafen Tegel, inmitten einer Gruppe blasser, übermüdeten Chassiden, Aufwiedersehen sagten, küßten wir uns bereits so abwesend und erleichtert wie entfernte Verwandte, die wissen, daß sie sich viele Jahre nicht mehr sehen werden. Danach fuhr ich mit dem Taxi schnell nach Hause, setzte mich im Arbeitszimmer an den Schreibtisch und glotzte eine halbe Ewigkeit zum Fenster raus. Da draußen, dieser graue, flauere Berlinhimmel — er gehörte wieder nur mir allein! Und nie wieder Schreiben im Café! Wie lange hatte ich hier eigentlich nicht mehr gegessen? Und wie lange würde ich hier wieder sitzen können, der Herr meiner Zeit, meines Glücks, meiner tollen, dichten, neurotischen Arbeitszimmeratmosphäre? Ich betete kurz etwas Selbstausedachtes, so in dem Stil „Lieber Gott, besser Single als tot!“, und hätte ich ein Haarbüschel auf der Schläfe gehabt,

ничего мне не сделал? Ты действительно так думаешь, да?» Так как я ничего такого делать не хотел, то задумался коротко, но серьёзно и самокритично о себе самом; однако ничего, за что я заслуживал бы смерти, мне в голову не пришло. «Каждые два часа, — сказала она, — у тебя новая депрессия, а в промежутке ты впадаешь в такую же эйфорию, как пчёлы-убийцы, когда они выигрывают по пенальти против Аргентины. Ты не умеешь готовить. Каждое утро ты стоишь перед зеркалом, как самовлюблённый педик, и выбриваешь себе мандолину. Ты постоянно говоришь только о третьей главе своего дерьмового романа, а когда ты о ней не говоришь, ты о ней думаешь и уделяешь мне столько же внимания, сколько проплывающий мимо корабль — машущему Робинзону. Из-за твоей убийственной колонки у тебя врагов полсвета, даже мои друзья с Шенкина⁸ о тебе слышали и спрашивают, не надо ли переправить в Германию подразделение из Голан для твоей защиты. У тебя нет волос на голове, потому что все они сползли тебе на спину. И ты хочешь меня всё время только лизать. Часами ты лижешь и кусаешь меня, главное, не войти просто и не сделать ребёнка». — «Но, *Cookie*, я думал, ты без ума от этого?» — «Да, я тоже так думала, но после года с Марком Таковским у меня клитор стал как из тефлона». — «О'кей, — сказал я, — сейчас я очень медленно кладу нож». — «Я тоже?» — «Делай как знаешь», — сказал я голосом на целую октаву ниже и мужественнее, чем обычно. Я положил нож обратно под кровать и ждал, а Лизи улыбалась тяжело, печально и сладко. Тоже неплохо. Теперь своими огромными чёрными глазами на заострённом личике она напоминала мне тель-авивскую уличную кошку, которая так долго играет на жалость, пока её не пустят в дом. Затем она уронила нож под кровать со своей стороны, и я сказал: «Так, сейчас ты отправляешься на позицию для погружения!» Через некоторое время у меня впервые в жизни случилось моё суфражистское «О!», а ещё через девять месяцев на свет появилась Сара Ли.

Нет, всё, что касается Сары Ли, конечно, вымысел. Мы с Лизи разбежались через пару недель, просто так, без долгих разговоров, так как случившееся в ночь длинных золингеновских ножей было для нас обоих слишком. Всё прошло просто супер: Лизи отправилась в Нью-Йорк по поводу своих PS-видео и не

⁸ Улица в Тель-Авиве; считается, что здесь живёт настоящая городская богема

hätte ich es dabei angefaßt. Zum Glück hatte die chaotische Lissy alle ihre Sachen mitgenommen — eindeutiger waren bei einem Rückzug sonst nur die Männer vom Heereskommando Ost, wenn sie hinter sich Brücken sprengten. Sie hatte so gut aufgeräumt wie kein einziges Mal während unseres einjährigen Bürgerkriegs, sogar ihre blauen und roten Haargummis und die Plexiglasschachteln von ihren DVDs, die sonst überall herumlagen, waren weg. Ich strich semi-erotisch und vielleicht ein bißchen zu theatralisch mit den Händen über die feine, glatte Glasplatte des leergeräumten George-Nelson-Schreibtisches, die Platte war so kalt wie eine einsam dahintreibende Eisscholle, und plötzlich ging es mir furchtbar schlecht. Ich sprang auf, raste ins Schlafzimmer und guckte unters Bett. Das Messer auf Lissys Seite war weg, meins lag noch da, aber leider würde ich es nie mehr brauchen. Ich röchelte, hustete und spuckte aus. Jetzt ging es mir wieder besser. Da lag es auf dem Parkett, reglos und wehrlos — ein letztes hartes, drahtiges, graues Tyranninenhaar. **III**

вернулась назад. Когда мы расставались в аэропорту Тегель, оказавшись посреди группы бледных переутомлённых хасидов, поцеловались на прощанье так отстранённо и с таким облегчением, как дальние родственники, которые знают, что не увидятся ещё долгие годы. После этого я на такси быстро вернулся домой, сел за письменный стол в кабинете и целую вечность пялился в окно. Снаружи серое вялое берлинское небо — оно опять принадлежит мне одному. И больше никогда не работать в кафе! Сколько же времени я здесь не сидел? И сколько я здесь ещё просижу, хозяин своего времени, своего счастья, всей обалденной, уплотнённой, невротической атмосферы моего рабочего кабинета! Я коротко помолился молитвой собственного сочинения, в стиле: «Господи, одному много лучше, чем в гробу!», и, если бы у меня была родинка на виске, я бы за неё подержался. К счастью, хаотичная Лизи забрала все свои вещи; более недвусмысленными при отступлении были разве что парни из бригады Ост, когда они взрывали за собой мосты. Она так хорошо убралась, как ни разу за всю нашу продолжавшуюся целый год гражданскую войну, даже её резинки для волос, синие и красные, и пластмассовые коробки от *DVD*, которые раньше валялись повсюду, теперь исчезли. Я погладил руками, полуэротически и, может быть, чуть театрально, стеклянную гладко отполированную поверхность чистого джордж-нелсоновского письменного стола. Столешница была холодна, как одинокая заплывшая сюда льдина, и мне вдруг стало ужасно плохо. Я вскочил, ворвался в спальню и заглянул под кровать. С стороны Лизи ножа не было, мой всё ещё лежал здесь, но, к сожалению, был мне совсем уже не нужен. Я захрипел, закашлялся и сплюнул на пол. Мне сразу стало лучше. На паркете неподвижно и беззащитно лежал последний жёсткий, седой, волос тиранки. **И**

Перевод: Алексей Рашба

Славист Ольга Радецкая: Переводчик всегда немного актёр

В багаже Ольги Радецкой, одного из наиболее востребованных и известных переводчиков с русского языка на немецкий, — самые разные книги. Как уживается в переводчике интерес к авторам-однодневкам и классикам литературы и философии, сложен ли парный и групповой перевод, в чём особенности русского языка для изучения и в работе — обо всём этом и многом другом Радецкая рассказала в интервью главному редактору журнала «Берлин.Берега» Григорию Аросеву.

«Берлин.Берега». Уважаемая госпожа Радецкая, расскажите, пожалуйста, о своём пути к переводам и языкам — и, в частности, к русскому.

Ольга Радецкая. Я родилась в Баварии, мой родной язык — немецкий. Я всегда интересовалась языками и литературой, а некая близость к русскому языку возникла на личном фоне: моя очень близкая подруга, когда я ещё жила в Баварии, была наполовину чешкой, наполовину русской. И через это открылась дверь именно в эту сторону. Потом, когда я поступала в университет, я хотела заниматься филологией, но чем-то неочевидным — не французским, не итальянским, так как мне казалось, что эти языки можно запросто выучить и без университета. Хотелось учить что-то более сложное, «отдалённое». И вот, по таким слегка «фривольным» причинам я поступила на славистику...

Откуда у вас русское имя и даже русская фамилия?

Очень просто. Русская фамилия у меня от первого мужа, а так как мы женились в Москве, там меня удостоили женского окончания. И поскольку я в то время, когда мы жили вместе, уже начинала работать как переводчик, потом, когда мы развелись, я решила не менять фамилию. Что же до имени: Ольга — это русская версия моего имени по паспорту, *Helga*.

Не принимали ли вас когда-нибудь за русскую из-за фамилии, прекрасного владения языком и отличного произношения?

Да, очень часто. В школе я вообще не учила русский язык, только в университете. Но в университете у нас было очень хорошее обучение. Что касается произношения — у меня, если можно так сказать, попутайский талант, который бывает удобным, а бывает неудобным. В одну из моих первых поездок в Россию, может, в 1986 году, когда я буквально год-полтора учила русский, в Ленинграде я иногда спрашивала, как куда-то пройти — и я это, видимо, не только произносила хорошо, но ещё и выглядела как-то так по-свойски, что люди мне отвечали как местной. Но при этом задавать вопросы я могла, а вот понимать ответы мне было пока ещё сложно ...

Ну а здесь, в Германии, конечно, тоже бывали такие случаи. Помню, один раз некий издатель, которому я предложила какую-то работу в моём переводе, поблагодарил за текст, публиковать который не решился, но зато очень хвалил мой замечательный немецкий. Тут я поняла, что русская фамилия не очень удобна в моей работе — но сейчас это уже не играет роли, потому что меня уже просто знают.

Вы читали что-то из русской литературы в детстве, в отрочестве?

Я вообще была жадным читателем, читала всё подряд, сначала мировую литературу из городской библиотеки, потом, в школе, последние два года специализировалась на литературе немецкой и английской; из русской — помню, был Достоевский, был Толстой, была некоторая загадочность, парадоксальность и интенсивность восприятия жизни, так я бы описала впечатление от русской литературы. Первые действительно важные русские авторы для меня были потом уже Андрей Битов — его «Пушкинский дом» я читала ещё по-немецки, до учёбы, потом Гоголь, которого читала на первом семестре уже по-русски, хоть и с немецким переводом параллельно, и Хармс — это было откровение вообще. Ещё до учёбы я также читала Виктора Шкловского, первый немецкий перевод его «Сентиментального путешествия» — а вот второй я сделала уже сама, он вышел летом

2017 года в издательстве *Die Andere Bibliothek*. В университете потом — те же формалисты, потом Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Цветаева в особенности.

А потом я год провела в Америке, в Нью-Йорке, работала в книжном магазине и издательстве *Russia*. Они издавали, в частности, Берберову, Бродского, Цветаеву. Книгоизданием там занимался прекрасный редактор Александр Сумеркин. А заодно они в магазине продавали всю эмигрантскую литературу. И я там целый год в этой стихии просто купалась. Очень много читала и много узнала.

Понимали ли вы во время учёбы, с чем именно будет связана ваша профессиональная жизнь? Возможно, вы предполагали, что будете устным переводчиком или синхронистом?

Нет, устный перевод меня никогда не привлекал. Меня привлекала именно литература, а какое-то время меня занимала и теория литературы. То есть когда-то я, наверное, не исключала, что останусь в университете и буду что-то делать на гуманитарно-научной стезе. А после Нью-Йорка я поехала в Москву, и там, в разгар перестройки, я провела первую половину 1989 года. Я познакомилась с будущим мужем и в результате постоянно приезжала туда на протяжении трёх-четырёх лет. В это время я стала заниматься уже первыми переводами, ну а пару лет спустя до меня начало доходить, что научная работа — не для меня, мне стало просто скучно этим заниматься, я исчерпала свой интерес. А перевод постепенно выкристаллизовался.

Помните ли вы свой первый законченный перевод?

Первый текст мы перевели вместе с подругой Наташей Друбек-Майер (*Natascha Drubek-Meyer*), это был рассказ «Мультипроза» Зуфара Гареева¹ — он вышел в антологии авторов журнала «Соло»², который печатался в Москве в конце 80-х—начале

---

¹ Зуфар Гареев (1965) — российский писатель и журналист. Работал в ряде московских газет. Автор двух книг. Лауреат премии «Нонконформизм-2012»

² Журнал литературных дебютов «Соло» выходил с 1990 по 1998 годы. За это время появились 22 номера (здесь и далее прим. ред.) Немецкое издание: *Muschiks Underground. Neue russische Prosa aus der Moskauer Zeitschrift Solo*; herausgegeben von Holt Meyer und Alexander Michailow. München 1993.

90-х, и собирал довольно интересных авторов, в частности там публиковались Анатолий Гаврилов³, Дмитрий Добродеев⁴.

Рассказ Гареева — достаточно интересный, многоголовый, сложный текст. А для меня — первый, я бы сказала, более-менее ответственный перевод.

Как так получилось, что в вашем активе переводы таких разных авторов — от авторов-однодневок, вроде Ирины Денежкиной⁵, до Павла Флоренского?

В этом, конечно, есть доля случайности. Но я никогда не переводила того, чего не хотела. Из книги Денежкиной я тогда перевела один длинный рассказ, и мне это было интересно — это была очень современная и очень живая молодёжная литература, в своём жанре — хорошая.

А Елена Трегубова⁶?

Книга Трегубовой, наверно, действительно однодневка, соглашусь, и она вышла не по моей инициативе, конечно. Трегубова как журналист слишком зациклена на себе. Но было в её книге и что-то близкое мне, а именно переживание девяностых как глотка свободы. Это мне понятно и симпатично.

Флоренский, Лев Толстой?

Это совсем разные вещи.

Но ведь одно так диссонирует друг с другом! Обычно переводчик работает с современной литературой или классикой. А у вас всё очень по-разному.

У меня интересы в этом смысле действительно разбросаны. Я, например, много работала с теоретическими текстами, это для меня вполне органично — Флоренский, Лотман. Я в начале своей профессиональной жизни переводила очень много искусствоведческих статей для выставочных каталогов. И я до сих пор регулярно перевожу научные тексты для журнала *Osteuropa*, где я работаю, — мне это легко даётся.

³ Анатолий Гаврилов (1941) — российский писатель. Автор более десятка книг. До 1989 года в СССР не печатался. Лауреат премии А. Белого (2010)

⁴ Дмитрий Добродеев (1950) — российский писатель, историк-арабист. Автор ряда книг. Финалист «Русского Букера» (1996). С 1989 года в эмиграции

⁵ Ирина Денежкина (1981) — российская писательница, автор книги рассказов «Дай мне» (2003)

⁶ Елена Трегубова (1973) — российская писательница, автор политической книги «Байки кремлёвского дилтера» (2003)

Вообще в моей библиографии есть те книги и тексты, которые я сама предлагала издательствам, мой персональный выбор, так сказать. Например, Маргарита Хемлин⁷, Павел Лемберский⁸, Мария Степанова⁹, которую перевожу в данный момент, и Борис Поплавский¹⁰ (работа над ним впереди). А есть рядом с ними те книги, которые мне предлагали: тут и Флоренский с Лотманом, тут Марголин¹¹ со Шкловским, и Денежкина, и Толстой, и Владимир Сорокин, и Евгений Водолазкин.

Все эти книги мне были чем-то интересны — в языковом, переводческом плане, в литературном или содержательном смысле. Некоторые из них остаются мне «родными», другие быстрее отдаляются, отчуждаются, но во время работы они все интересны. Если сравнить работу переводчика с работой актёра — а по мне это сравнение вполне имеет смысл — то я актёр не одной роли, а многих, мне нравится менять жанр, стиль, голос. В этом ведь ещё и определённый вызов — а вот это сыграть — сумеешь? Ну и бывают, конечно, случаи, когда я знаю, что не сумею или не хочу, текст мне противен, или просто «не говорит». Я, например, ничего не понимаю в некоторых жанрах литературы, мне пришлось бы выучить новый литературный язык, чтобы переводить, допустим, какую-нибудь фантастику или детективы. Мне это неинтересно.

Представим, что русская литература неизвестна немецкому читателю. Кого бы вы перевели на немецкий, если бы у вас была полная свобода действий?

Если речь идёт о всей русской литературе, то тут и десяти переводческих жизней не хватило бы. Но есть то, что лично очень по душе. У меня например была история с Константином Вагиновым¹², которого я очень хотела переводить, а меня опе-

⁷ Маргарита Хемлин (1960–2015) — российский писатель, автор романа «Клоцвод»

⁸ Павел Лемберский (1956) — русскоязычный писатель, журналист. Автор ряда книг. Живёт в США

⁹ Мария Степанова (1972) — российский поэт, журналист, главный редактор портала colta.ru

¹⁰ Борис Поплавский (1903–1935) — писатель-эмигрант. Скончался в Париже

¹¹ Юлий Марголин (1900–1971) — русско-еврейский писатель и философ. С 1946 года жил в Палестине/Израиле

¹² Константин Вагинов (1899–1934) — русский прозаик и поэт. Автор ряда романов

редил коллега, и очень хорошо его перевёл, кстати — но это было в своё время очень сильное желание. Ещё я довольно долго продвигала Александра Гольдштейна¹³. У него ритмичная, многогранная проза, она наполнена очень мощными образами и, в то же время, сильной мыслью. Это меня привлекает больше всего. Кстати, Гольдштейн сейчас тоже переводится. Не мною, но это неважно. Он нашёл своего издателя. А у меня в последнее время сплошные интересные проекты, в этом смысле я очень довольна.

Вообще, то, что меня больше всего интересует, это эссеистика — «умная», формально сильная проза между *fiction* и *non-fiction*.

Как быстро у вас обычно продвигается работа над переводами?

Не очень быстро. Я не только переводами занимаюсь, я ещё и работаю редактором в журнале *Osteuropa*. Таким образом, на книги уходит половина рабочего времени. Но и когда я сижу над текстом, работа тоже идёт медленно. Никогда не бывает так, чтобы перевод «писался» так же быстро, как и свой текст на родном языке. Я и не представляю, как такое может быть.

Случается ли у вас так, что вы чего-то не понимаете в русском тексте — или с точки зрения языка, или при поиске адекватного немецкого эквивалента?

Всё зависит от конкретного автора. Бывают, конечно, случаи непонимания чего-то. В скором времени я приступлю к переводу романа «Аполлон Безобразов» Бориса Поплавского, и там есть такие места, которые я не то чтобы не понимаю, но у меня есть несколько вариантов возможного истолкования. И тут уже действительно становится сложно... Сейчас я работаю над книгой прозы Марии Степановой, и это большая радость ещё и потому, что с ней я могу в любой момент обсудить неясные места. А вот Поплавского уже не спросишь. И не только не спросишь у автора, но и вообще весь этот культурный пласт ушёл далеко в прошлое, в какой-то отдалённый регион нашего сознания.

---

¹³ Александр Гольдштейн (1957–2006) — русский писатель, эссеист. Автор пяти книг. Лауреат премий «Малый Букер», «Антибукер», а также премии Андрея Белого. С 1991 года жил в Израиле

Вы сказали про общение с Марией Степановой. А в других случаях вы общались с авторами, которые на тот момент были живы?

Да, всегда.

И они вам что-то объясняли?

Да. Сорокин отвечал на вопросы очень любезно, профессионально. Маргарита Хемлин с радостью общалась. Мой опыт в целом таков, что авторы довольны, когда в их текст пытаются проникнуть так глубоко — хотя я знаю от коллег, что бывает и по-другому.

Кстати, насчёт Маргариты Хемлин. Почему такое необычное название у «Клоцвога» на немецком — *Die Stille im Maja Abramowna*¹⁴?

Название — всегда решение издательства. То есть переводчик может что-то предлагать, но он не принимает конечное решение. Я предлагала добавить имя и назвать книгу «Майя Клоцвог». Потому что по-немецки совсем непонятно, что Клоцвог это фамилия.

По-русски тоже.

Очевидно. Но в издательстве вообще не хотели называть книгу просто именем женского персонажа. Они видели в этом нечто претенциозное — ну, будто такое название сразу поставило бы книгу на один уровень с «Мадам Бовари», с «Анной Карениной» — а тут неизвестный автор, впервые переведённый... Поэтому хотели дать книге какое-то другое название, более понятное. Я им не очень довольна. Оно содержательно что-то передаёт, но сама многословность плохо вяжется со стилем книги Хемлин.

Часто указано в книгах, что вы их перевели с кем-то в соавторстве. Это чаще всего книги, которые состоят из разных частей или рассказов. А бывало ли так, что вы переводили один и тот же цельный текст вместе ещё с кем-то?

Случалось и то, и другое. Экстремальный случай был с переводом Сорокина, его романа «Теллурия»: тут нас собралось восемь переводчиков. История оказалась вполне концептуальная, потому что этот текст состоит из совершенно

---

¹⁴ «Молчание по Майе Абрамовне»

разных кусков. В стилистическом плане они настолько разные, что у моего коллеги Андреаса Третнера (*Andreas Tretner*) возникла мысль собрать своего рода «встречу выпускников» — были приглашены все переводчики, которые когда-то переводили Сорокина, плюс ещё двое новых (как раз одним из новичков стала я). Идея заключалась в том, что мы можем использовать наши разные голоса в пользу стилистического разнообразия этой книги, и, мне кажется, это и сработало.

Наверное, вам всё равно приходилось согласовывать какие-то фрагменты?

Да, мы согласовывали отдельные понятия — «умное тесто», к примеру. Но их было не так много.

Я разговаривал с одним из трёх переводчиков «Инферно» Дэна Брауна на русский язык. По его словам, процесс согласования занимал очень много времени, но в одиночку было бы не успеть. А как бывало у вас?

В случае Сорокина это было частью концепции. А в других стоял вопрос времени, к примеру, когда мы переводили Трегубову. То же самое с романом Ольги Славниковой «2017», который мы перевели совместно с Кристианой Кёрнер (*Christiane Körner*): иногда издательство получает финансирование, и надо издать книгу к какому-то сроку — ну, а в случае Славниковой поджимала ещё дата «2017» в названии...

С точки зрения согласования это был более сложный случай, тут пришлось согласовать не десяток, а гораздо больше понятий. Надо было стилистически приближаться друг к другу. Однако мы занимались не только переводом, но и редактурой — мы правили друг друга, и в результате получился всё же текст «из одного куска», как говорят по-немецки. Это был интересный опыт.

Но в любом случае на эти согласования уходит довольно много времени. Если я перевожу книгу, допустим, за восемь месяцев, то вдвоём мы её всё равно не переведём за четыре — скорее за пять или шесть.

Совместный перевод — это традиция для литературной Германии?

Не знаю, мне не кажется что в этом какая-то национальная специфика. Но да, есть постоянно работающее тандемы —

с французского, например, переводят Хольгер Фок (*Holger Fock*) и Сабина Мюллер (*Sabine Müller*), они переводят исключительно вдвоём. Есть и другие подобные примеры, но их немного.

Знаете ли вы ещё какие-нибудь языки на профессиональном уровне?

Я могу переводить с английского, я могу переводить с французского. Хотя французский я систематически не учила, он скорее часть повседневной жизни для меня, потому что это язык моей семьи. Но чаще всего я перевожу действительно с русского.

Что, с вашей точки зрения, в русском языке самое сложное для изучения?

Для изучения достаточно сложна видовая система и глаголы движения. Всё остальное можно осилить. Я в школе учила латынь, и меня это как-то подготовило к русскому. А в переводах встречаются другие проблемы. К примеру, немецкий язык бывает очень точным, когда речь идёт о пространственных взаимоотношениях. И иногда в нём необходимо выразить то, что другой язык не выражает, когда оригинальный текст на русском оставляет что-то открытым для представления.

Какой русский язык для вас? Руководствуясь не научными категориями, а человеческими.

Трудно сказать, потому что восприятие зависит от того, с кем я на нём говорю — в семейном ли кругу, среди друзей, с детьми. Моя жизнь сложилась так, что русский язык стал языком общения с определённым кругом друзей и с моими авторами. В этом смысле русский для меня — язык общения, язык тёплых дружеских отношений, язык шуток.

Есть одна интересная деталь. Для меня в русском языке очень живо сохраняется некий еврейский пласт. Например, «Клоцво» Маргариты Хемлин я сразу захотела перевести, но перевод давался очень трудно, я довольно долго работала над книгой, кружилась над ней, и в какой-то момент решила просто всё бросить и начать заново: я поняла, что не нашла правильного тона. Этот тон у Хемлин очень связан с интонациями идиша, пусть конкретно слов на идише там мало. Но эти интонации — органичная часть русской речи, а вот из немецкой, мне кажется, они почти исчезли. К сожалению, в этом плане нацистский

замысел был осуществлён — хотя, возможно, процесс и обратим. А вот в русском такие вещи сохранились. И если говорить о юморе, анекдотах, шутках, то этот элемент, эта искра у Хемлин очень явно присутствует, и я подобное очень люблю. Но это дико сложно переводить. К примеру, я не понимаю, как можно переводить на немецкий «Одесские рассказы» Бабеля.

Некоторую «неправильность» в речи персонажа — допустим, в стиле Зощенко — передать можно, хотя и это непросто. Но вот интонацию типично еврейской шутки передать невероятно сложно. Если посмотреть с другой стороны, можно в этом увидеть даже своеобразную цель — ведь хорошо бы возобновить в немецком языке потерянные, вытесненные традиции при помощи перевода.

Русский как язык семейного общения для вас не существует?

Нет. С первым мужем я развелась давно, и сейчас вместо русского у меня в семье французский. Домашнее общение у меня происходит по-немецки и по-французски. Мои дети, к сожалению, не знают русского — за исключением некоторых слов, которые я ввела в семейный обиход. К примеру, они понимают слово «пошли» и понимают, что если кто-то не хочет что-то делать, вместо него это сделает «Пушкин».

Знакомы ли вы с кем-то из русскоязычных коллег, которые работают с немецкими текстами?

Да, я знаю немало коллег. Дружу с Анной Шибаровой, переводчицей Йозефа Рота¹⁵ (*Josef Roth*) и Вольфганга Хильбига¹⁶ (*Wolfgang Hilbig*), и с замечательной Татьяной Баскаковой, давно знакома и с Ириной Алексеевой.

С кем-то из старшего поколения русских переводчиков вам удалось пообщаться?

Да — к примеру, с Соломоном Аптом. В 2003 году мы с коллегами сняли документальный фильм *Spurwechsel. Ein Film*

¹⁵ Йозеф Рот (1894–1939) — австрийский писатель еврейского происхождения.

Автор, помимо прочего, романа об империи Габсбургов «Марш Радецкого»

¹⁶ Вольфганг Хильбиг (1941–2007) — немецкий поэт и писатель. Автор более десяти романов, в том числе книги «Временное пристанище». Лауреат большого количества литературных премий

*vom Übersetzen*¹⁷, и там, помимо прочих, фигурировал Апт. Ещё с русской стороны принимали участие Марина Коренева, Михаил Рудницкий, Сергей Ромашко и та же Татьяна Баскакова.

Фильм был с одной стороны о переводе, с другой стороны — о качествах языка, о главных проблемах, с которыми мы сталкиваемся при переводе. Мы сделали десять интервью. Каждый из нас придумал какую-то тему и выбрал двух людей для интервью — одного переводчика с русского на немецкий, одного с немецкого на русский. Обсуждались разные темы, к примеру, вопрос цитат, вопрос мата, вопрос передачи движения. Вскоре наш фильм можно будет увидеть и в интернете.

Как вы полагаете, хорошо ли переводятся немецкие тексты на русский язык?

Я специально не вникала в этот вопрос, но думаю, что хорошо. Русская традиция литературного перевода (и вообще книгоиздания) находится на очень высоком уровне, и те коллеги, с которыми я лично сталкивалась, относятся к своей работе с огромным вниманием и страстью, они блестящие профессионалы. **Ю**

---

¹⁷ «Встречное движение. Фильм о переводе»

Семён Златин

Главы из книги «Берлинские идиомы»

История одной встречи

Дождливый ноябрь 2016. О городе бывшего величия Петербурге—Петрограде—Ленинграде и опять Петербурге так уже много сказано и написано, проговорено и пропето, что эти мои пять копеек в форме рассказа, возможно, покажутся слегка избитыми, но не забытыми. Каждый раз, когда я прилетаю, устремляясь попасть в первой половине года в свой родной город, меня охватывают необъяснимые чувства радости и печали, гордости и обиды, когда бросается в глаза неизменная, с каждым разом явственнее различимая провинциальность некогда культурной столицы... Я всегда люблю ставший мне родным город, хотя из двадцати семи полных лет жизни только последние десять приходится на то, чтобы считать себя истинным ленинградцем, а первые семнадцать — пушкинцем. Надо сказать прямо, что желанием и волею судьбы, случайно и планомерно (я служил в Пушкине, Сиверской и в Заполярье) удалось побывать, увидеть, полюбоваться и получить много особых памятных впечатлений в самом городе, его пригородах и области, не говоря уже о Прибалтике и близлежащей российской действительности.

«Эти славные и добрые воспоминания, наверно, помогли вам во многом», — спрашивали не раз наши ленинградцы и блокадники в клубе Берлинской общины, когда приходилось делиться удивительными своими встречами. «Да! Конечно!» — отвечал им я, имея в виду поездки и многочисленные разные командировки...

Этот рассказ интересен тем, что у нас с женой должна была произойти встреча после паузы в тридцать лет поисков с её сестрой — Людмилой, живущей ныне в Воронеже, городе немалом, о котором оприходовано разное и всякое. Поэтому их красочные, добрые и любвеобильные беседы должны украсить этот рассказ.

Людочка М. родилась на Дальнем Востоке в бухте Ольга. (Когда я находился в годичной командировке в заливе Пошкет, мы не раз слышали об этом удивительном и красивом месте.) Это был конец пятидесятых, и там жизнь начинала расцветать не только благодаря многочисленным воинским частям, авиационным и морским. Отец Людмилы по окончании училища в городе Молотове (ныне Пермь) был направлен сюда служить авиационным техником и привёз молодую жену с Урала. Здесь, в бухте Ольга, маленькая Людочка начала делать первые шаги. Свободное время они проводили с другими семьями у ярко-синего моря на берегу залива, получившего название «Тихая Пристань». Возвышенные берега залива, покрытые смешанными лесами, манили своими грибами, ягодами и живностью, а прогревавшийся до середины августа морской пляж давал полноценный отдых.

Вскоре они уехали в Красноярск. Отца перевели продолжать службу, и далее вся жизнь и учёба Людмилы прошла в Красноярске. Рождение сына, а затем и дочери Ольги, превратности семейной судьбы — всё пришлось вынести. И когда болезнь сына поставила вопрос о необходимости смены климатической зоны, они оказались в Воронежской области, в Каширском районе, и начали хозяйствовать в новой сельской жизни. С тех пор предпринимались жалкие попытки найти родню, которая была представлена в первую очередь сестрой Татьяной, живущей в Ленинграде, и такая встреча удалась, когда случайно рейс Красноярск-Ленинград (Люда, живя в Красноярске, проработала несколько лет стюардессой) задержали по неисправности на два дня. Это была полная любви и радости встреча двух сестёр. К сожалению, потерянные адрес и телефон разлучили их на долгие годы. Молчание длилось почти тридцать лет.

И вот наконец удалось списаться, созвониться, пообщаться в долгих беседах. Желание увидеться друг с другом, а не только по скайпу, возымело своё действие, и в конце октября прошлого года мы с Татьяной прилетели в Питер. Была продумана программа, заказаны места на Невском проспекте в современном и хорошо отреставрированном отеле, и начались перезвоны по железнодорожным расписаниям. Ожидалась встреча рано утром на Московском вокзале.

Холодным, ранним, не дождливым утром мы продолжили завтрак до 10 утра и отправились на вокзал. Город ещё окончательно не проснулся. Хотя движение тех, кто спешил на дальнюю работу, уже было заметно. Ухоженный Невский проспект, не успевший с утра обнаружить на своём теле мусорные остатки еды и бумажек, проводил нас до самого вокзала. Московский вокзал, меняющийся за счёт дополнительных креплений безопасности, загородаки и решётки, встретил нас своей тоскливой настроенностью. Люди, одетые в немаркую и походную одежду, толкались в ожидании встречи поездов или отъезда. Задумчиво посмотрев на сумрачное небо, пока ещё ничего плохого не предвещавшее, мы вышли к перрону в ожидании поезда. Он шёл из Адлера через Воронеж. Конечно же, поезд опоздал на двенадцать минут, и, подойдя к седьмому вагону, мы постучали в окно, напоминая о себе стоящей в проходе на выход худенькой усталой женщине, лицо которой сразу осветилось радостной улыбкой ожидания встречи.

И встреча состоялась, радуя и частично веселя всех юмористическим направлением разговоров. «Ну как ты, Людочка, доехала? Никто тебе в поезде не объяснялся в любви?» — эти стандартные вопросы превратились в длинную тираду о том, что всё было умеренно и организовано неплохо, вот только спать не удалось, ибо державшее последний день напряжение не разряжалось. Обняв её с двух сторон, мы поторопились к заказанному в отеле завтраку.

Первый день приезда начался с прогулки до самой библиотеки Академии наук, где необходимо было найти следы какой-то родственницы, бывшей графини.

Выйдя из библиотеки, мы попали под настоящий ленинградский ливень. Ожидание троллейбуса и автобуса не принесло удовлетворения, и мы пошли пешком с одним зонтиком на троих. До самого вечера пришлось приводить себя в порядок, а сёстры уже рванули смотреть Спас-на-Крови и вернулись к вечеру. Организация ужина и первого застолья легла на мои широкие плечи. «Сколько же твоим детям?» — волновавший меня в этот вечер вопрос по ходу наших рассказов возбудил подробный пересказ обо всех коллизиях здоровья Станислава

и успехах дочки Ольги, которая тоже хотела приехать, но не смогла. «Но пока до бабушки мне ещё очень далеко». Чувства и впечатления переливались радугой. А далее мы познакомили Людочку с нашими планами, и она осталась очень довольна. Впереди нас ждал вечер в Юсуповском дворце с экскурсией по дворцу и спектаклем «Цыганский барон». А днём после обеда мы отвечали на её вопросы о том, как мы живём в Берлине.

Рассказ Семёна. Мы оказались в Берлине ближе к Новому 1998 году. Это была незабываемая ночь в самом центре бывшего Западного Берлина на улице Альбрехт-Ахиллесптрассе: казалось, что город с балкона шестого этажа стал на полчаса разноразным небом над головой, в мириадах огней, ракетного шума и стелющегося по улицам дымообразующего острого запаха. Такого нигде ещё не приходилось видеть. Особенно хочется помнить и свой первый час пребывания здесь на Кудамме. В Германии я бывал раньше, но до Берлина не дотянулся, и поэтому для меня даже каждый большой BauHaus представляет особый интерес. Мой друг детства, профессор Борис Островский, ждёт нас у себя дома и готовится встретить нас по полной программе. А дальше — больше... Он был решительно настроен перетаскать нас в Берлин. Так мы вскоре оказались в Берлине. Около трёх месяцев мы прожили у Бориса, пока не вросли в немецкую первичную ментальность, арендовали квартиру на Фридрихштрассе, съездили в Гамбург, а затем в Париж и Испанию, и начали понемногу обживать, отметив наши юбилеи и праздники, встречая гостей и родственников. А попав в Берлинскую общину, в клуб ленинградцев, мы испытали новый прилив добрых душевных качеств. С 2010 по 2015 годы и мне пришлось порулить клубом в должности председателя.

Пришлось наблюдать неоднократно, как Берлину, увы, не повезло с властями, которые, в силу отсутствия контроля, довели отдельные районы города почти до антисанитарного состояния. При этом различные мероприятия: годовщины, балы, посольские рауты проходили с их участием и большой афишируемой помпой. Поэтому что будет дальше — вопрос открытый... Государственный долгострой зашкаливает: главную библиотеку реставрируют около двадцати лет, аэропорт строят

около десяти лет, метро в центре — пять лет. Правда, коммерческое строительство в новом архитектурном исполнении идёт быстро, и почти уже не осталось пустырей. Процветает международный и молодёжный туризм. Вот так.

Рассказ Татьяны. Для меня всё было важное, как жене, хозяйке, и будущей жительнице Берлина. Берлин, конечно, потрясал. Особенно первое время. Всё казалось совершенно необычным, неясным, связанным с историей, которую мы, конечно, знали поверхностно. Рядом с нами на Фридрихштрассе — Чек-Пойнт-Чарлз, ворота в Восточный Берлин, до сумасшествия интересный теперь музей, о котором уже так много снято фильмов и рассказано в книгах, стройные ряды огромных офисных зданий и магазинов. Чего стоит один только французский «Лафайет» с бутиками всех стран. И вот он у твоих ног, этот чудный мир. Напи первые и последующие встречи с моей единственной и любимой дочкой, её семьёй, рождением внучки — и всё это недалеко от роскошной Флоренции. Впереди нас ждали интересные впечатления от увиденного в поездках, о которых когда-то мы могли только мечтать. Людочка! Мы надеемся, что скоро появится и у тебя возможность нас посетить...

На другой день была запланирована большая прогулка. Начали с Летнего сада, продолжили в Михайловском замке, затем, витиеватыми разворотами ближе к Литейному проспекту, мы столкнулись с новым-старым российским названием (результат импортозамещения) — «Столовая»... «Столовые» вновь, и всё чаще, мелькают, вытесняя различные кафе и бистро, так в своё время полюбившиеся молодёжи Петербурга... Хозяин, дербентский здоровенный детина Абдула, радушно нас приветствовал и оказал честь сопроводить к столам и выбрать самое свежее.

Далее сёстры посетили Казанский собор, а на вечер был запланирован торжественный приём в нашем номере в отеле, так как на следующий день гостя из Воронежа должна была покинуть нас...

...Поезд на Воронеж отходил около двух часов дня. Путь на вокзал и к поезду оказался недалог, но прощание чуть

затянулось, так как сёстрам неожиданно вспомнилось недосказанное, родственное... Наконец поезд медленно отошёл от перрона, и мы, постояв некоторое время, послали вслед самые добрые пожелания.

А назавтра мы уже улетали домой, в Берлин. Мы не ждали и не гадали, что придётся вскоре уже через три месяца снова оказаться по делам в Петербурге, но это уже другой рассказ и по другому поводу. Каждый наш приезд не похож на другой, но только город почти не меняется.

Берлинская бессонница

Несмотря на коллизии уже прочитанных десяти страниц пятой главы блестяще написанной книги «Тайная история» Донны Тартт, сон упорно не приходил. Я несколько раз менял части света, ворочаясь и вздыхая... Я ворочался сбоку на бок, закрывал глаза и пытался продолжить уже озвученные картинки приключений великолепной студенческой шестёрки, обитающей в кампусе Хемпдэн, но увы...

Где-то далеко под Флоренцией родные мне внуки и правнуки во главе с бабушкой Таней, к ним уехавшей на неделю, давно пересказали события дня и ожидаемые планы и посыпают во сне. И только я в глухом берлинском отдалении никак не могу заснуть, представляя завтрашний нелёгкий день. Досада переполняет меня, но ничего не могу сделать. «Как же я буду завтра ходить в растрёпанных чувствах и с тяжёлой головой, если не восстанавливаю силы?».

А ведь бессонница только изредка посещала меня, и я считал, что с нею покончено. Уже здесь, в Берлине, если не начинался ранний рабочий день, я всё равно вскакивал после шести, несмотря на то, что с трудом засыпал к часу ночи. Даже усталый и разбитый, после неожиданных переходов в буднях, я лежал порой с открытыми глазами. Нечасто любовная радостная сцена обладания женским телом решала проблему, связанную со сном. Радость, возбуждение, ласки и оргазм дарили несказанное блаженство... И всё равно я не сразу засыпал. Я слышал, как дыхание любимой постепенно становится ровным, медленным, сонным, полезно удовлетворённым.

Не доходя до такого же состояния, я выбирался из постели, уходил сначала в ванную, а потом в большую комнату, с ощущениями явного нежелания утихомирить свой нрав, и намерение что-то изобразить на бумаге, подумать, включить неслышно, без звука телевизор приходило ко мне, завернутому в тёплое одеяло. Всего через несколько минут — и уж не более чем через полчаса — постель звала меня.

Эта ненормальность, часто повторяющаяся именно в начале яркой весенней поры, отравляла жизнь, заставляя уже к четырём часам дня клевать носом, терять полную работоспособность и желание листать фейсбук или даже переворачивать картёжный спайдер, добиваясь полного расклада. Вот такая нерядовость терзала меня. То, что отрадно другим — задёрнуть шторы, промурлыкать себе под нос, красочно зевнуть, взбить подушку и упасть в объятия Морфея, поцеловать любимую и пожелать ей доброй ночи — давалось мне только отчасти. Применение всяких разных советов из маминых рассказов, порой с использованием снотворного, действует с большим успехом только днём.

Друг мой Борис, по профессии близкий к фармацевтам и вегетарианской еде, советчик по всем житейским вопросам, предупреждал: «...Вспомни сцену, с которой начинались твои трудности со сном, и поищи рядом с ней или вокруг неё событие — ты тогда найдёшь причину и исключишь её...» Я отвечал ему: «Ты, наверное, прав, но это всё непросто, ибо чёткое видение ситуации не приходит, и можно сказать, что каждый раз она различна...» Однако, внемля его совету, я попытался сделать какой-то отсчёт от начала, но не нашёл конкретики. Возможно, это застигло меня в момент пережитого стресса или обструкции; возможно, видение чего-то страшно пережитого, типа Апокалипсиса на экране (этими фактами кино богато, равно как и звёздными войнами, но я помню, что не смотрел подобные блокбастеры, разве что эпизоды); чей-то неожиданный уход из жизни тоже меня ныне не преследует (родители покинули этот мир давно, ещё в прошлом веке); боязнь и страх за жизни дочери и внуков ещё не тяготят и не напрягают; ожидание скрытой пока угрозы, связанной с собственным здоровьем, или какого-то невероятного стечения обстоятельств тоже не терзает...

Словом, вопрос остался незакрытым, и только ожидание майских тёплых дней и смена климата, как и распорядка, может изменить, приободрить, и добрые предначертания в любовных эпизодах дадут иной ход событиям, связанным со сном и сновидениями. Всё встанет на свои места.

И всё же что-то тревожит меня, отдаваясь не абсолютно нормальному состоянию души. Какая-то опасность будоражит воображение, не дающее долго уснуть. Иногда всё вокруг меня было необычно. Или, казалось, скорее так. Я видел себя со стороны голым. Изгнанным. Одиноким. Беспомощным и уязвимым. Неизвестность тревожила и вшивалась мелкими комариными укусами. Невозможность заслонить это видами морских круизов и островных курортов.

Неожиданно выплывали дурацкие сцены: Германия уже не та, какой была в конце прошлого века. Что-то поломалось в этом бюргерстве. Исчезла форма личной ответственности. Во всех вопросах проявляется черта халатности, «абы как». На примере Берлина заметен ужасный долгострой: библиотека, аэропорт, метро и так далее. Как начало, вспоминаются двухлетние разборки старого Дворца конгрессов ГДР напротив Домского собора.

И почему такие феномены сопровождают меня весной и в зимнюю бесснежную пору? Как приручить такую неизвестность? Как избавиться от них, спрятавшись за смелыми еврейскими анекдотами? Как влюбиться в кого-то на расстоянии, вознамеренно получая хотя бы креативную влюблённость?..

Мой сон — это какие-то мгновения между переходами из одного состояния в другое? Это какие-то встречи и недоразумения? Это какие-то дуэли и драки, из которых я вылетаю, ощущая крылья, и уверенно нахожу посадочную площадку? Мой сон — это как крупица жизни между бытием и небытием, из прошлого и завтрашнего...

Теперь я почти закончил свой последний большой опус с вкраплениями эротики, претендующий на своеобразный роман с путешествиями по тем странам, которые могут оказаться в новом времени достаточно продвинутыми с развитой экономикой и наукой. Мне продолжает будоражить воображение наша новая

жизнь, прелести которой уже не суждено будет ощутить всем своим существом, но представить это всё более чем возможно. Китайцы делают поразительные успехи в максимизации совершенно нового отношения к жизни и быту. Мы живём в интересное время. За каждым углом и стенкой нас ждут открытия и усовершенствования жизни. Китай, который построил города, в которых пока никто не живёт, за сорок пять дней выстраивает отель или 35-этажный дом. Это ли не предмет реформаций и революций во многих сторонах жизни здесь, в Германии, и малоэтажном Берлине в особенности, только что отходящем от мертвого сна *Bauhaus*-а?

Сны и сновидения, тяжело приходящие где-то в районе середины ночи, к счастью, к восьми утра уже не представляют никакой ценности и медленно рассеиваются, оставляя микрофрагмент чего-то яркого. А сам мир во всей своей мощи от Новой Зеландии до Бразилии через Европу и Азию развивается многосторонней жизнью на страницах и в кадрах увиденного и прочитанного. Кружится голова. И везде правит любовь. От римских гладиаторов до железного Бисмарка, от японского императора до басков, создающих с любовью новые города и посёлки.

Мои сны, наступающие после бессонницы, вписываются в пространство между абсурдными событиями, рождениями и смертью людей, близких и далёких. Разлука. Когда неожиданно покидаешь Берлин, на третий день становится невыносимо твоё существование вне его улиц, площадей и парков.

Тишина и пустота. Не может остановиться время, остановиться жизнь, умереть любовь. И это тоже влетает в сны после бессонных или полусонных ночей в одиночестве, после прочитанного, увиденного, осмысленного. Липкий страх. Во рту пересохло. Я кричу во сне, называя чьи-то имена, как правило из прошлого: «Мама Клара?! Ляночка?!» — И вдруг ту, что рядом со мной: «Танечка???»

Я вздрагиваю. Я хочу проснуться, но не могу, и ворочаюсь, меняя картинку сна.

Ночь создаёт многое. Вселяет радость на целый день. Дарит предчувствие вечности. **¶**

Дарья Бенерт

Литература в поисках себя

К вопросу о межкультурной литературе

«Межкультурная литература»¹ — спорный термин, над которым ломают головы не только литературоведы, но зачастую и сами авторы. Если для первых проблема состоит в сложности классификации и согласовании единой терминологии, то для вторых это вопрос самоопределения и творческого ориентирования. «Литература русского зарубежья», «литература изгнания», «эмигрантская литература» — в дополнение к этим классическим понятиям за последние пятнадцать лет в литературоведение пришли концепции «мультикультурной литературы», «новой мировой литературы»², «литературы в движении»³, «гибридной литературы» и многие другие попытки описать новейшую литературную динамику.

Какова она, эта новейшая литературная динамика межкультурной литературы, и чем отличается она от динамики «эмигрантской литературы» прошлого века или национальной литературы, примкнуть к которой мечтают многие русскоязычные авторы за рубежом? Как бы ни разнились подходы литературоведов к изучению межкультурной литературы, выделить общие тенденции не составляет труда: творчество авторов, пишущих в контексте двух и более культур, стремительно развивается в противовес национальной, «канонической» литературе. В то время как национальная литература предполагает творчество в рамках единого языка, культурного контекста и определённых географических и геопо-

¹ *Interkulturelle Literatur*

² Sturm-Trigonakis, Elke. *Global playing in der Literatur: ein Versuch über die Neue Weltliteratur*. Würzburg: Königshausen & Neumann; 2007

³ Ette, Ottmar. *Literatur in Bewegung: Raum und Dynamik grenzüberschreitenden Schreibens in Europa und Amerika*. Weilerswist: Velbrück Wiss.; 2001

литических сфер влияния, «межкультурная литература» сама генерирует своё (меж)культурное и (меж)языковое пространство, на ходу создавая критерии для самоопределения. Национальная литература, построенная на иерархии родного языка, народности, территориальной принадлежности, до недавнего времени вытесняла произведения межкультурных авторов на периферию. Однако можно с уверенностью заявить, что эта ярко выраженная асимметричность начинает сходиться на нет, и обусловлено это, в первую очередь, феноменами нашего времени — глобализацией, стремительным развитием технологий, помогающих если не стереть границы между территориями, культурами и временем, то, как минимум, максимально ускорить их пересечение. Миграция (которая представляет собой явление, уходящее корнями в глубокую древность) и, особенно, сопровождающая её мотивация, также играют важнейшую роль при симметрировании национальной и межкультурной литератур.

Если политически мотивированная эмиграция, зачастую предполагавшая необратимый разрыв с родиной, не помешала авторам двадцатого века продолжать не только сопоставлять себя с русской культурой и литературой, но и стать одной из её важнейших составляющих, то в случае с литературой современных авторов, нередко эмигрировавших по доброй воле, дело обстоит значительно сложнее. Кто мы и для кого мы пишем? Кто те люди, которым бы стало интересно нас читать? Где наше литературное «пристанище», тот конечный пункт назначения, где талантливые тексты найдут своё признание? Авторам, живущим и пишущим между двух и более культур, зачастую не представляется возможным дать однозначные ответы на эти вопросы. Однако ответы могут дать их тексты.

Читая тексты русскоязычных авторов, живущих в Берлине и других немецких городах, можно выявить несколько тенденций, указывающих на становление новой литературной идентичности и развитие жанра межкультурной литературы. Первая из них — внедрение жанра путевого очерка. Рассказы о путешествиях, переездах и возвращениях, мотивы движения и пересечения границ как территориальных, так и «духовных», мотивы смены и постоянного обновления культурных кодов

— всё это стало неотъемлемой частью поэтики межкультурной литературы. Примечательно, что мотив движения присутствует не только на территориальном, но и на психологическом уровне. Поэтика межкультурных текстов пронизана так называемой внутренней динамикой, динамикой постоянного движения души между культурами и языками, динамикой многогранного межкультурного перевода в широком смысле слова. Именно эта поэтика неустанного внутреннего движения определяет межкультурную литературу и отличает её от любых других нерархических литературных направлений. И, несмотря на высокую степень психологической сложности, поэтика движения и внутренней межкультурной динамики обладает огромным художественным потенциалом.

Вторая, не менее важная тенденция межкультурной литературы, это многоязычность. Под многоязычностью понимается не только смешение двух и более языков в одном тексте, но и одиночные вкрапления заимствованных слов, переключение языковых кодов, интерференции любого рода, а также любые мультязыковые приёмы, использующиеся как средство художественной выразительности. Текст, полностью написанный на русском языке с единичным использованием иностранных, пусть даже транслитерированных слов, может трактоваться как многоязычный, если использование этих слов было предусмотрено автором как стратегический приём.

Третья тенденция межкультурной литературы — обращение к региональной и локальной тематике. В центр литературного творчества встают мотивы малых территорий, например, отдельных районов или конкретных городов. В противовес как национальной, так и эмигрантской литературе, которую определяет национальный дискурс, межкультурная литература выводит на первый план собственную зону влияния — небольшие локальные пространства, как популярные, так и малоизвестные. Наиболее наглядным примером регионально-локальной тематики русскоязычных авторов Германии может стать образ города Берлина, который стал самостоятельным литературным топосом. Немалую популярность набирают и образы отдельных берлинских районов с их локальной жизнью

и бытовыми особенностями. Красочно и узнаваемо предстают перед читателем пейзажи осеннего Пренцлауэрберга или вечернего Марцана. Образы малых территорий постепенно возводятся в статус топосов, не только в противовес топосам общезвестным и национальным, но в поддержку того территориального, культурного и языкового пространства, в рамках которого творит автор и на которое он влияет.

И, наконец, последняя тенденция, объединяющая тексты межкультурной литературы вообще и русскоязычных авторов Германии в частности, это образ так называемого «мира между миров». Независимо от страны происхождения, родная культура накладывается на добровольно приобретённую немецкую культуру, синтезируя новый «между-мир»⁴. В отличие от эмигрантской литературы, тексты которой зачастую или просто описывают сам процесс интеграции, или же становятся частью национальной литературы, примыкая к национальному дискурсу, межкультурная литература делает шаг вперёд: она объявляет «между-мир» своим единственным реальным миром, своим полноценным культурным пространством. Любопытно, что манифестация такого полноценного межкультурного пространства является своевременной, но не революционной — концепция так называемой «мировой литературы» сверхнационального, космополитического характера восходит к идеям Гёте. В некотором роде межкультурная литература всего лишь реанимирует концепцию Гёте, применяя её к современной реальности, ведь сегодня наш мир стал тесен, как никогда. Признавая утопичность идеи общей мировой литературы, нельзя отрицать актуальность её идей для развития литературы современной, которая вынуждена идти в ногу со временем и соответствовать темпу общего развития человечества.

Кроме необходимости привести тексты межкультурной литературы к общему знаменателю, ей необходимо отвести место в истории литературы, что на сегодняшний день представляет собой дилемму. История литературы, выстраивающаяся линейно и классифицирующая тексты по национальному, языковому

---

⁴ Ette, Ottmar. ZwischenWeltenSchreiben: Literaturen ohne festen Wohnsitz. Berlin: Kadmos; 2005

и территориальному признакам, не может вместить в себя тексты «малых» или мультиязычных территорий и культур, оставляя за ними право называться всего лишь «гибридными». Тексты, не соответствующие единой культурной идентичности и культурной памяти, остаются за бортом истории литературы, что позволяет усомниться если не в самой её обоснованности, то, как минимум, в правильности её изучения. Однако если мы начнём рассматривать историю литературы под новым углом, а именно как историю транснациональных «переплетений»⁵, нам откроется возможность не только по достоинству оценить тексты межкультурной литературы, но и во многом изменить взгляд на историческое прошлое литературы, её главные действующие лица и взаимодействие культур.

Итак, главное отличие и преимущество межкультурной литературы перед эмигрантской литературой составляет возможность её потенциальной автономии от сугубо национального дискурса и любых литературных течений, её свобода для создания новой полноценной культуры и группирования текстов не по сугубо национальному, территориальному или языковому признаку, а по убедительности художественного отображения этого нового культурного пространства. Не исключено, что, перешагнув через классификацию по национальным, территориальным и языковым признакам, межкультурная литература выявит собственные новые критерии, предположить которые можно будет только при наличии ещё большего количества удачных текстов. Возможно ли рождение новой полноценной культуры из межкультурного опыта? Не останется ли наше межкультурное пространство всего лишь субкультурой, обречённой или быть незначительным придатком национальной литературы, или быть полностью забытой? Как бы то ни было, на сегодняшний день, пока межкультурная литература ещё не завершила своё становление как жанр, важнейшей её задачей остаётся высокий литературный стандарт.

---

⁵ Werberger, Annette. Überlegungen zu einer Literaturgeschichte als Verflechtungsgeschichte. In: Kulturen in Bewegung: Beiträge zur Theorie und Praxis der Transkulturalität, Bielefeld: Transcript Verlag; 2012.

В то время как эмигрантская литература отличается узким кругом читателей и ещё более узким (и довольно наскучившим) спектром тем, межкультурная литература даёт возможность выйти за рамки общепринятых законов жанра и найти новых читателей исключительно за счёт таланта, новизны, прозорливости и даже некоторой дерзости. Рассказам об ассимиляции, тяжёлой жизни на чужбине, автобиографическим очеркам и другим текстам эмигрантской литературы, безусловно, нужно отдать должное. В особенности это касается представителей классической эмигрантской литературы, сумевших если не создать новое культурное пространство, то хотя бы достойно отстоять существующее. Однако общая масса таких текстов часто остаётся на уровне записей дневникового характера, не говоря уже о том, что для второго и третьего поколения эмигрантов (которые себя таковыми не ощущают) темы интеграции и ассимиляции давно изжили себя. Быть может, это не литература наша прокладывает себе новый путь, а мы сами до сих пор не можем найти свою литературу? Возможно, вместо того, чтобы задавать себе извечные и порядком надоевшие вопросы о самоидентификации, стоит задать только один вопрос: «Какая литература нам нужна»? Нам — не тем, кто мыслит старыми категориями, нам — кто сделал «между-мир» своим полноценным миром, кто, наперекор пословице, удобно разместился на двух стульях, да и в принципе перестал эти стулья замечать. Нам, кому можно свободно выбирать между языками. Нам, кому нет нужды писать, чтобы облегчить душу, нам — кто пишет ради торжества красоты. «Какая литература нам нужна?» Каждый автор, желающий быть прочитанным за пределами своей русскоговорящей диаспоры, должен ответить себе на этот вопрос. **❧**

Юрий Шейман

Пространство и время в немецкой и русской языковых картинах мира

Физическая реальность может не совпадать со своим отражением в ментальной картине мира. Так, житель Западного Берлина во времена холодной войны локально чувствовал себя ближе к ФРГ, чем к Польше, хотя фактическое расстояние до границы ФРГ было в два раза больше, чем до границы Польши. Объединяющим началом при восприятии объектов для человека выступает их культурное и языковое родство. Не случайно некоторые этимологические словари подчёркивают связь слов *Deutsch*, *deutlich*, *Bedeutung* («немецкий язык», «отчётливо», «значение»). На это есть указание и в «Словаре немецкого языка» братьев Гримм. *Deuten* значит «переводить, толковать, делать что-либо понятным, понятным народу», переводить на немецкий язык — *verdeutschern*. (Слово *teutsch* (*Deutsch*) является латинским новообразованием на основе германского слова «народ» (*thioda*, *thiodisk*) — оно обозначало язык народа, который не разговаривал на латыни.) Получается, что *Deutsch* — это то, что понятно, ясно германскому народу. В параллель укажем, что для русских, в свою очередь, немец — это «немой», то есть тот, кто не может говорить, во всяком случае, по-русски.

Уже соотношение внутренних образов, заключённых в словах «пространство» и *Raum*, содержит в себе зачаток различия. *Пространство* — *простор*, нечто простирающееся, безграничное, понимаемое как расстояние, вместе с тем унылое, однообразное, но манящее. *Raum*, переводимое как *пространство*, — не то чтобы нечто, обязательно ограниченное рамками, но возделываемое, освобождённое от лишнего, например, поле — участок, очищенный от леса. *Räumen* — «убирать», *Raum* — «помещение», «пустое место», «вместилище». Русское «пространство» открыто, оно лишено преград, обладает способностью расширения, развертывания, оно немислимо в отрыве от своего естественного

заполнения, немецкое пространство подлежит обустройству. Образ русского «пространства» — «дорога», образ немецкого Raum — «поле» и «дом».

Немцы чрезвычайно чувствительны к понятиям «горизонталь», «вертикаль», «граница», «предел». (Интересно, что по-русски «на столе», «на стене», «на потолке» используют предлог «на» независимо от того, на горизонтальной или вертикальной поверхности нечто находится, в горизонтальном или вертикальном положении. Учитывается только отношение к плоскости — «на поверхности чего-то», а не положение в пространстве. По-немецки же надо сказать: *auf dem Tisch* (на столе), *an der Wand* (на стене), *an der Decke* (на потолке); *an die Wand* (на стену), *auf den Tisch* (на стол), *an die Kasse* (в кассу) — в зависимости именно от пространственной ориентации объекта или направления действия в сторону вертикальной или горизонтальной поверхности. Предлог *an* обозначает также внешнюю крайнюю линию (*ans Meer* — «на море», *an die Grenze* — «на границу», *an der Front* — «на фронте»). Нетрудно догадаться, что немцы более щепетильны в различении нахождения непосредственно на границе или рядом с ней.)

В древности сложились понятия: «место», занимаемое определённым телом, и «протяжённость» — то есть расстояние между предметами. Это и было своеобразно структурированное пространство, которому противостоял хаос. В древнегерманской модели мира исключительно важное место занимала тема круга, которая отражена в первобытном искусстве, мифах, ритуалах, языке. Идея круга отразилась и в номинации пространства. Об этом свидетельствует наименование вселенной в древневерхне-немецком языке — *unoraltring*, *unerltring* — «круг вокруг», «мир», и структуры поселений: *Rundburg* — «круглая крепость», *Runddorf* — «круглая деревня». Круг очерчивал границы ойкумены, и именно внутри него и существовало пространство — *Raum*.

В русском языке пространство — это разбегающаяся во все стороны равнина, плоскость; вертикаль — тоже плоскость, только «ставшая на дыбы», в этом смысле «высь» и «даль» по-русски практически синонимы. В отличие от немецкого замкнутого пространства (*Raum*) русский простор, по определению, не может иметь границ. Русское пространство экстенсивно, а русским свойственна культурная и политическая клаустрофобия.

Русское сознание не работает над пространством, об этом свидетельствует тот факт, что существует только одно производное от «пространства» слово — прилагательное «пространственный». Русское пространство так и не развилось в космос, во-первых, потому что, видимо, русское пространство плоское, а не объемное, а, во-вторых, потому что оно, скорее, хаос, чем космос. Понятно, что в хаотическом пространстве основными ориентирами являются объекты. Они как бы и являются пространствообразующими факторами, тогда как в немецком Raum — месте, очищенном от объектов, — пространство выступает как вместилище, поле деятельности человека. Уже говорилось, что образ русского пространства — это дорога, но ещё лучше отвечает ему образ *бездорожья*. Интересно в этом смысле русское понятие «добираться», не имеющее аналога в немецком языке, потому что «добираться» — это именно *с трудом (!) достигать места* — чисто русский феномен в хаотическом русском мире, способном то растягиваться, то сужаться, то закручиваться в спираль, где возможны всякие чудеса и неожиданные встречи:

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы. Что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Время в отличие от пространства недоступно для наших органов чувств. Поэтому естественно, что для обозначения времени используются пространственные аналогии. В немецком языке есть слово *Zeitraum* — «пространство времени», в русском нет такого слова (в русском языке вообще не очень много существительных с корнем «время» («временщик, современник, времяисчисление, времянка, времяпрепровождение»); в то же время в немецком словаре с корнем *Zeit* — не менее девяноста слов). Вообще аналогия с пространством довольно-таки условна, ведь пространство трёхмерно, а время обладает лишь одним измерением. Пространственный параметр длины переносится на течение времени. Расстояние между двумя моментами времени уподобляется кратчайшему расстоянию между двумя точками — прямой. Время линейно и необратимо. В этом смысле

оно подобно течению реки или речи, которое тоже линейно и необратимо. В русском языке есть выражения «на протяжении определённого времени», «временной промежуток», тоже указывающие на аналогию с пространством. Термины времени лежат в основе абстрактного мышления. Идея логического вывода подсказана временной последовательностью событий. Вместе с тем человеческая деятельность стремится преодолеть время.

Для описания времени используются не только образы пространства, но и термины движения, как и вообще деятельности, термины измерения, а также метафоры внутренних, субъективных состояний человека. Время *движется, летит, стоит, растягивается, подходит*, даже *работает* на кого-то или против кого-то. «Пора» связано этимологически с «переть». Время может быть *злым* или *добрым, приятным* или *тягомотным*. Время *убивает*, как Кронос, своих детей, оно *не щадит* никого и ничего, но и его *убивают, тратят, теряют*, его можно *ценить, измерять*, на него равняются, с его помощью ориентируются в событиях.

Каждая культура имеет свой язык времени. Но мы зачастую считаем само собой разумеющимся, что наша система времени универсальна и всем понятна, и переносим её на другие культуры. Это, увы, далеко не так.

Многочисленные производные от слова *Zeit* в немецком языке объясняются не только особенностями немецкого словообразования, но и особой ценностью времени для немецкой нации. У русских отношение ко времени в значительной степени другое — с одной стороны, более пренебрежительное, а, с другой, окрашенное в фаталистические тона.

В мифопоэтических представлениях древних германцев присутствовала идея единства пространства и времени, получившая уже в XX в. развитие в теории относительности. Так, *Anfang* (начало) и *Ende* (конец), *lange* (долгий) и *Abstand* (интервал) одинаково применимы и к пространству, и ко времени, *Stunde* (час) восходит к *stehen* (стоять). Слово *Frist* (срок) связано этимологически с *vor* (перед), то есть обозначает «предстоящий», в слове *Tempel* (храм, освящённое место), пришедшем из латыни, присутствует корень *temp*, указывающий на временной аспект движения.

Космос выглядит, как шар (его проекция — круг, кольцо), эти образы легли в основу представлений о пространстве и времени (одна из немецких поговорок: *die Zeit dreht sich im Kreise*; время движется по кругу). Прошлое представлялось не сзади, а спереди (предки они же вперёд нас жили, получается такая шпеленга поколений, где старшие шествуют перед нами, а младшие — позади, «*предыдущий*», «*предшествующий*» — тот, что *перед*, *прежний* опять же *передний*, но на это накладывается более позднее представление о будущем как о том, что впереди. Думать наперед — думать о будущем. Вместе с тем «*заднее число*» не всегда понимается как прошлое, в некоторых текстах, напротив, под задним числом подразумевается будущая дата.

Большой интерес представляет сходство, но ещё больше различие русской и немецкой фразеологии. Недаром же говорится: «Что русскому хорошо, то немцу — смерть». Русская фразеология построена по диалогическому, полемическому, можно даже сказать, диалектическому принципу. Почти к каждому высказыванию можно подобрать «противовысказывание». Русский дух не терпит однозначности и категоричности. Немецкий менталитет более монологичен, монолитен, хотя и не лишён известных противоречий, объяснимых наслоением разных времён и исторических обстоятельств. Для немца не может быть никаких сомнений, что: *Besser eine Stunde zu früh als eine Minute zu spät* (лучше на час раньше, чем опоздать на минуту), *Zeit ist Geld* (время — деньги), *Verlorene Zeit kommt niemals mehr* (потерянное время никогда не вернётся), *Zeit vertan, Geld vertan* (потерял время — потерял деньги), *Man muss seine Zeit auskaufen* (нужно дорожить своим временем).

У русских есть тоже подобные выражения: «Время — деньги», «Делу время, потехе час», «Время не ждёт» и тому подобные. Но наряду с этим есть и такое: «У Бога дней много», «Время дороже денег», «Обещанного три года ждут», «Деньги пропали — наживёшь, время пропало — не вернёшь». С одной стороны: «Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня», с другой: «Тише едешь — дальше будешь». С одной стороны: «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт», с другой: «Поспешишь — людей насмешишь». Это свойство русского сознания создаёт прекрасную почву для русского юмора, особой парадоксальной

русской смеховой культуры и даже «пофигистского» или — по-современному — постмодернистски амбивалентного отношения к действительности. Но в то же время, если это свойство не осознается носителями языка, оно может создавать определённый психозфренический контекст, когда в одной и той же голове спокойно уживаются два противоположных архетипа (например: «Человек человеку друг» и «Человек человеку волк»), а нужное всплывает в зависимости от обстановки. Немецкая последовательность не всегда переваривается русским человеком. Зато русским неотрефлексированным массовым сознанием проще манипулировать.

Грамматическая категория времени немецких глаголов в отличие от русских выражает два типа отношений: абсолютное время, то есть отношение момента действия к моменту речи, и относительное время, то есть отношение момента одного действия к моменту другого действия. Вместе с тем в русском языке лучше и тоньше, чем в немецком, развита способность выражать различные способы, характер протекания и фазы глагольного действия. Возьмём, например, такие слова, как «разболеться», «разлениться», «разбुшеваться», «разговориться», «разболтаться». Что они обозначают? Достижение высокой степени какого-то действия в результате постепенного нарастания его интенсивности, вхождение в некое «продвинутое» состояние. Как это можно перевести на немецкий язык? Например, «разболеться» — *ernstlich erkranken* или *für lange krank werden*. Мы чувствуем, что это не совсем то. Во-первых, выражено описательно, а не одним словом, а, во-вторых, по-русски «разболеться» значит «начать сильно болеть» (обозначается начало глубокой стадии болезни), а по-немецки *ernstlich erkranken* — просто «заболеть серьёзной болезнью», а *für lange* — «надолго»).

Возьмём теперь другие характеристики действия. Что такое «разлечься»? В словаре Ожегова это слово определяется так: «Лечь раскинувшись, или свободно, непринуждённо, бесцеремонно». На немецкий это переводится *sich ausstrecken* или *sich ungezwungen hinlegen*. *Sich ausstrecken* явно не отражает всей полноты смысла, а *sich ungezwungen* (непринуждённо) *hinlegen* — более точно соответствует значению русского «разлечься», но это лишь описательное определение того, что по-русски можно сказать

одним словом, а, кроме того, экспрессивного оттенка «бесцеремонно, нахально» тут всё равно нет.

Возьмём русские глаголы типа *погулять*, *поездить*, *пожить*, *поиграть*, *полетать*, *помахать*, *помолчать*, *поработать*. Они обозначают действия, ограниченные временем, которые мы воспринимаем к тому же как не очень серьёзные. На немецкий эти значения можно передать с помощью слов *kurz* (кратко), *ein bißchen* (чутьочку), *ein wenig* (немного) и тому подобными, например, «поработать» — *kurz arbeiten* (работать недолго). Но, как видим, это отражает только временной характер действия, да и то с помощью определения, а оттенок несерьёзности можно передать, только добавив другие подходящие слова.

Нельзя по-немецки иначе как описательно выразить *однократный* характер действия: *глотнуть*, *глянуть*, *двинуть*, *зевнуть*, *качнуться*, *кинуть*, *кольнуть*, *крикнуть*, *ругнуть*, — *свергнуть*, *швырнуть*, *щипнуть*. К тому же в русском языке глаголы типа *мазнуть* или *глянуть* стилистически окрашены. Компоненты «быстро» и «сильно», содержащиеся в значении этого способа действия, содержат идею «грубой силы» и одновременно представляют действие, совершаемое как бы походя, и создают оттенок некоей цинической развязности, нарочитой вульгарности, в особенности в таких разговорных словечках, как *курнуть*, *спекулировать*, *критикнуть*, *общнуться*. Или с ещё более ярко выраженной экспрессивно-разговорной или даже просторечной окраской: *долбануть*, *драпануть*, *сказануть*, *мазануть*, *психануть*, *толкануть*, *трепануть*, *хвастануть*. Все такие глаголы обозначают однократное действие, производимое резко, с силой и грубо, но при этом о нём говорится с некоторой иронией, говорящий к нему относится как бы несерьёзно. Немецкий же язык как более рациональный, но менее экспрессивный не располагает такими средствами выражения характера глагольного действия. Однократность в немецком тексте ясна из контекста, кроме того, идея однократности может быть передана с помощью слов *unerwartet* (неожиданно), *mal* (разок), *einmal* (один раз), *erst* (лишь), *erst dann* (только тогда), *plötzlich* (вдруг), *zufällig* (случайно), *einst* (когда-то)...

В немецком языке имеется некоторое количество глаголов, в самой семантике которых как бы заложена идея многократного действия. Это, например, *wedeln* в значении *обмахивать/*

смахивать; *flattern* в значении *развеваться*, *колыхаться*, *вибрировать*; *betteln* — *нищенствовать*, *попрошайничать*, *выпрашивать*; *trörfeln* — *накrapыватъ*; *grübeln* — *размышлять*, *раздумывать*. Эти глаголы, однако, не образуют пар наподобие русских глаголов (к примеру, *ходить* — *хаживать*, *есть* — *едать*, *быть* — *бывать*, *знать* — *знавать*). Многократность в немецком тексте также видна из контекста и может быть передана с помощью слов *oft* (часто), *manchmal* (иногда), *gewöhnlich* (обычно), *ordnungsgemäß* (по заведённому порядку), *jeden Tag*, *täglich* (ежедневно), *abends* (вечерами); *wieder noch* (снова), *ab und zu* (время от времени), *Tag für Tag* (день за днём), *Sommer und Winter* (летом и зимой), *bei Schnee und Sonnenschein* (при любой погоде), *mehrmals* (неоднократно), *immer wieder* (снова и снова), *dann und wann* (порою, изредка, время от времени), *zuweilen* (иногда, по временам).

Нельзя прямо перевести на немецкий язык слова типа *пританцовывать*, *прикусывать*, *приговаривать* (не в юридическом смысле), *приторговывать* в значении побочного, сопроводительного действия.

Глаголы вроде *перешёптываться*, *перемигиваться* в значении взаимного действия можно передать по-немецки с помощью слов *miteinander* (друг с другом), *einander* (друг другу), *wechseln* (попеременно), *Wechsel* (обмен): *miteinander flüstern* (перешёптываться), *einander zublinkeln* (перемигиваться), *in Briefwechsel stehen* (переписываться).

Увы, отсутствует в немецком языке и способность глаголов обозначать действия, распространённые на все без исключения члены некоего множества, например, *перебелить(все) потолки*, *перебить(всю) посуду*, *перевешать(всех) террористов*.

***

Рациональное отношение немцев ко времени нашло яркое выражение в таком общепризнанном качестве немецкого характера, как пунктуальность.

«Пунктуальность» по-немецки *Pünktlichkeit*, синоним — *Genauigkeit* («точность»). Ответственное отношение ко времени в немецкой культуре является абсолютной ценностью, в то

время как для представителей русской культуры эта ценность является относительной. Немецкая пунктуальность порождена Реформацией, во всяком случае, так считал немецкий мыслитель Макс Вебер. Возможно, в будущем всё изменится и уже меняется. Но согласитесь, стереотипное представление о немецкой пунктуальности пока никуда не делось, и для этого есть основания, в том числе лингвистические. Нарушением пунктуальности для русского человека является, прежде всего, опоздание, т. е. когда кто-то заставляет себя ждать, а также приход в неурочное время, т. е. создание неудобства другим людям. Для немцев нарушением является не только опоздание, но и приход раньше, чем следует, а также приход без приглашения. И это связано прежде всего с внутренней дисциплиной. Русские могут прийти в гости раньше условленного времени и предложить хозяевам свою помощь. У нас есть поговорка «Незванный гость хуже татарина» (оставим в стороне сомнительную политкорректность этой максимы), но всё же нельзя сказать, что приход без приглашения является для носителей русского языкового сознания чем-то уж очень предосудительным. Всё дело в отношении к конкретному человеку и к тому, с чем он пришёл, а не в абстрактном принципе: мол, нельзя являться без приглашения, и точка. Кроме того, понятие «задержаться» как *сознательное* нарушение пунктуальности в соответствии с социальным положением в обществе у немцев, конечно же, отсутствует. Вдумайтесь, немецкое *verhindert sein/werden* (столкнуться с препятствиями) — это апелляция к непреодолимым объективным обстоятельствам, фактически извинение, а русское «задерживаться» — прежде всего статусный знак, регалия. Начальство не опаздывает, а задерживается, и это в порядке вещей. Подчинённым это может нравиться или не нравиться, но они помалкивают. В крайнем случае разразятся гневной тирадой дома или среди своих коллег. О, здесь вся российская метафизика: властная фаллическая вертикаль (идущая ещё от Петровской табели о рангах) и хаотичная, анархическая, киселеобразная горизонталь.

Пунктуальность немцев доходит до учета каждой минуты (*auf die Minute genau*), причём это касается не только времени назначенной встречи, но и всех аспектов планирования. В немецком языке неточность во времени находит языковое выра-

жение в синонимических рядах слов: *Unpünktlichkeit* — *Verspätung* — *Versäumnis* — *Unzeit* (приход не вовремя — опоздание — прогул, просрочка — несвоевременность), но и *vorher*, *zu früh sein*, *verfrüht* (преждевременно) и так далее.

Понятие «рано» в немецком языке значит «не вовремя», «неточно», «некстати». В русском языке неточность во времени не связана с понятием «прийти раньше срока».

Немецкое понятие «поздно» включает в себя, в отличие от русского, значение *am Ende (eines Zeitraums)* (в конце какого-либо периода времени), по-русски «поздно» значит «оставить позади», то есть «прийти, когда уже всё окончилось».

Когда мы рассуждаем о русской непунктуальности, то разумеем, что это вовсе не отсутствие пунктуальности в немецком смысле слова. Русская непунктуальность — это особая культура (или антикультура?), за ней стоит целая философия, своеобразное мировоззрение. Вот, например, чему учит русских детишек мультфильм «Паровозик из Ромашково»: Паровозик из Ромашково никогда не приезжал на станцию вовремя, всегда опаздывал. Это случалось из-за того, что он был слишком чувствителен. Сюжет мультфильма таков, что Паровозик опять прибыл позже расписания, затем он старательно вёз пассажиров, но остановился, чтобы понюхать ландыши, пассажиры были недовольны — ведь они выбились из расписания. Но Паровозик им объяснил, что если они не понюхают сейчас ландыши, то «опоздают на всю весну». Затем все останавливались, чтобы послушать песни соловья, чтобы «не опоздать на всё лето» и посмотреть восход («каждый восход единственный в жизни»), чтобы не опоздать «на всю жизнь». Паровозик из Ромашково прибыл на станцию на три дня позже, но пассажиры остались очень довольны поездкой. Неважно, что поезд опоздал на три дня, важно лишь чувственное восприятие жизни. Этот мультфильм учит детей тому, что не обязательно жить по расписанию. Если любоваться жизнью, она будет прекрасна. Не будем отрицать, в таком романтическом подходе есть свой резон. Но, с другой стороны, есть и «Сказка о потерянном времени» Евгения Шварца, где даётся диаметрально противоположная установка, имеются поговорки вроде «Семеро одного не ждут» и тому подобные. Другими словами, в русской культуре наличествует и

представление (может быть, заимствованное у немцев или ещё у кого-нибудь, а может, и вполне автохтонное, коренное), что опаздывать нехорошо. Это раздвоение сознания, совершенно сумасшедшее, шизофреническое, очень характерно для русской культуры. Русский дискурс противоречив, конфликтен, раздвоен. Жить в нём почти невозможно. Но при желании, если кому нравится, его можно назвать и диалектичным. А русскому человеку, в свою очередь, бывает смертельно скучно в немецком правильном, но одномерном дискурсе.

Русские не любят ждать, и прежде всего потому, что сразу же подозревают, что тот, кого ждут, не придёт вовсе — без всякого предупреждения. Если у немцев кто-то опаздывает, это вызывает беспокойство, не случилось ли чего.

В русской культуре понятие *перерыв* (обед) может затянуться на неопределённое время. Часто можно видеть объявления следующего содержания: «Перерыв 15 минут», «Буду через 10 минут», но при этом не оговаривается точное время, от какого момента надо отсчитывать эти минуты. На железнодорожном вокзале в России можно услышать объявление с точным указанием времени опоздания уже отправленного поезда при полном отсутствии актуальной информации. В немецкой культуре паузы и перерывы в работе очень чётко регламентированы, то есть здесь необходимо чётко знать где, когда и для чего существует перерыв в работе, и в зависимости от этого говорят о *Zwischenpause* (промежуток), *Unterrichtspause* (перемена), *Arbeitspause* (рабочий перерыв), *Mittagspause* (обеденный перерыв), *Tagungspause* (перерыв в заседании), *Tischzeit* (обеденное время), *Unterbrechung* (передышка), *Rauchpause* (перекур).

Понятие *сейчас* в немецкой и русской культурах воспринимается по-разному, хотя и обозначает фактически одно и то же: в сей час, в этот час и *Jetztzeit*. В немецком языковом сознании *сейчас* выражается понятиями *jetzt* и *gleich*. В обыденном общении выражение *Ich komme gleich* будет восприниматься не как русское «Я сейчас приду». Если вы не придёте в самое ближайшее время, ровно через столько, сколько потребуется на дорогу, ваши друзья-немцы будут обеспокоены. У русских же слово «сейчас» ни к чему не обязывает, как говорится: «сейчас — через час».

У русских нечёткое членение суток на периоды. А у немцев всё по часам: в зависимости от их показаний имеем *Vormittag* (утро до полудня), *Nachmittag* (послеобеденное время) и так далее. В русском представлении время в значительной мере определяется тем, что человек делает, то есть оно может сдвигаться в зависимости от заполнения. Если кто-то спит до часу дня, то у него всё ещё утро, гуляет за полночь — всё ещё вечер.

Считается, что Россия больше, чем Германия, ориентирована на прошлое, будущее здесь покрыто туманом и не поддаётся планированию, в русских сказках стандартные выражения: «неведомо когда», «при царе Горохе», «испокон веков», «во время оно» и тому подобное. А у немцев излюбленные фразы подчёркивают ориентацию на будущее: «*Er trägt den Marschallstab im Tornister*» (он носит маршальский жезл в своём ранце), «*unverzagt in die Zukunft blicken*» (мужественно смотреть в будущее), «*eine lichtvolle Zukunft*» (светлое будущее) и подобные.

У немцев слово *Zeit* (время) чаще всего вызывает ассоциацию *Arbeit* (работа). У русских время связано с *судьбой*. Но ведь судьба, в отличие от работы, это что-то независимое от нашей воли, мистическое. Не мы командуем судьбой-временем, а она нами. Отсюда фатализм русских и ответственность немцев в отношении ко времени. Пунктуальность немцев рассматривается ими как гарантия надёжности. Более того, как общество с низкой степенью терпимости к неопределённости, стремящееся максимально обезопасить свое будущее, предотвратить возможные проблемы, оно воспринимает пунктуальность и долгосрочное планирование в качестве способов противодействия непредсказуемости. Время используется в западных культурах для организации жизни и определения приоритетов. Сверхчувствительное отношение ко времени у немцев не отвечает русским представлениям о самодостаточности и фатальности этой стихии: *поживём — увидим; ещё не вечер*. Другой стороной этого является легкомысленное отношение русских ко времени, что находит отражение во всякого рода опозданиях, переносах мероприятий, несоблюдении графиков движения автобусов, поездов и так далее, о чём свидетельствуют и фразеологизмы типа «пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

Представители западной культуры приписывают времени вещественную стоимость (время — деньги), его можно потратить, сэкономить, промотать или потерять. Время овещается, ассоциируется с ценностями, имуществом. Это имущество можно расходовать, но им необходимо дорожить, распоряжаться с умом: *Wer Zeit liebt, vergeudet die Zeit nicht* (кто любит время, не тратит его попусту). Для русских же, поскольку время — это судьба, особый кайф составляет бросать ему вызов, швыряться им, как и вообще нарушать правила — идти на красный цвет, плевать против ветра, стоять под стрелой.

Для немцев пространство и время есть поле деятельности, их следует измерять, стало быть, возделывать, рассчитывая на предсказуемые плоды, здесь нет места произволу и анархии, немцы даже веселятся по сигналу, по расписанию.

Для русских пространство-время есть поле чудес; немцы деловиты, а русские — фаталисты и пофигисты, импровизаторы и беспашашные гуляки.

Недаром русский «авось» вошёл в поговорку. «Авось — России ось», — писал Вяземский, а Пушкин считал это слово «шиболоетом народным», то есть опознавательным знаком России.

Но есть область, где все различия сглаживаются, нейтрализуются. Эта область — юмор, ирония. Способность к рефлексии, готовность посмеяться над другими и над собой уничтожает различия, объединяет, делает всех просто людьми.

Тех, кто опаздывает, задерживает, заставляет себя ждать, русские и немцы называют похоже: *Bummelant* (медлительный человек, лентяй), *D-Zug* (скорый поезд), *matt wie eine Fliege* (как сонная муха), *Mährliese* (копуха), *Nöler* (копуша, флегма), *Schleiche* (черепаха), *Schnecke* (медлительный человек, улитка [черепаха]), *Tranfunzel* (флегма, рохля), *Trödelfritze* (медлительный человек, копуша), *Trödlerin* (копуша), *Lahmfuß* (медлительный), *latschig* (медлительный, нерасторопный) и так далее. К тем, кто излишне строг в выполнении формальных требований, применяются такие определения: *peinlich genau*, *pedantisch* (по-русски «педант», «зануда»). В шутках и анекдотах отражено принятое обращение с понятием пунктуальности. Русские любят смеяться над своей непунктуальностью и пунктуальностью немцев. Например: «Что такое русский, обладающий немецкой пунктуальностью? — Это

человек, который каждый день опаздывает на работу ровно на два часа». У русских есть иронические поговорки «Обещанного три года ждут», «Улита едет, когда-то будет».

Писатель Николай Лесков посмеялся когда-то над «железной волей» немцев, разбившейся о гранит русской безалаберности. В немецкой лингвокультуре как в прошлом, так и в настоящем присутствуют шутки по поводу сверхпунктуальности немцев: *...so wird erzählt, daß ein Maurer, der in den Rhein gefallen war, zu schwimmen aufhörte und ertrank, als die Glocke vom Kirchtum den Feierabend einläutete* (рассказывают, что один каменщик, упавший в Рейн, перестал плавать и утонул, как только церковный колокол возвестил конец рабочего дня). Здесь самоирония немцев по поводу педантичности, которая является нормой в их поведении. Немецкая культура основана на безоговорочном следовании порядку. «Порядок ради порядка», «порядок, несмотря ни на что» — именно это отражено в идее вышеприведённой шутки. Современные детские немецкие анекдоты также порой отражают отношение немцев к педантичности: *Deutsch-Unterricht. Der Lehrer fragt die Schüler: „Ich habe zu Abend gegessen. Was ist das für eine Zeit?“ Darauf eine Schülerin: „Das müsste so zwischen sieben und acht sein...“* (Урок немецкого языка. Учитель спрашивает учеников: «Я ужинал. Что это за время?» Одна школьница: «Это должно быть где-то между семью и восемью часами...»). Учитель не имел в виду точное время, время ужина. Речь шла о времени грамматическом, но немцы, с детства приученные к пунктуальности, думают о временной точности. **Г**

Краткая библиография

1. Черепанова И. А. Пространственно-временной континуум древнегерманской картины мира. Язык и культура, выпуск 3 (2009).
2. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.
3. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., Гнозис, 1994.

Виктория Фирербе

Двуязычная литература для детей: прошлое и настоящее

Многие современники считают двуязычную литературу явлением нашего дня. Возможно, кто-то уточнит, что такие книги появились ещё в веке прошлом, то есть — двадцатом. И уж наверняка лишь литературоведы не согласятся и приведут примеры того, что подобные книги существовали за много столетий до наших дней. «Неужели?» — удивится современный читатель. Однако это действительно так.

Вот один пример. Конечно, это не самая первая двуязычная книга в мире, но она интересна тем, что её адресат — дети. Двуязычное издание на немецком и латыни, о котором идёт речь, вышло в свет в Нюрнберге в 1658 году. Автором книги был Йохан Амос Коменius (*Johann Amos Comenius*), теолог из Моравии. Книга называлась *Orbis sensualium pictus* или *Die sichtbare Welt* (по-русски дословно «Видимый мир»). Она была одной из немногих в те времена учебных книг для подростков. На трёхстах девяти страницах Коменius объяснял мир, начиная с Бога и заканчивая насекомыми. На странице его книги слева шли изображения, а справа стояли объяснения на латыни и на немецком языке. Немецкий текст был написан Зигмундом фон Биркеном (*Sigmund von Birken*), поэтом и писателем из Нюрнберга.

Интересна эта книга и тем, что она стала своего рода первым универсальным учебником тех времён. За счёт двуязычного текста и наличия изображений её применяли как для изучения латыни, так и для изучения немецкого языка. *Die sichtbare Welt* издавали не только в двуязычном варианте, но и даже в полилингвальных вариантах, на четырёх языках: в 1666 году она вышла на латыни, немецком, итальянском и французском языках, а в 1685-м — на латыни, немецком, чешском и даже венгерском, родном языке автора.

В XVIII столетии этой книге не было альтернативы, поэтому она стала настоящим бестселлером среди учебной литературы. Даже Гёте оценил *Die sichtbare Welt* как лучшую школьную книгу. Её издавали даже в России: в 1793 году в Санкт-Петербурге она вышла в свет под названием «Зримая вселенная» на русском, немецком, французском языках, а также на латыни. Эта книга заслужила любовь учителей и учеников того времени и использовалась в преподавании языков до середины XIX века. Это была, конечно, не самая лучшая книга, но лучшая из существовавших в то время¹.

Есть ещё один вид двуязычной литературы или литературы, написанной на двух языках: словари. Да, именно словари — самые древние представители двуязычной литературы. Причём в словарях встречаются оба вида двуязычного текста, а именно параллельный текст, то есть один и тот же текст на двух языках. В словарях это обычно короткий текст — слово и его значение на другом языке, а также текст билингвальный, то есть текст, написанный на двух языках (обычно в объяснениях к слову так приводятся примеры на языке-источнике). Словари — представители просветительской и учебной литературы. Самый ранний из дошедших до нас в России рукописных словарей — азбуковник 1282 года, приложение к Кормчей книге², содержал толкование более ста семидесяти греческих, древнееврейских и церковнославянских слов. А самый первый печатный словарь в России был издан в 1596 году в качестве приложения к грамматике Лаврентия Зизания³. В нём содержалось толкование и перевод 1061 слова со старославянского языка на древнерусский⁴. Хотя,

---

¹ Ilse Ziehensack: Kinder- und Jugendliteratur der zweiter Hälfte des 19. Jahrhunderts aus historischer Sicht (mit Schwerpunkt deutschsprachige österreichisch-ungarische Monarchie). Diplomarbeit an der Universität Wien, Wien 2008, S. 25

² Принятый от константинопольской церкви в православных русской и других славянских церквях сборник правил церкви и государственных к ней относящихся законов

³ Лаврентий Зизаний (50-60-е гг. XVI в. — после 1634 г.) — протоперей, видный ученый, переводчик, «словеснейший дидакал и вития». Преподавал словесные науки во Львовском, Брестском и Виленском братских училищах

⁴ Лекция к. ф. н. Бориса А. Иомдина, старшего сотрудника Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, доцента факультета филологии ВШЭ,

конечно, настоящий бум словарей приходится на середину двадцатого века.

При этом не стоит думать, что двуязычная литература использовалась в прошлые столетия только в учебных или просветительских целях. Вспомним, что все или почти все представители дворянства России и Европы в те времена свободно владели как минимум двумя языками, а иногда и тремя. В России высшее общество говорило на французском, немецком, русском и латыни. В Германии «верхи» общались на немецком, латыни и французском. И в литературе этот факт не прошёл незамеченным. Кто читал «Войну и мир» Льва Толстого, тот помнит, что там встречаются не только отдельные фразы, но и короткие диалоги и даже развёрнутые описания на французском языке. В XIX столетии Толстому и в голову не пришло бы снабдить свой роман сносками с переводом на русский язык. Он писал на двух языках и делал это как само собой разумеющееся. Начиная с советского периода российской истории, книги Толстого получили сноски и переводы, так как большинство населения СССР уже не владело французским ни как вторым, ни как родным языком.

Подобная ситуация сложилась и в Европе с латынью. Европейские историки и писатели прошлых столетий, не задумываясь, использовали латинские цитаты или писали частично на этом языке. К середине прошлого столетия, когда изучение латыни перестало быть нормой среднего образования в Европе, латинские фразы стали сопровождать сносками и переводом.

Ренессанс двуязычного текста в Европе к концу прошлого века связан с бумом изучения иностранных языков, в первую очередь английского. Двуязычный текст опять стал популярен в учебном контексте. Вскоре короткие двуязычные или параллельные тексты стали использовать для изучения всех иностранных языков.

В Германии это были короткие тексты на иностранном языке в оригинале и на родном языке. В основном это были

сборники текстов для взрослых и подростков, изучающих иностранный язык. Ведущим издательством в этом сегменте литературы стало издательство *RECLAM*, которое издаёт серию книг карманного формата *Universal-Bibliothek* («Универсальная библиотека»). Двухязычные книги этого издательства издаются под оранжевой обложкой и выходят на немецком-английском, немецком-французском, немецком-латыни, немецком-русском, а также на других парах языков. *RECLAM* занимается выпуском книг для университетов с 1828 года. В коллекции издательства в основном классические тексты, такие как *Der Mantel*/«Шинель» Гоголя, *Russische Zaubermärchen*/Русские сказки из собрания Александра Афанасьева, *Der Kirchgarten*/«Вишнёвый сад» Чехова и некоторые другие. Двухязычные книги для взрослых выпускает и *DTV (Deutscher Taschenbuch Verlag)*, в его программе тоже классические художественные тексты, например, *Klassische russische Erzählungen*/Классические русские рассказы (Достоевский, Толстой, Гоголь, Пушкин и другие), и современные, например, *Junge russische Literatur*/Молодая русская литература (Александр Иличевский, Александр Снегирёв, Василий Голованов и другие).

Подобного рода книги содержат, как уже упоминалось выше, параллельные тексты одного и того же литературного произведения на языке оригинала и на родном языке. Как правильно читать такие параллельные книги? Советов много. Многие полагают, что, читая такие книги, язык можно выучить интуитивно, как это делают дети-билингвы. Однако это не совсем так. Чтение параллельных текстов на начальном этапе изучения языка не принесёт желаемых результатов, а только усложнит процесс изучения языка. Эксперты не рекомендуют браться за чтение подобных книг слишком рано. Необходимо реально оценить свои силы и выбрать правильный момент для чтения. В идеале читатель должен иметь понятие о грамматической структуре языка, построении предложения, уметь различать части речи, знать предлоги и основные грамматические явления языка. То есть он должен достичь уровня владения иностранным языком *A1* или *A1+* по европейской системе.

Многие предпочитают читать сначала текст на родном языке, а затем на языке оригинала. Зная содержание текста, в таком случае можно быстро уловить нить повествования, а незна-

комые слова не станут большим препятствием. Потом их перевод можно будет посмотреть в тексте на родном языке или в словаре. Это более простой вариант чтения двуязычных текстов. Для тех, кто не боится трудностей и любит работать с языком, больше подойдёт вариант чтения наоборот, то есть начиная с текста оригинала. В этом случае следует начинать с ознакомительного чтения и при этом стараться как можно полнее понять текст, не заглядывая в параллельный текст на родном языке. Это довольно сложно — особенно если не подсматривать параллельный текст. После чтения на обоих языках, можно проанализировать свои успехи — удалось ли понять текст на изучаемом языке, догадаться о значении неизвестных слов, а через день или два перечитать его и проверить себя, что из ранее неизвестного удалось запомнить.

Подобные художественные тексты дают представление не только о литературном языке. В них собраны и типичные разговорные формы, принятые в языке. Большинство оригинальных текстов в таких двуязычных книгах немного адаптированы для иностранного читателя, поэтому они дают возможность запомнить употребление слов в контексте, что, несомненно, пригодится потом и в устной речи. Конечно, чтение параллельных текстов — занятие довольно трудоёмкое, причём оно занимает ещё и много времени, но при любви к иностранным языкам и книгам этот вид деятельности может понравиться и принести пользу. Но, и это тоже важно, чтение параллельных текстов не заменит занятий с преподавателем или активной разговорной практики.

Подходят ли параллельные книги для детей-билингвов, спросит внимательный читатель. Да, но... В этом случае читать их надо совсем по-другому. Давайте разберёмся, что к чему.

С конца XX — начала XXI веков в Германии заговорили о проблемах двуязычия. Многие эксперты стали обращать внимание на тот факт, что дети мигрантов всё-таки говорят на двух языках, причём и родной язык их родителей, и язык окружения у них развиты недостаточно. Эта проблема коснулась не только детей мигрантов из Турции, но и детей переселенцев из бывших республик СССР, то есть русских немцев и других русскоговорящих переселенцев.

В то время пришли к выводу, что в погоне за интеграцией нельзя забывать и язык родителей этих детей, который они слышат дома каждый день. Активно обсуждались разные методы поддержания уравновешенного двуязычия. Их описание выйдет за рамки нашей статьи, поэтому сейчас мы остановимся только на одном из методов поддержания двуязычия детей, а именно — развитии речи с помощью двуязычной литературы.

С 2000-х годов в Германии появились книги для детей на двух языках — с параллельными текстами. Сегодня мы можем разделить детскую двуязычную литературу в Германии на следующие виды:

- литература для самых маленьких — от нуля до трёх лет;
- литература для детей дошкольного возраста — от четырёх до шести лет;
- литература для детей младшего школьного возраста — от семи-восьми до девяти-десяти лет.

Сразу отмечу, что классификация заканчивается на десяти годах, так как самое позднее с девяти-десятилетнего возраста дети хотят читать книги на одном языке, то есть либо на немецком, либо на втором родном языке, конечно, в том случае, что они умеют читать на втором языке.

Литература для самых маленьких представляет собой так называемые «первые книги» — двуязычные словари или книги с картинками и малым количеством текста. В этом возрасте дети больше ориентируются на картинки, которые представляют предметы окружающего их мира. Но начинать читать двуязычные книги надо именно в этом возрасте, чтобы дети слышали каждый из языков, их мелодику, особенности произношения звуков. Дети быстро улавливают разницу в языках.

Читают детям книги, как правило, родители или бабушки с дедушками. Все эксперты рекомендуют читать прежде всего на родном языке. Так, если родной язык — русский, один из партнеров пусть читает ребёнку по-русски, а другой (ту же книгу) — по-немецки. В этом возрасте процесс чтения лучше всего сопровождать рассказами. Внимание ребёнка можно заострять на картинке, рассказывать ему, что там изображено, говорить, что у него дома тоже есть, например, машинка или плюшевый

мишка. Подобные «мосты» в действительность на обоих языках важны для развития речи малыша, они помогут поддерживать его словарные запасы в равновесии.

Для детей с основными языками русским и немецким в Германии можно порекомендовать книги издательств *TALISA* (три книги из серии «Зоя и Тео») и *Retorika* («Мамин подарок» и «Максим говорит на двух языках»).

Основное отличие чтения параллельных книг для детей-билингвов, причём в любом возрасте, в том, что не следует читать текст на двух языках сразу. В отличие от взрослого, изучающего иностранный язык, ребёнок-билингв уже владеет определённым набором языковых навыков, которые помогают ему понять текст на любом из двух языков. Если он что-то не понял, ему нужно объяснить это на языке, на котором вы читали текст. Читать на другом языке лучше всего через день или даже несколько дней. Маленькие дети слушают одну и ту же историю с большим удовольствием по несколько раз, это не представляет ни в возрасте от нуля до трёх, ни в последующие годы никаких проблем. Если вы будете читать ребёнку-билингву один и тот же текст сначала на русском, а потом сразу же на немецком, ребёнок будет слушать одно и то же два раза подряд. Представьте себя на его месте — повторное чтение текста будет и вам неинтересным, очень скоро вы перестанете его слушать, так как вам станет скучно. То же самое происходит и с ребёнком-билингвом. В лингвистике это называют двойным кодированием информации, что не приносит пользы, а только раздражает. Повторное чтение, а именно чтение текста на двух языках один за другим, может вызвать у ребёнка-билингва даже полный отказ от чтения или изучения одного из языков.

Но читать на обоих языках необходимо — просто это надо делать правильно. Только через чтение ребёнок познаёт мир, каким его видят люди, говорящие (пишущие) на этом языке. Ведь уравновешенный билингвизм — это не только знание языка, это знание и понимание культуры, мышления и поведения людей-носителей этого языка.

Двуязычные книги для детей четырёх–шести лет уже содержат более длинные тексты и, конечно, всё так же сопровож-

даются картинками. Здесь можно различить два вида книг. Книги с параллельными текстами на двух языках в классическом виде и книги с картинками, которые отображают отдельные слова, встречающиеся в тексте, своего рода со словариком. Последнего рода книги издаются в издательстве *Editonbi:lingua*, содержание книг — это истории из окружающей ребёнка жизни, к примеру, «У врача», «В супермаркете», «На море» и так далее.

Издательство *Retorika* предлагает билингвальную серию сказок для детей этого возраста, где повествование ведётся на русском и немецком языках поочерёдно. Книги выходят в серии «Почему я такой? *Warum bin ich so?*» Истории о животных предназначены для чтения всей семьёй. Мама и папа читают сказку по очереди, каждый на одном из языков, а ребёнок слушает. Такое чтение называется «семейным», и основано на методе информационной дополнительности языков, по которой активно работают в школах США. Именно во избежание двойного кодирования информации, о котором мы говорили выше, повествование ведётся не параллельно на двух языках, а последовательно: описания на русском, а диалоги — на немецком. Этот метод вот уже двадцать лет используется и в детской, и в подростковой литературе с учебным уклоном. Подобные тексты позволяют читать художественный текст и изучать иностранный язык.

Интересные двуязычные книги для 7/8–9/10-летних детей в Германии предлагают издательство *Editonbi:lingua*, *Retorika* и *Amigitos*. При выборе книг также следует обращать внимание на их оформление. В этом возрасте дети читают сами, поэтому книга должна быть напечатана крупным понятным шрифтом. Книги для 7–8-летних детей должны содержать тексты с короткими предложениями и маленькими абзацами, как, например, в книге «Пока мамы не было дома...» (*Retorika*). Длинные тексты мелким шрифтом не подходят для детей этого возраста, они могут даже испортить детям зрение. *Editonbi:lingua* предлагает несколько историй для 7–8-летних читателей. Для детей постарше подойдут книги издательства *Amigitos*, которые могут читать и подростки, изучающие русский язык как иностранный.

Каким книгам отдать предпочтение? На этот вопрос есть только один ответ: читайте всё! Польза будет от любой книги.

Главное в любом возрасте — развитие словарного запаса на обоих языках, чтобы не было перекоса в одну или другую сторону. Как уже упоминалось выше, билингвы в школьном возрасте очень быстро переходят к чтению книг на каком-то одном языке. Поэтому ключевая задача родителей — сохранить равновесие языков и предоставить детям широкий выбор литературы на обоих языках. Найти книги, интересующие детей на обоих языках, сейчас очень легко.

Остаётся пожелать всем интересного и полезного чтения! **Ю**

Евдокия Лапина

Герой в предлагаемых обстоятельствах

*Mitja Vachedin. Engel sprechen Russisch.
Roman.*

Random House Verlag, 2017. ISBN: 978-3-421-04776-2

Журналист, сценарист и писатель Дмитрий или *Mitja*, как он назвал себя для немецкого читателя, Вачедин выпустил свою вторую книгу, и на этот раз она написана по-немецки.

«Ангелы говорят по-русски» — это небольшой роман, написанный дробно, маленькими главками-рассказами, последовательность которых вначале строится по хронологии — советское детство, переходные 90-е, эмиграция в Германию — а затем, сделав петлю и вернувшись в русское детство автора, безжалостно разрушает надежды читателя на добротный-линейный нарратив и оставляет его в нервном состоянии поиска сюжета и, в конечном итоге, жанра. Хитрый трюк автора или ненамеренное запутывание следов, но эффект налицо: книга листается назад, главы просматриваются и прочитываются ещё раз, всплывают неувиденные в первый раз метафоры. Сюжет, однако, и правда отсутствует. Или всё же?..

Удивительная история, по отдельности все главы имеют четкую структуру: завязка, развитие, завершение, всё как у Аристотеля, где-то видно влияние питерского полуфольклорного гения Довлатова, где-то автор сам ссылается на «Записки охотника» Тургенева — достопочтенная традиция русского рассказа или новеллы, анекдота из жизни внешне читается безусловно. Да и в целом структура задана в предисловии: жизнь моя, бесхитростно говорит автор, подобна трёхцветной зубной пасте, вот один слой, вот второй, вот третий. Детство, отрочество, юность — привет Льву Николаичу, всё просто и понятно. И

тут же складывает фигу в кармане: ежели кто ждёт финала в понимании классической литературы, то есть какого-то итога, не обязательно сюжетного, но уж точно морально-этического — то ждать будет до дождичка в четверг, до последней страницы — и не дожждётся.

Вот тут становится понятно, что Вачедин в гораздо большей степени европейский автор, чем русский. В конце концов, писать он учился в Германии, в совершенно другом культурном контексте, в котором внутренняя жизнь героя никак не зависит от поворотов его судьбы, какими бы крутыми они ни были. Почти каждая глава представляет собой доведённую до абсурда ситуацию: дети, плывущие на лодке за бананами, выброшенными каким-то чудом на островок в Финском заливе, и дерущиеся за них на пустынном берегу со скинхедами; учитель немецкого для детей-переселенцев, который приезжает к ним с водкой и потом, пьяный, везёт их на машине на дискотеку, машина в кювете, подростки в чьей-то рвоте застыли, как шпроты в консервной банке; почти настоящий Дед Мороз с той же водкой в зимнем лесу, куда рассказчика отправили за лапником к похоронам бабушки, и их бой с танками; великолепная в своей кинематографичности сцена арктической экспедиции маленького героя с мамой через вьюгу за немецкой гуманитарной помощью в безлюдном, безвременном нигде, локомотив, на который они забираются за своими пакетами с поношенной одеждой, несётся через снег и тьму, гражданская война, доктор Живаго, апофеоз русского абсурда. Герой всякий раз один, вокруг него пустота, нереальность каждой ситуации только подчёркивает его подвешенность, его экзистенциальное одиночество, его неприкаянность и неукоренённость в реальности. Другое дело, что всё, что автор пишет о нашей жизни в 80–90-х годах — правда, именно такой и была наша безумная жизнь тогда, нелепая, абсурдная и несущаяся таким темпом, что привыкнуть и разобраться в ней не успевал никто. Но эта книга написана для европейского читателя. А для него за неправдоподобностью происходящего нарратив в каждой главе будет уходить из области реалистического в область мистического, а центральной темой будет психологическое состояние героя,

моментальная зарисовка его настроения, запахов, которые он ощущает, звуков, которые он слышит — всего, что не подчиняется классической сюжетной схеме, но привычно и понятно современной европейской литературе.

Странно читать по-немецки эту книгу современника, соотечественника и земляка о нашем детстве, о наших заботах и развлечениях, о запахе акации в деревне, о балтийском море, на котором стоит наш вымороченный, вне времени и истории, прекрасный и депрессивный город. Город не для людей, город-сам-по-себе. Это для немецкого читателя тут нет сюжета в плане аристотелевских начала, середины и конца, а есть психологический портрет автора в невероятных артхаусных декорациях. Для русского читателя информативнее и ценнее как раз декорации, эти объёмные, осязаемые анекдоты и питерские мифы, эта злая ирония, эта наша любовь-ненависть к жизни, эти общие детство и юность.

Вачедин, конечно, профессионал, каждая страница говорит о его владении ремеслом, умении создать атмосферу, осязаемое пространство для своего героя. Это, наверное, в большей мере сценарное искусство — лаконичными штрихами вылепить задник, фон, на котором будет жить персонаж. И часто этот задник самодостаточен. Какой-то маленький штрих, зримый образ — капающая в фильтре вода, как кровь донора при переливании — маленький отвлекающий манёвр концентрирует на себе внимание так, что реальное развитие событий кажется ненужным, необязательным. Но в этом есть и прелесть владения языком — ещё раз — чужим языком. Это хорошо написано. О себе, о нас, о недобрых наших ангелах-хранителях. О жизни. **ЮЛ**

Анна Разумная

„Разведчик встреч сознания и речи“

Сергей Соловьёв. Её имена.

Стихи.

Новое литературное обозрение, 2016. ISBN: 978-5-4448-0576-3

Наука умеет много гитик: в момент оплодотворения пол человеческого зародыша — будь то будущая девочка или будущий мальчик — женский; и только позднее особь, которой суждено стать мальчиком, дифференцируется в своём развитии, приобретая мужские половые признаки, «первичные», как их принято неверно называть. Генетической памяти о том дичке женственного, на который самой природой прививается маскулинность, сопутствует и некоторая психическая память об этих корнях, на подавление и забвение которой направляются последующие внушительные усилия цивилизации, вплоть до мифа об Адамовом ребре. Но, помимо пары *женщина/мужчина*, человеческое самосознание включает множество других организующих противопоставлений: *то/это*, *ты/я*, *зверь/человек*, *тело/душа*, *мир/язык*, *слово/значение*, *грех/святость*, *жизнь/искусство*, *низкое/высокое*, *чёрное/белое*. Опыт нового сборника стихов Сергея Соловьёва «Её имена» — это опыт нисхождения поэтического воображения к парадоксальным корням этих двоящихся связей. Как свидетельствует заглавие книги, догадка о глубинной женственности психики здесь выступает прообразом других философских открытий. Та внутренняя *она*, чьи «имена» так же многочисленны, как её отражения в зеркалах встреч и жизненных происшествий — это тайна, которую мы разгадываем, разглядываем через оптику собственной жизни, усиленную прозрением поэта.

Она легла в тебе и глядит со дна,
и как небо разводит тебя руками,
ты не видим ей, и не то чтоб она видна,
смуглой водою соткана, тверже камня.

«Она легла», потому что покоится в глубине, зыбко и незыблемо, как лесное озеро Заболоцкого, озарённая тем же целомудренным эросом, который стал знаком нам по строкам,

Пробрался к тебе я и замер у входа,
Раздвинув руками сухие кусты.

Что ж, и ты

Лежи-лежи,
мальчик,
глиняный крестик,
образующий ять
с Богом,
это женщина схватывается в тебе,
а не межреберная невралгия.

А в другом развороте:

Уходящее, со спины — отец, обернется — мать.
Но едва против света уже разглядишь отсюда.

«Против света» — это ощущение близости того зазора, в котором расщепляются привычные, обиходные противоположности, того *защема, проёма, просвета, промежутка, промежности*, где свет встаёт как крошечная тьма:

Войди в меня, как облако в облако,
обволакивая, оплакивая сквозь солнце,
возьми, как цветок чудище,
любящие не спасутся.

Прекрасна здесь совершенная взаимность между цветком и чудищем; совпадение их звучаний в именительном и винительном даёт двойное прочтение, хиазм: «как цветок чудище» — кто здесь берёт кого? Парность здесь подготавливает почву для мгновенной головокружительной инверсии:

То что меж нами, — не имеет имени.
Камни теплеют, поют пустоты.
Думаешь, губы? Возьми, возьми меня!
Светел бог, потому и в глазах темно так.

Здесь зазором являются даже не *пустоты*, а то, что находится между материальностью *камней* и *пустотами*, между материей и пространством: некоторый третий элемент, медиум, связующий соотношения всего, что парно, как губы, как глаза, как бог в зрачке или текст на странице. Так пробелы между слов в тексте разделяют их и одновременно собирают в осмысленную последовательность.

Вот кажется,
ты подходишь к каким-то пределам
близости
между жизнью и речью,
и в просвете
вдруг начинает мерещиться
выход...

В языке подобные пределы бывают порой отмечены каламбурами, игрой слов; это особенно заметно при сравнении языков, когда одно и то же скрещивание значений расцветает как анемон-омоним. К примеру, английские омонимы *lie* (лежать) и *lie* (лгать) не покажутся такой уж случайностью, если обратить внимание на этимологическую близость обоих русских эквивалентов, принадлежащих к последовательности, включающей в себя слова «лажа», «ложь», «подлог»... И если ложь *пролегает* между предпосылкой и выводом, разделяет их, не объединяя при этом, то её смысловой противоположностью в языке служит не что иное, как *счастье*, единение частей, то, что соединяет, не разделяя одновременно. Английское существительное *happiness*, однокоренное глаголу *happen* (случиться) и глагольному существительному *happening* (случай), является производным староанглийского *hap* (удача). Приставка «с-» в «случае» действует так же, как в однокоренной «случке», про-

тивоположности «разлуки». Счастье — как и *happiness* — это слияние чего-то с чем-то. Подобные совпадения между даже не родственными друг другу языками (находки «междуречья», пользуясь языком Соловьёва) указывают на некоторый кристаллизованный в языке опыт, который может быть оживлён художественным словом. Но, как заметил ещё Экклезиаст, нет ничего нового в литературе, все её новшества рождаются путём синтеза, а основная её задача — это штопка разрывов в сознании человека, цивилизации. Видимо, отсюда и избыточные в этой книге *нити*.

И нити

тянутся за ним. Не те, что мните вы...

Прелесть этих строчек — в увязывании того, *что* здесь улавливается с тем, *как* оно передаётся: в непрерывной, как нить, последовательности слогов «ни-ти-тя-нут», в рифме «мните вы», вытягивающей нить ещё дальше, к Тютчеву: «Не то, что мните вы, природа». Отнюдь,

Но за спинами тянутся эти нити,
кость разматывая, понимаешь, кость —
на нити, когда нет уж ни тех, ни других.

Или в прозе:

На краю мир разбелен. Почти белый песок и река, и небо.
И чувства, и память — все покинуло цвет. Почти. Будто в облаке мы — распускающемся на нити. Как же мы здесь оказались, помнишь?

Счастье — там, где я соприкасаюсь с тем, что не я; и искать его надо в точке сближения, единения, *соприкосновения*. Осязание, в отличие от ощущений зрения, слуха, вкуса, всегда обоюдно: если я прикасаюсь к тебе, то неизбежно и ты прикасаешься ко мне. Когда речь идёт о живом с живым, нет прикосновения без соприкосновения, на границе которого и ро-

дилось чудесное русское местоимение «ты» с начальным звуком глухого соприкосновения языка с нёбом (и снова двойное прочтение просится в текст, как стежок белошвейки: язык или *Язык?* нёбо или *Небо?*).

А по утрам я пальцы твои пересчитывал, да?
 С таким трогательным самозабвением — со смеху помереть.
 А что? — мало ли как могло обернуться за ночь!
 Тучка на груди утеса —
 тоже поди не та, что была с вечера.
 А потом я индийским деревцем стоял над тобой
 на одной ноге, радостно, и ладони над головой сведены:
 ом, ом!
 А ты пряталась под одеяло,
 потому что ну нельзя же на счастье смотреть вот так,
 распахнутыми.
 А потом ты, как птица, слегка на земле неумелая,
 в бумазейной ночнушке тумана
 выходила и на пол садилась под батареей,
 обхвативши руками колени,
 и я наряжал тебя в платища речи,
 и ты, белошвейка чудес и сестра неземных словарей,
 озарялась тем внутренним светом,
 которого здесь днем с огнем.

В языке опыт соприкосновения реализуется в первую очередь посредством метафоры. Само соотношение слова с референтом — это уже пример того разрыва, той пропасти, в которой существует язык (если видеть язык не как коллекцию слов и конструкций, а как систему соотношений). Ну а метафора? Здесь надо бы замедлить ход, так как под метафорой мы часто по небрежности подразумеваем тот красочный образ, который вводится в соотношение с предметом сравнения: *O my Love's like a red, red rose*¹. Здесь метафорой является отнюдь не роза, а соотношение розы с возлюбленной (и с чувством любви, как позволяет нам прочесть эту фразу её привлекательная двойствен-

¹ Первая строка стихотворения Роберта Бёрнса *A Red, Red Rose*. В переводе С. Маршак: «Любовь, как роза, роза красная» (здесь и далее прим. ред.)

ность), и отметить хочется нечто очевидное, но прочно заглушённое школьным определением этой фигуры речи: плоть и кровь метафоры не в *подобии* того, что сравнивается, а совсем наоборот, в *непохожести* возлюбленной на розу — в противном случае не было бы никакой метафоры:

Как прекрасны были б вы
С розой вместо головы!

В связи с этим разрывом и тем таинственным напряжением, которое запускает метафору над ним, мне вспоминается один случай. Лет десять тому назад, а может и больше, я оказалась на одном бостонском книжном вечере. Там случилось мне познакомиться с престарелым отставным прокурором, когда-то попавшим в колею специализации, как и все его коллеги. В его случае это был разряд преступлений, связанных с сексуальным насилием. Мы заговорили о технике допроса, и он рассказал мне о своей подготовке к допросу жертвы изнасилования перед присяжными. Во время предварительных бесед с пострадавшими (в случае, который особо описал мой собеседник — этот случай стал переломным в его собственной жизни — жертвой был юноша), мой новый знакомый тщательно запоминал те мельчайшие, даже тривиальные, как пуговица, подробности их рассказа, при вскрытии которых на глазах рассказчика появлялись слёзы. Допрашивая пострадавшего перед присяжными, он вновь вызывал в его памяти те же образы, вызывая тем самым те же эмоции, ту же боль и те же слёзы. В рассказе моего собеседника была некоторая тайна: ею осталась причина, по которой та или иная подробность воспоминания была заряжена пронзительным чувством, становясь болевой точкой, эмоциональной сердцевинкой памяти о происшествии, и вот эту сердцевину обвинитель и стремился оживить методом вынужденной жестокости, чтобы передать самую суть события присяжным.

Вспоминается мне этот разговор по той простой причине, что образность стихов в «Её именах» наполнена той самой сконцентрированной силой, способной вызвать в сознании — нет, здесь надо сказать смелее: в душе — обширней-

ший диапазон тонких, неповторимых, единственных каждое в отдельности переживаний, открытых поэтом, как открывает путешественник новые острова и горизонты. Соловьёв — по темпераменту первопроходец и искатель приключений — сделал из современной поэзии то, чем она была в древности: крылатую весть об отдалённых и манящих островах в океане человеческих возможностей чувствования, островах душевного опыта, в которых читателю открывается родной край собственного бытия, та родина, где новизна вдруг загорается узнаванием, навсегда преобразая спектр знакомых читателю переживаний, меняя самое мироощущение. И здесь игра соловьёвской образности имеет первостепенное значение. «Колыхались вороны, как армейские труссы» удивляет, как и ангелы «как кошки на пожаре» или «местность лежит, как запавшая клавиша». А вот то, что не удивляет, а раскрывается завораживающим узнаванием:

Закат горел любовниками Климта.
В ногах у них змея текла, светилась.
Мы плыли, как венки, кружа по лимбу.

В слова можно входить «как в лес», а мать-природа —

как словарь для перевода
с полумертвых языков, вяжет свой чулок из слов,
и с травой во рту, как зверь, нас по круту водит дверь.

Метафора приравнивает то, что нетождественно. Она полается на эту нетождественность, на напряжение между *тем* и *этим*; метафора, пользуясь метафорой, — это звучащая струна, но её нельзя перетягивать, её искусство — это искусство чувствования предела, силовой игры в художественном пространстве. Стихотворение, оживлённое этим чувствованием, — это заклинание.

В котлах алхимии кипела жизнь твоя,
и ты не понимал, что происходит, голос
чей, зачем кольцо, мешок, петух, змея,
и звуков, чувств и дум горящий хворост,
и что за тени над тобой в дыму, и смех,

и шепот вдруг (ты здесь?), и темные вязанки
дорог, и близость женщин — этих, а не тех,
с которыми, казалось, весь в одно касанье.

Объектом этой магии слов является некоторое состояние, некоторое мироощущение (которое позднее можно приручить и обозначить, как, например, *вермеер*, простой ярлычок, который Соловьёв вводит в языковой обиход, пишет со строчной буквы). Вот мечется, прошивая религиозно-философское пространство, *божия коровка* —

улети, улети,
там твои детки, меж исподним крылом
и верхним — два вакуума. Трнедин
мир твоего полета; оверлок
воздуха; две детки, две алмазные сутры
обметывают его: форма есть пустота,
пустота есть форма, и полет твой —
сурдо-перевод меж ними.

А вот совсем иное пространство:

Смотрю в лицо свое —
как жгут листву,
и взгляд висит как дым,
и тает кисея.

И снова на «ты»:

Знаешь, кажется, я понимаю,
почему этот божий так тоненько рвется
и темнящая жизнь так кромешно по-женски светла,
и, подобная волчьему вою,
речь на вдохе так редко дается,
она ищет родства, но мутится и голос и строй
меж двумя безответными... Даже не люди
в ней томятся, а что-то вообще не
от мира — в зацеме меж мной и тобой.

Сэр Кристофер Рикс, английский критик, заметил, что нет подлинно эротического искусства, застрахованного от обвинений в порнографии, равно как и не может быть религиозного искусства, иммунного от подобных обвинений в кощунстве. Искусство Сергея Соловьёва, в таком случае — двойная редкость: оно принадлежит к обеим категориям, подлинного эроса и подлинного духовного первооткрывательства, неизбежно приглашая к себе риск двойных обвинений.

Я помню женщину... Она была. У слова
должна быть женщина, как боженька.

Этот деревенский *боженька* прилетел сюда, кажется, прямо из Заболотского, из того видения великости в милом изяществе малого:

Жук разных корешков себе нарыл
И в кучку складывает,
Потом трубит в свой маленький рожок
И вновь скрывается, как маленький божок.

Уменьшительные и ласкательные формы применяются без извинений:

Здесь красота живет вниз головой и цедит землю,
а к небу — вульвочкой цветет, благоухает.

Джорджию О'Киф² в свое время обвиняли в порнографии — за её цветы, написанные крупным планом.

Лепестки мои, говорит роза, выстраданы —
из людей не рожденных, высокобленных.

А вот и настоящее молитвословие, черед радостных приветствий:

Радуйся, суслик, радуйся, Иов, радуйся, полевая кашка,
и ты, лунная дорожка позвоночника, и ты, полукровка-

---

² Американская художница (1887–1986)

жизнь, и ты, левиафан в голове моей, посудной лавке,
радуйся, мужское и женское, вас могло и не быть вовсе,
радуйся, ослик несотворенного и ты, икающая пустота,
радуйся, желтое чувство смерти, как на ветру колосья,
Богородица-Дева, радуйся, евангелие твоего живота, ра-
дуйся, радость моя, что ж ты одна сидишь в темноте, ни
души в тебе.

Поэты бывают божьей волей или же силой воли, и уже
та совершенная непосредственность и стихийность, с которой
рождаются стихи Соловьёва, подсказывает, что он относится
скорее к первой категории. Но ещё вернее свидетельствует об
этом то безымянное качество, которым отмечены эти стихи —
качество, иногда именуемое испанским словом «дуэнде» и срав-
нимое с состоянием горения, в которое стихотворение вводит и
читающего. А ведь огонь — это один из возможных признаков
химической реакции, из которой ни один из участников не вы-
ходит в изначальном виде...

А тело тлеет памятью, мужчина,
дотла. Я шел и вдруг увидел близнеца —
на дереве, в шелковичной пучине
сидел он, тих и светел, без лица.

Соловьёв, как каждый подлинный поэт, создаёт особый
способ отношений между языком и миром. И в этих отношениях
можно было бы сказать, что создаёт себя, если бы не было более
точного слова: становление, бесконечное становление — и себя,
и читателя. Потому что мир, как и язык, по Соловьёву, похоже,
ещё не создан, дни творения длятся, и человек в пределе своего
становления — развоплощается, достигая единства и проз-
рачности, образуя окно.

Значит, вот оно как происходит.
Поначалу живешь ты с собой
как с родным человеком,
но не так чтобы близким.

А потом — вроде близким,
но уже не родным.
И чем дальше — тем меньше
находишь ты в нем человека.
Да и просто — находишь.
Он по-прежнему вроде бы рядом.
Будто в комнате тихой соседней.
Это было не трудно проверить,
но зачем, как казалось, тревожить
понапрасну друг друга. Не трудно
это было недавно еще, и едва ли
возможно уже.
Значит, вот оно как. Потихоньку
угасают с собой отношения —
не с кем быть им. Теперь вы одно.
Можно долго смотреть
в обе стороны.
Что и делает это окно.

В пределе — оно смотрит нами. **¶**

Елена Шахновская

Сны пармезана

Действующие лица:

Соня, 29 лет, девушка с бессонницей и большим чемоданом.

Гришин, 37 лет, человек в толстовке с Чебурашкой.

Старуха, голоса и другие кошмары Сони.

Сотрудники и пассажиры аэропорта.

Действие происходит в аэропорту в течение одного дня. Москва, 2015 год.

Часть первая

1.

Соня прячется в небольшой, заваленной всяким хламом, тёмной комнатке. Раздаётся приглушённый стук в дверь, женские шаги, топот мужских сапог, какой-то звонкий грохот.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Я знаю, эта сучка где-то здесь.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Здесь никого нет, только я и мой...

ДРУГОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС (*перебивает*). Щербатый — твой сосед? Такой, с кормушкой.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Это Василич, с дома напротив.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Говорит, крутится тут у тебя такая, кудрявая. Вчера видал.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Да он бабу с прошлого века не видал, Василич-то.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ну-ка быстро, быстро!

ДРУГОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС. Хочешь тоже, босая на морозе?

Слышится плач ребёнка, женское: ти-ш!, приближающиеся шаги. Кто-то ломает дверь, пытается зайти, Соня оглядывается, хватая большой чемодан, пытается загородить им дверь, но безуспешно.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Попалась, мерзкая дрянь!
ДРУГОЙ МУЖСКОЙ ГОЛОС *(смеётся)*. Думала, убежишь.
Никуда ты от нас не денешься, детка.
МУЖСКОЙ ГОЛОС. Сладкая конфетка...
СОНЯ *(кричит)*. Почему вы говорите по-русски? Почему вы говорите со мной по-русски?!

2.

В лицо Сони бьёт яркий искусственный свет большого аэропорта. Перед ней стоит сотрудник авиакомпании, лопухий юноша со строгим выражением лица. Соня вцепилась в тяжёлый чемодан, повязанный бантиком.

СОТРУДНИК АВИАКОМПАНИИ. А на каком языке говорить?

СОНЯ. Со мной?

СОТРУДНИК АВИАКОМПАНИИ. Вы не понимаете по-русски?

СОНЯ. Почему?

СОТРУДНИК АВИАКОМПАНИИ *(возвращает ей паспорт)*. Я же уже сказал вам.

СОНЯ. Но мне очень нужно успеть!

СОТРУДНИК. Регистрация на рейс закончена.

СОНЯ. Мне нужно уехать.

СОТРУДНИК. Вам нужно не мешать другим пассажирам.

СОНЯ. Но я же зачекинила Тургенева ещё в экспрессе!

СОТРУДНИК *(смотрит в компьютере)*. У нас нет такого пассажира.

СОНЯ. Это мой чемодан.

СОТРУДНИК *(снова смотрит на монитор)*. Его — да, он может лететь.

СОНЯ. Но он со мной.

СОТРУДНИК *(смотрит сквозь неё в зал)*. Следующий.

СОНЯ. А когда следующий?

СОТРУДНИК. Завтра.

СОНЯ. Мне нужно сегодня.

СОТРУДНИК. Мы закончили двадцать минут назад.

СОНЯ. Но самолёт же ещё не улетел!

СОТРУДНИК. Вы опоздали.

СОНЯ. Пожалуйста.

СОТРУДНИК. Завтра.

СОНЯ. Я не смогу завтра, просто не смогу (*вдруг начинает плакать*). Вчера в парикмахерской, знаете... Она, вообще-то, приятная такая женщина, молчаливая, а не как там обычно бывает. И стриждёт меня так внимательно, под музыку, у них диск там с Полем Мориа, знаете? Или что-то такое, с саксофоном, ну помните, из 90-х... Она журналы мне тогда принесла, Лариса, — вы заметили, что парикмахера, если она не мужик, обязательно зовут Лариса? — там ещё крупно на обложке: «Узнай всю правду: почему он тебя бросил», а я смотрю на неё и думаю: а интересно, она бы меня выдала?

СОТРУДНИК. Чего?

СОНЯ. Если бы пришли за мной.

СОТРУДНИК. Кто?

СОНЯ (*вытирает слёзы ладонью*). Ну, немцы. Фашисты. Вот если бы я пряталась, а она знала. Простая хорошая русская женщина. Улыбчивая. Стриждёт, правда, паршиво. Она бы меня пожалела? Она как раз спрашивает у меня тогда так вежливо: укладывать стрижку будем? А я думаю, какая же ты сука...

ГОЛОС В АЭРОПОРТУ: Уважаемые пассажиры, вылет рейса № 7805 Москва — (*у сотрудника звонит телефон, заглушая город назначения*) задерживается, приносим вам свои извинения.

СОТРУДНИК (*протягивает руку*). Паспорт.

Соня отдаёт паспорт, ставит чемодан на движущуюся ленту, он уезжает.

3.

Соня поднимается по эскалатору, проходит мимо молодой пары с ребёнком — девочкой лет трёх в детской коляске — и их, вероятно, подругой. Девочка роняет лохматую куклу.

СОНЯ (*поднимает и отдаёт девочке*). Держи.

Девочка забирает куклу.

МАМА ДЕВОЧКИ. Что надо сказать?

Девочка протягивает Соне куклу обратно.

МАМА ДЕВОЧКИ *(выбивает у неё куклу из рук)*. Сколько раз тебе повторять! Что надо сказать тёте?

Девочка начинает плакать.

СОНЯ *(наклоняется к коляске)*. Ничего не надо говорить тёте. Тебя как зовут? Меня Соня.

МАМА ДЕВОЧКИ *(вытирает лицо девочки)*. Ну? Как тебя зовут? Неряху такую, а? Забыла?

ПОДРУГА МАМЫ. Как тебя зовут, Полиночка? Ты же у нас умная девочка.

МАМА ДЕВОЧКИ. Вот тётя сейчас подумает, что ты у нас дурочка, да, Полина? Хочешь, чтобы тётя так подумала?

СОНЯ *(снова отдаёт куклу девочке)*. Прости.

Соня быстро отходит, но всё ещё слышит разговор.

МАМА ДЕВОЧКИ. А ты что молчишь? Хочешь, чтобы она в тебя таким тормозом выросла?

ПАПА ДЕВОЧКИ. Отвали.

МАМА ДЕВОЧКИ. Нет, вы его только послушайте! Накидался, да, в дьюти-фри? И пофигу, да, что евро — соточка?

ПАПА ДЕВОЧКИ. Да уймись ты.

МАМА ДЕВОЧКИ *(смотрит, как девочка сползает из коляски)*. Куда ты пошла, ну-ка сядь. Быстро, я сказала!

ПОДРУГА МАМЫ. Ну успокойся, Полиночка, сейчас вы с мамой и папой поедете отдыхать, на море поедете. Там знаешь, какие дяди красивые на море?

Девочка плачет громче, отбегает, папа хватается её за одежду, поднимает, сажает обратно в коляску. Девочка вырывается, папа её пристёгивает. Девочка бьёт его кулачком, папа даёт ей пощёчину.

ПАПА ДЕВОЧКИ. Замолчала, всё. Щас ещё в самолёте орать будет.

МАМА ДЕВОЧКИ *(вдруг обнимает её)*. Ну всё, всё. Давай подую *(дует ей в лицо)*. Кто у нас тут такой зарёванный? Что это у нас тут за девочка? Скажи, ты маму любишь? Любишь?

4.

Соня, одетая в деловой костюм, сидит в кресле, перед ней — через стол — девушка в полутьме.

ДЕВУШКА. Люблю.

Соня протягивает ей бумажный платочек и записывает что-то в блокнот.

СОНЯ. Но такое ведь уже случилось?

ДЕВУШКА. В прошлом месяце.

СОНЯ. И всё?

ДЕВУШКА. И всё. Нет, ещё в октябре.

СОНЯ. Вы обращались за помощью?

ДЕВУШКА. Но он просил прощения... И знаете, после того случая... Вдруг такой секс. Понимаете? И ещё потом, в Париже... у нас как раз годовщина была.

СОНЯ. Побоев?

ДЕВУШКА. А разве вам можно такое говорить?

СОНЯ. А разве можно не замечать, что ты пытаешься заслужить любовь унижением? Ты ждёшь, чтобы тебя наказали, потому что хочешь, чтоб пожалели.

ДЕВУШКА. Но вы же психолог.

СОНЯ. Я — случайный прохожий.

ДЕВУШКА. Уходите!

СОНЯ. Очнись, ты же видишь, что бьёшь своего ребёнка, как бьют тебя, а он будет бить — своего?!

ДЕВУШКА. У меня нет никакого ребёнка.

СОНЯ. Потому что ты его не хочешь?

ДЕВУШКА. Потому что мне сейчас три.

5.

Соню обнимает человек лет тридцати пяти, легонько гладя её по волосам. Это Гришин, но Соня ещё не знает об этом. Она поднимает голову и смотрит на него.

ГРИШИН. Ты кричала.

СОНЯ. Вы кто?

ГРИШИН (*пожимает плечами*). Ты кричала, что тебе уже тридцать шесть, и это никогда не закончится.

СОНЯ. Мне меньше.

ГРИШИН. Бывает.

СОНЯ. Мне казалось, я открываю рот и не могу произнести ни звука. Как бывает во сне.

ГРИШИН. С ними был ребёнок, они собирались вызвать охрану. Я тебя увёл.

СОНЯ. Вы решили, что я сумасшедшая?

ГРИШИН. Ты кричала, что надо отсюда уехать и никогда не возвращаться. Сумасшедшие такое не говорят.

Соня отстраняется, смотрит на взлётную полосу.

СОНЯ. Мне кажется, это мой самолёт.

ГРИШИН (*оборачивается*). Который с рекламой?

СОНЯ. Который только что улетел.

6.

Соня в свадебном платье растерянно идёт по проходу, в руках у неё букет невесты. Это немного напоминает сцену из американского кино, только вот идёт она между рядами пассажиров, ждущих своего рейса. Подходит к Гришину, одетому всё в ту же одежду, что и раньше, становится рядом. К ним с другой стороны торжественно подходит сотрудница загса — женщина с папкой и причёской.

СОНЯ. Я опоздала?

ГРИШИН. Я ждал не тебя.

СОНЯ. Мне кажется, я тоже шла не к тебе.

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЁСКОЙ. Берёте ли вы, Гришин, бездельник, в жёны Софью, неудачницу?

СОНЯ (*поворачивается к Гришину*). Как тебя зовут?

ГРИШИН (*пожимает плечами*). Гришин.

СОНЯ (*поворачивается к женщине с причёской*). Почему я в этом идиотском платье?

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЁСКОЙ. Да похеру мне. Куда пошла, тебе говорят. (*Моноotonно повторяет*). Берёте ли вы эту, Софью, неудачницу?

ГРИШИН. Ай ду.

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЁСКОЙ. Гришин, перестаньте паясничать. Встаньте как полагается. Ровнее. Берёте её, вас спрашивают? ГРИШИН *(весело разглядывает Соню)*. Давай возьму.

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЁСКОЙ *(вздыхает)*. Берёте ли вы, Софья, неудачница...

СОНЯ. Да всё у меня в порядке, вы что, не видите? Нормально у меня всё.

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЁСКОЙ *(продолжает)*. ...в мужья Гришина, бездельника?

СОНЯ. Я же в первый раз его вижу.

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЁСКОЙ. Решайте скорее *(смотрит в папку)*. Является ли ваше решение обдуманным и своевременным, вам же там семью строить, бла-бла.

СОНЯ. Откуда я знаю. *(Поворачивается к Гришину)*. Ты будешь мне хорошим мужем?

ГРИШИН. С чего вдруг?

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЁСКОЙ. Поторапливайтесь, невеста, вас тут у меня не одна стояла. *(Кивает на пассажиров)*. Особенная, что ли? Вон, женщины с утра ждут.

ГРИШИН *(Соне)*. Бери, потом разберёмся.

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЁСКОЙ. Ну?

СОНЯ. Ладно. Возьму.

ГРИШИН. Всё, можете поцеловать невесту?

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЁСКОЙ. Подождите, жених. Именем Российской Федерации...

СОНЯ. Но мы же в Нью-Йорке!

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЁСКОЙ. Тамбовский волк тебе в Нью-Йорке. Именем Российской Федерации...

СОНЯ. Нет! Мы же на Манхэттене!

ЖЕНЩИНА С ПРИЧЁСКОЙ. Объявляю вас...

7.

Соня сидит за столиком в бизнес-лаунже аэропорта, пьёт кофе. Гришин приносит две тарелки — одну с сэндвичами, другую с какими-то маленькими пирожными. Садится напротив, протягивает ей тарелку.

СОНЯ. Мужем и женой?

ГРИШИН. Конечно. Я сразу понял, что Том и Джерри — женаты. Ещё в детстве. Нет, правда — вылитые мои родители. Я тогда решил, что хочу рисовать всякое такое. И стал рисовать. СОНЯ (*берёт салфетку, протягивает*). Меня нарисуй.

Гришин достаёт из рюкзака карандаш, рисует.

СОНЯ (*оглядывается*). А почему меня сюда пропустили? Я же не лечу бизнес-классом.

ГРИШИН (*рисует*). Да ты, похоже, вообще никак не летишь.

СОНЯ (*смотрит в телефон*). Четвёртый час уже жду. Что там такое случилось-то.

ГРИШИН. Нет, ну если хочешь в отстойник, могу проводить. (*Соня качает головой и берёт пирожное*). У меня чувак тут знакомый на входе (*кивает в сторону охраны*). Летаю часто.

СОНЯ. Во сколько рейс?

ГРИШИН. Да я не тороплюсь.

СОНЯ. Куда летишь?

ГРИШИН. Тебе в детстве не говорили, что спрашивать куда — плохая примета? Надо говорить: ты далеко?..

СОНЯ. И как, далеко?

ГРИШИН. Очень.

СОНЯ. Что, отпуск? Командировка? (*Гришин закатывает глаза*). Уезжаешь?

ГРИШИН (*что-то штрихует на картинке*). На выставку.

СОНЯ. Круто.

ГРИШИН. Я тоже всегда так говорю, когда мне неинтересно.

СОНЯ. Прости. Расскажи.

ГРИШИН. В Копенгаген.

СОНЯ (*жует*). Отлично!

ГРИШИН. Да ладно. Ты знаешь, как только я начал работать на студии, мы сделали мульт про зверей-полиглотов. Они в лесу языки разные учили. И в конце каждой серии лисёнок или там зебра после всяких приключений попадали кто в бродячий цирк, кто в джунгли, кто в прерии какие-то, кто куда, короче, и говорили: родина, друзья, — это там, где тебе хорошо. Ну милота же, да? Один даже в зоопарке очнулся, в клетке, в ахуе такой

весь, пришлось ему ещё родину поискать. Про тигрёнка этого две серии было. Продали на детский канал, короче, и сначала всё нормально было, даже второй сезон делали, на пост-продакшн вышли, а потом пришли родители, ну, зрители наши. И понеслось.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА ЗА СОСЕДНИМ СТОЛИКОМ. Нет, скажи мне, чему они учат моего ребёнка? Эти уродливые животные? Пресмыкаться перед Западом?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА ЗА СОСЕДНИМ СТОЛИКОМ. Я знаю, через что тут прошла ради него, через какую грязь, а вчера отнимаю у него планшет с зверьми этими либеральными, а он как заорёт на меня: ненавижу тебя, не-на-ви-жу!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА *(наливает чай)*. Что вдруг? Такая хорошая мама.

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА. Я давно запретила своему всех этих томи-джерри, всю эту американскую машину насилия. Но чтобы и наши? Включила ему разок, думала, нормальные, а они там китайский учат! Вот скажи мне, зачем простому русскому зайцу — китайский?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА *(размешивает сахар)*. Да вообще все эти современные мультфильмы — ужас. Помнишь, какие хорошие были советские? Добрые. Все звери дружат. Улыбаются. Поют. Я только их и разрешаю.

ГРИШИН. И тогда я понял, что нужно делать.

СОНЯ. Бежать?

ГРИШИН. Я нарисовал, как Чебурашка трахается с Геной. Тащит в этот ящик с апельсинами и там его, держа за уши... Потом Настеньку ещё с Чудовищем. А помнишь, был ещё адский такой мульт про хоккенстов?

СОНЯ. Слушай, мне пора идти.

ГРИШИН. Куда?

СОНЯ. Ты ж говорил, так нельзя спрашивать.

ГРИШИН. Ну я и молчу. Короче, со студии меня сразу выгнали. Зато вот выставка...

СОНЯ *(протягивает ему руку)*. Приятно было познакомиться.

ГРИШИН *(пожимает)*. Не личная, конечно, но всё равно — там из такой жопы только я.

СОНЯ (*встаёт*). Ещё увидимся.

ГРИШИН. Конечно. (*Протягивает ей салфетку, там — рожница и номер телефона*). Ты никуда не уедешь.

8.

Соня лежит на неудобных креслах в зале ожидания, положив под голову сумку. Вокруг полно утомлённых людей, которые дремлют или читают свои телефоны. Рядом устраивается женщина с толстой девочкой — девочка ноет и хочет сесть поудобнее. Соня нарочно вытягивает ноги так, что сейчас точно будет скандал, но женщину с девочкой вдруг прогоняет довольно древняя, нарядно одетая старуха. Она садится рядом, достаёт откуда-то из складок платья зеркальце и начинает поправлять макияж.

СТАРУХА. Вот идиот, да? Он думал, ты от него никуда не уедешь. (*Кричит куда-то в сторону*). Голодная до мужика, решил? Вот тебе хренушки!

Соня подсказывает и с недоумением смотрит на старуху.

СТАРУХА. Скажи мне вот чего, девочка, — откуда у нервных злых женщин берутся любовники? Разумных, конечно же, женщин, а то с чего бы им быть в таком раздражении.

Соня пытается уйти, но старуха крепко хватается её за руку.

СТАРУХА. Правильно всё говоришь, девочка, они уходят к нам от своих добреньких глупых котятков. Таких, ну знаешь, которые говорят: ты у меня такой образованный, начитанный, культурный такой мужчина, и смотрят так снизу немного, снизу так, искоса... А он же про Сталина только-то и читал, про план Барбаросса в книжечке с развала «всё по тридцать», да и то сто лет назад, когда в институт наострился, чтоб в армию не скрутили, а теперь сидит вот перед ней, штаны расстегнул уже, и заливает ей там про дискурсы всякие, да про нарративы...

СОНЯ. Пустите! Мне больно.

СТАРУХА. Что, не уходят от них? Не к нам, говоришь, уходят? Я поначалу ревновала даже, завидовала, думала, как, ну как они это делают, кисаньки, что они там в них видят, в этих мудозвонах

праздничных, а потом поняла — врут они все, конфетные сучки, ох, врут. А я не могу, я всегда была женщина честная, прямодушная: если вижу — скотина, так я сразу ему и говорю: ты, милый, животное, без всяких там церемоний.

СОНЯ (*поворачивается к старухе*). А я не могу. Неловко обидеть.

СТАРУХА (*отпускает её*). Скотина, понятно, обратно к котяткам.

СОНЯ. Куда вы летите?

СТАРУХА (*смеётся*). Вот глупая девка! Всё было иначе. Вот слушай: в тот год я завела Антонио. Не сразу, конечно. Сначала Луиса, — там были и плечи, и руки...

СОНЯ. Вы потерялись?

СТАРУХА (*показывает*). Татуировка ещё молнией из штанов торчала, а штаны такие, знаешь, низкие, на самой этой сидят, загорелой... Ну да я и не смотрела, скромная была, да и чего там смотреть, там действовать надо. А как стала по-тамошнему понимать, так и увидала: тоже дурак дураком, всё про экзистенции толкует, да про эклектику...

СОНЯ. Вас кто-то ищет?

СТАРУХА. Антонио, конечно, поумней был, — рыбачил, по-малкивал. Сама-то любила? Да вижу я, гордая. Дура ты. А может, и умная.

СОНЯ. Пойдёмте со мной.

СТАРУХА. Позвал вот, приехала. Первым же рейсом. Но знаешь что, девочка, когда так вот долго мечтаешь понравиться, годами и без толку, вся истончаешься.

СОНЯ. Становишься ломкой. Я знаю. (*Берёт её под локоть*). Давайте.

СТАРУХА (*выфывается*). Нет, ты становишься слепком. Становишься женщиной, какую хотел он лет двадцать назад. Может, сорок. Я не считала... Считала, но сбилась. Ещё в 90-х... Но поздно! Теперь мне не нужен.

Старуха докрашивает губы и протягивает Соне зеркальце. Соня не берёт, но старуха вписывает его ей в руки.

СТАРУХА. Пойду я. Уж осень.

СОНЯ. Сейчас ведь апрель.

СТАРУХА (*пожимает плечами*). Но мы здесь надолго.

9.

ГОЛОС В АЭРОПОРТУ (*приглушённо, сквозь треск*). Недолго? Да ты, блять, заметил, как всё завалило? Там взлётку не видно! Какой-то пиздец. (*Дикторским голосом*). Уважаемые пассажиры рейсов 7805, 4563, 7894 и, возможно, некоторых других рейсов, в связи с внезапными изменениями погодных условий ваш вылет задерживается, приносим вам свои извинения. Вы и сами увидите — снег.

10.

В полутьме слышится скрип тормозов. Нарастают голоса, чей-то шёпот, звук шагов, что-то роняют. Вскрик. Хлопает дверь машины. Кто-то убегает, догоняет. В метели виднеются два силуэта.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Ну и сугробы... Пустя, говорю! Сказала же, я не поеду.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ты знаешь, нам надо добраться. Нас ждут. Мы же всё обсудили, решили.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Ты сказал, что нельзя оставаться. Я сказала, что не уеду. Решили! Ты же слышал, на именинах, когда все дошли до десерта...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ладно, хватит. Подружки твои растрепали? Сестрицы? Почему ты им веришь?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*переходит на шёпот*). Помнишь, был у неё такой маленький, светлый? Ну, деревенский...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Сын?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Племянник.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Что-то такое припоминаю.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Он не доехал.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Так сам виноват. Тут опасней остаться.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Он спасся. Один.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Послушай.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Говорят, там какие-то печи...

МУЖСКОЙ ГОЛОС (*тоже переходит на шёпот*). Да тихо ты! Ведь знаешь, что нас ненавидят. Соседи...

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*перебивает*). Я видела дым.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. И знаешь, за что. Потому что мы лучше. Умнее.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Прекрати. Нас услышат...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Они считают, что мы занимаем места — их по праву рождения.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*кричит*). И пусть ненавидят! Я с тобой не поеду!

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Послушай, а ты не устала бояться? Что так вот однажды позовут на варенье, а после сожрут. Они лицемеры. Вчера приходила соседка — ты помнишь, у нас есть кувшин, такой, с ангелочком? Ты всё его прятала с глаз, повторяла — меццанский... Она говорит: смотри какой славный, подойдёт к моим чашкам.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Пусть забирает.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. И мамин сервиз? И твои украшения?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. В ту ночь в ноябре, ну, когда всё случилось... Я думала ехать к нему. Не к тебе. Ты был молодой, неумелый... Ты был мне как брат или, может, собака.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Так, всё. Оставайся. Мне надоело.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Пстой. Я думала ехать к нему, но вдруг поняла, что мы связаны. Общей судьбой... Не знаю, как объяснить, чтоб не выглядеть глупой. Ты слышишь меня? Я знала, что сына мы назовём Камамбер.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Рехнулась? Что это за имя? И я хочу дочку.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Неважно. Я знала, что пойду за тобой до конца... Но гибнуть в чужбине? Нас схватят, как только шагнём за границу. Я слышала крики. Я знаю, ты слышал их тоже.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Нас встретят свои же. Нельзя возвращаться! Пойми же, не родина это, а просто случайность, где нас породили. Каприз географии.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Мы будем отбросами там, третьим сортом.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Мы будем живые.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Мне страшно.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Не бойся.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Там всё мне чужое.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Я буду работать. Ты вырастишь сына, который не будет бояться. По имени... Ладно, потом. Который не вспомнит, как мы начинали. Он не узнает, у нас будет славный, хорошенький мальчик, такой заводила.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (*всхлипывает*). Ты думал о дочке.
 МУЖСКОЙ ГОЛОС. Потом будет дочка. Принцесса.
 ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Разбойница.
 МУЖСКОЙ ГОЛОС. Пойдём, нам недолго осталось — вон видишь, огни. Там наши друзья.
 ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Прости меня... Просто устала. Две недели в дороге.
 МУЖСКОЙ ГОЛОС. Возьми мою руку.

Слышится лязг сапог, лай собаки, к ним приближаются какие-то фигуры в тёмном и с закрытыми лицами.

ГОЛОСА В ТЕМНОТЕ: Стоять! Стоять, я сказал.
 ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Пустите его, он гражданин свободной страны! Мы приехали в гости... Нас пригласили в посольство... Вы не имеете права, не трожьте меня, я жена пармезана!

Звук выстрела. Вдали падает огромный — с человеческий рост — кусок сыра. Женский крик.

Часть вторая

Соня сидит на полу, прислонившись к стене. Подключает телефон к розетке, достает из рюкзака какую-то бумажку, набирает номер.

СОНЯ (*в телефон*). Алло, ты меня слышишь? Ты где? Это Соня. Ну помнишь, в кафе... Наверно, смешная. Ты улетел? Не мог бы ты... Даже не знаю... Алло, ты ещё здесь? Послушай... Побудешь мне другом? Пожалуйста, трахни меня. Поскорей.

Часть третья

1.

Соня и Гришин в прозрачной комнате с окном в пол — вдалеке видны самолёты — они лежат на не слишком свежем матрасе, вокруг валяются какие-то вещи, одежда. Соня нащупывает стоящую на полу лампу, включает.

СОНЯ. Мне просто хотелось побыть живой, понимаешь.

ГРИШИН. Мне всё равно, почему ты звонила.

СОНЯ. Жаль.

ГРИШИН. Ну позвонила же.

СОНЯ. Осёл, вот ты кто. А я не была уверена, что ты настоящий.

ГРИШИН (*берёт её руку, притягивает к своему паху*). Настоящий.

СОНЯ. Мне раньше казалось, если человек вот так застрянет, он же будет нервничать, да? Метаться? Требовать там, не знаю, еды. Компенсаций. Сколачивать банду. Бороться. А там тихо так всюду.

ГРИШИН. Так всегда. Мы в России. Тут люди со сломленной волей.

СОНЯ. Откуда ты знаешь?

ГРИШИН. Так говорил же, часто летаю.

СОНЯ. Водил сюда девок?

ГРИШИН (*обнимает её*). Ни разу.

СОНЯ. А где мы?

ГРИШИН. Здесь раньше курили. Потом всё накрылось пиздой.

Достает сигареты, протягивает ей.

СОНЯ (*закуривает*). Через пару часов это будет всего лишь ещё один день, когда я не уехала.

ГРИШИН. Я не понимаю, тебе здесь плохо? Мужик есть, сигареты есть... Будущего нет. Счастье.

СОНЯ. Стемнеет, и я подумаю, — ну, значит, завтра, с утра, у меня всё получится завтра с утра. А потом снова стемнеет. И снова.

ГРИШИН. От себя не убежишь.

СОНЯ. Так говорят только кретины.

ГРИШИН. Да я и не скрывал.

СОНЯ. А от кого? От кого убежишь?

ГРИШИН. Мы как кенийцы, Соня. Их почему никто не может догнать на Олимпиаде? Потому что везде спортсмены тренируются, прыгают через эти свои барьеры, каждый день круги по стадиону наворачивают. А кенийцы просто встают утром — и бегут в ближайший магазин, в соседнюю деревню. Километров двадцать, за хлебом. У них просто нет варианта не бегать.

2.

Два кенийца разминаются в зале ожидания, встают на низкий старт. К ним подходит Соня, вскидывает спортивный пистолет.

СОНЯ. На старт, внимание... (*стреляет*).

Первый кениец бежит и быстро исчезает из виду.

ВТОРОЙ КЕНИЕЦ (*после рывка*). Тебе надо, ты и бегай.

Забирает у Сони пистолет, разворачивается и уходит.

3.

Соня идёт сквозь зигзагообразную очередь, какая обычно бывает на регистрации. Люди там стоят, сидят, едят, выпивают, многие спят. Некоторые переговариваются, довольно меланхолично.

— Говорят, нам закрыли границы...

— Блять, вот раз в жизни взяла «всё включено». Я думала, там про бухло, а тут как в совке. Кто здесь последний? Подвиньтесь. Я лягу.

— А ты всё заладил: я не могу бросить бизнес. И дом не достроил. Ты думаешь, это метель? Застряли под снегом? Нет, это всё, это всем нам конец.

— Их надо бомбить, этих жутких ублюдков. Пока не добьём... Это наша земля!

— Я — Наташа, мне очень приятно. А вы — Николай?

— Зато мои дети будут по-русски! На языке Пушкина, блять, говорить и Толстого!

— Я не хочу умереть в подворотне...

— Давай, убегай, давно не сосалась с Госдепом!

— Да с вами, козлами, нельзя по-другому. Награбили, твари? Теперь оставайтесь. Мы вас тут заждались.

— И пусть загнивает! Туда им дорога! Крутом пидарасы...

— Почём за косяк? Да вы все охуели...

— Пустите в вип-зону! Я лечу бизнес-классом!

— Обама ведь чмо и знает об этом!

— Не плачь, я уверен, найдётся дорога.

Соня наконец протискивается к стойке регистрации, за которой сидит девушка, что-то спокойно печатающая на компьютере.

СОНЯ. Есть новости?

ДЕВУШКА (*отрываясь от монитора*). Вам поменять у окошка?

СОНЯ. Нам долго ещё? Что там, правда, случилось?

ДЕВУШКА. Всё будет нормально. Вы с нами летите?

Девушка с улыбкой наклоняется к Соне и протягивает к ней копытце. На рогах у неё георгиевская ленточка.

4.

Та же комната с прозрачными стенами в аэропорту. В ней темно. Гришин заваривает чай прямо в чайнике, стоящем на полу, и протягивает Соне чашку.

ГРИШИН. Ты уже сколько не спишь?

СОНЯ. Не знаю. Неделю.

ГРИШИН. Нам пора уходить.

СОНЯ. А хочешь, поехали вместе? Со мной?

ГРИШИН. Куда?

СОНЯ. Далеко. Где нас не найдут.

ГРИШИН. Никто нас не ищет.

5.

На полу в зале ожидания сидят в кругу несколько человек — восемь или десять. Они примерно того же возраста, что и Соня и Гришин, которые тоже тут. Гришин раскручивает бутылку вина, лежащую в центре, бутылка показывает на молодого человека в кедах, очках и свитере крупной вязки — хотелось бы сказать, что он хипстер, но он не хипстер, просто в аэропорту довольно холодно. Его зовут Егор. Светает.

ЕГОР. Они обещали сказать через час, где грёбанный вылет.

ГРИШИН. Правда или Путин?

ЕГОР. Путин.

ГРИШИН. Ок. Почему ты здесь?

ЕГОР. Мне не хватает воздуха. Я не могу жить в такой атмосфере вранья и беспорядка. Мы живём в диктатуре. Здесь в жопу ебали права человека... Вы слышите, я говорю, как на зоне? Оно налипает на тебя незаметно, кусками, вот это тюремное чувство. Ты становишься — ими. Я не хочу. Не могу. Я уеду.

Гришин раскручивает бутылку дальше, она показывает на девушку, рядом с которой стоят туфли на высоких каблуках. Её зовут Маша.

ГРИШИН. Правда или Путин?

МАША. Правда.

ГРИШИН. Почему ты здесь?

МАША *(откупоривает бутылку, отпивает)*. Во мне мало секса. Здесь всех расхватали, ну, в смысле мужчин. А я бы хотела всё с себя сбросить. И чтобы проблемы мои кто-то взял и решил. Я не могу больше бегать по кругу, устала. Вот все говорят — уважай себя и добивайся. Будь как мужик. А я не хочу, я хотела быть блядью, чьей-то такой дорогой утомлённой игрушкой, и вся в кружевах... Но меня не возьмут. Не гожусь. Уеду, и буду послушной тайваньской женой, с борщом и затейливой еблей. Только белой.

Бутылка показывает на девушку с ребёнком, её зовут Аня. Рядом с ней сидит Алёна, на коленях у неё лежит ноутбук, в котором она что-то быстро-быстро печатает.

ГРИШИН. Правда или Путин?

АНЯ. Я пропускаю.

ГРИШИН. Правда или Путин?

АЛЕНА. Путин.

ГРИШИН. Почему ты здесь?

АЛЕНА. Моя страна ведёт войну. Постоянно и подло. Она убивает детей, стариков, несчастных, больных, заброшенных, бедных, любых. Там и везде, и всегда, и в мирное время. Ей всё равно, ей люди — что листья. По ним лишь ногами. Мне очень стыдно.

АНЯ. А правду?

АЛЕНА *(делает глоток из бутылки)*. Моя страна ведёт войну. Мне стыдно.

АНЯ *(забирает у неё, пьёт)*. А у меня уехал фейсбук. Друзья, незнакомцы... Я как на острове, с которого всех забрали, а про меня позабыли. Мне одиноко. Я здесь состарюсь, и моя дочь будет так же бежать, когда станет взрослой. Я не хочу... чтобы всё повторилось.

В следующем раунде бутылка показывает на Максима — у него очень обычная внешность, так что про него нельзя сказать ничего определённого.

ГРИШИН. Правда или Путин?

МАКСИМ. Правда.

ГРИШИН. Почему ты здесь?

МАКСИМ. Россия встала с колен. Мы — сверхдержава. Пусть все отсосут, недоумки. Мы круче всех. Америка нас не напрасно боится. Ей скоро конец. И Гейропе. Останемся мы и Китай. Поможет духовность и вера. Я — православный. За мной — возрождение.

ГРИШИН. А здесь ты зачем?

МАКСИМ. Я в отпуск.

Снова раскручивают бутылку, она показывает на пару, сидящую в обнимку — это Андрей и Оля.

АНДРЕЙ *(делает глоток)*. Я ещё в школе читал про немцев — нашёл мемуары — и думал: как с ними случилось? Нормальные

люди. Обычные мамы и папы. И в гости ходили к соседям, смеялись... А потом увели, истязали, убили.

ОЛЯ (*пьёт*). Когда мы квартиру снимали, нам вежливо так говорили: никаких черножопых.

АНДРЕЙ (*пьёт*). Милейшие люди.

Соня забирает у Гришина бутылку. Допивает.

СОНЯ. Мне снятся странные сны. Я говорю себе: надо проснуться, нельзя впадать в забытьё. И не могу... Я так хочу, чтобы они прекратились. На днях везла Гитлера. В чёрном вагоне... Поймала его, арестовала — живого такого, с усами — и везу на процесс. Зачем, говорю, ты всё это сделал, мудила? А он мне такой, ну видишь ли, Соня, я просто хотел, чтоб меня полюбили...

Гришин куда-то уходит, возвращается ещё с одной бутылкой. Её забирает Игорь, открывает, пьёт. Рядом с ним сидит Настя, девушка с розовыми волосами.

ИГОРЬ. Я гей. Я не хочу быть отбросом.

НАСТЯ (*пьёт из бутылки; Гришину*). А я тебя помню. Мы в это играли. Я говорила, что хотела родиться не в Пскове, у нищих, а сразу в Париже. У мамы Мари и папы Этьена, на завтраки — устрицы, на ужин — бойфренд из Сорбонны. И стать леваком. На митинги бегать в защиту чужих темнокожих детей. Покраситься в розовый цвет. Нигде не работать. Бросать в бутики тяжеленные камни. А ты мне сказал — начните с причёски... И в лаундж вошёл — рисовать. Мне потом рассказали, что ты здесь живёшь. Там, где раньше курили...

Соня поднимается, выходит из круга, подходит к окну. Смотрит на самолёты.

ГРИШИН (*забирает бутылку, пьёт, подходит к Соне*). Мы лишние люди, мы не можем быть взрослыми. Ведь взрослый пошёл — и взял то, что нужно. Не ждёт, что его наградят... что есть кто-то, кто всё знает лучше.

СОНЯ. Ты врёшь. Это скучно.

ГРИШИН. Мой день состоит из зависти, Соня. Уже много лет. Утром я завидую одному, который уверен в своей гениальности так сладострастно, что ему верит весь город. Днём ненавижу всех тех, которого любят и так, ни за что, от избытка веселья. А ночью, ночью мне тяжелее всего — по ночам я и правда завистлив к чужому таланту.

СОНЯ. Я тоже боюсь, что меня не полюбят. Я Гитлера вижу...

ГРИШИН. И думаешь, тебе тридцать семь, мать твою, и всё уже поздно. «Клуб 27» позади десять лет! Ты должен был сделать, успеть, надорваться. Ты должен был уже умереть...

СОНЯ (*протягивает руку*). Поедем со мной.

ГРИШИН. Мне страшно.

СОНЯ. Мне тоже.

6.

Салон самолёта. Люди стоят в проходе, достают из багажника свои вещи и собираются выходить.

ГОЛОС ПИЛОТА. Наш самолёт совершил посадку в аэропорту Тегель. Местное время — 17 часов 45 минут, погода в Берлине хорошая, солнечная. Спасибо, что выбрали нашу авиакомпанию. От имени всего экипажа желаем вам приятного дня.

СТЮАРДЕССА (*легонько дотрагивается до Сониного плеча*). Мы прилетели.

Соня снимает с себя свитер с Чебурашкой, оставляет на соседнем пустом кресле, выходит.

7.

Прозрачная комната в аэропорту, в прозрачную стену которой видно взлетающий самолёт. Гришин занимается сексом с какой-то девушкой. Девушка кричит. **И**

Сведения об авторах

ДАРЬЯ БЕНЕРТ (1993, Новосибирск). Студентка магистратуры Берлинского университета имени Гумбольдта по специальности «Культура и литература центральной и восточной Европы». В Германии с 2006 года. Живёт в Берлине.

МАКСИМ БИЛЛЕР (*Maxim Biller*; 1960, Прага). Писатель, журналист. Автор двух десятков книг — романов и сборников рассказов. Ведёт колонку в *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Лауреат ряда литературных премий. Живёт в Берлине.

ОЛЬГА БРЕЙНИНГЕР (1987, Караганда). Писатель, переводчик, литературный антрополог. Пишет докторскую диссертацию о Северном Кавказе и преподаёт в Гарвардском университете. Публикации в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь», «Новое литературное обозрение», *Russian Journal of Communication*, *Forbes* и других. Роман «В Советском Союзе не было аддерола» (Редакция Елены Шубиной, 2017) вошёл в лонг-листы премий «Национальный бестселлер», «Большая книга», «Русский Букер» и «НОС». В Германии с 2010 года. Постоянное место жительства — Нюрнберг, сейчас живёт в Бостоне (США).

АЛИНА ВИШНЯКОВА (1989, Москва). Магистр филологии. Публикация в журнале «Берлин.Берега» стала первой. В Германии с 2012 года. Живёт в Берлине.

ИОГАНН ХРИСТИАН ФРИДРИХ ГЁЛЬДЕРЛИН (*Johann Christian Friedrich Hölderlin*; 1770, Лауффен-на-Неккаре — 1843, Тюбинген). Один из ведущих представителей немецкой поэтической лирики. В 1788 году Гёльдерлин, будучи студентом Тюбингенского университета, начал свои богословские исследования. Среди его сокурсников были Георг Гегель, Исаак фон Синклер и его друг Джозеф Шеллинг. В 1793 году Гёльдерлин получил степень магистра. В следующем году состоялось его знакомство с Фридрихом Шнллером и Иоганном Вольфгангом Гёте. В том же году он начал работу над романом «Гиперион». В период с 1797 по 1800 годы Гёльдерлин выпустил три версии (все незавершённые) греческой трагедии «Смерть Эмпедокла», а также сочинил оды

в духе древних греков Алкея и Асклепиада Самосского. В это же время у поэта была диагностирована шизофрения. В дальнейшем он работал преподавателем в швейцарском Гуантвиле, а через некоторое время стал консулом в представительстве Гамбурга в городе Бордо (1802). Пребывание Гёльдерлина во французском городке отмечено в стихотворении «Память» — одном из величайших текстов автора. В своих трудах Гёльдерлин пытался сочетать эллинизм с христианством, стараясь соединить древние ценности с современной жизнью. Так, в элегии «Хлеб и вино» Христос рассматривается как последователь греческих богов, приносящий хлеб с земли и вино от Диониса. 11 сентября 1805 года Фридрих был доставлен в психиатрическую клинику в Тюбингене, откуда через год его выписали с пометкой «неизлечимый». Поэт умер в 1843 году, на его похоронах не присутствовала ни родня, ни друзья юности, среди которых по-прежнему числились Гегель и Шеллинг. Наследство Гёльдерлина (в том числе оставленное ему отцом), было скрыто от поэта матерью и осталось нетронутым. Он умер богатым человеком, сам того не зная.

АННА ГЛАЗОВА (1973, Дубна). Поэт, литературовед. Защитила степень *PhD* в Северо-Западном университете (Эванстон, США). Автор пяти сборников стихов: «Пусть и вода» (2003), «Петля. Невполовину», (2008), «Для землеройки», (2013), «Опыт сна» (2014), «Земля лежит на земле» (2017). Автор работ о поэтике Осипа Мандельштама, Пауля Целана, Фридриха Гёльдерлина, о Франце Кафке, Роберте Вальзере, Генрихе Клейсте, Вальтере Беньямине, статей о современных немецко- и русскоязычных поэтах и писателях. Переводит с немецкого и английского. Среди переведённых авторов — Кафка, Вальзер, Уника Цюрн, Целлан. Стихи Глазовой переводились на английский, немецкий, французский, польский, болгарский, сербский, украинский, китайский, латышский языки, иврит. Русская премия третьей степени в номинации «Поэзия» (2013). Поэтическая премия Андрея Белого (2013). Специальная премия «Московский счёт» (2014). В Германии проживала с 1994 по 1998 годы, а также с 2014 года. Живёт в Гамбурге.

АНАТОЛИЙ ГРИНВАЛЬД (1972, Семипалатинск — 2017, Лейпциг). Поэт, журналист, историк. Автор трёх книг стихов («Чернильный город», 2003, «Настоящее», 2005, *Sonne on demand*, 2011). Публикации в немецких, российских и прочих литературных изданиях. В Германии с 1997 года. Жил в Лейпциге.

СЕМЁН ЗАТИН (Гольдберг; 1938, Баку). Прозанк. По профессии инженер-электрик, авиационный специалист. Автор книг «Люблю твой стройный вид» (2004), «Люди Мифгаша» (2006), «Баку, Чадровая, далее везде...» (2009), «10 дней 41 года» (2011), «Там, за облаками» (2012), «Мои Незабудки» (2014), «10 глав о Сакартвелло» (2015), «Мегаистория петербургизма» (2016), «Осторожно! Двери закрываются ...» (2016), «Берлинские идиомы» (2017). В Германии с 1997 года. Живёт в Берлине.

СААДИ ИСАКОВ (1955, Москва). Прозанк, журналист. Преподавал русскую литературу в университете Билефельда. Работал главным редактором «Еврейской газеты», *Jüdische Zeitung* и журнала «Европа-Экспресс», заведующим отдела газеты *Osnabrücker Sonntagzeitung*. Победитель литературного конкурса, посвящённому Феликсу Нуссбауму. Автор четырёх книг. Член русского ПЕН-центра. В Германии с 1991 года. Живёт в Берлине.

ГРИГОРИЙ КОФМАН (1959, Ленинград). Поэт. Театральный режиссёр и художественный руководитель (в разное время: Парамон-театр, Санкт-Петербург; *Burg-Theater*, Айзенах; *Russisches Theater*, Берлин, *GOFF-Company*, Берлин–Санкт-Петербург). Десятки постановок. Актёр более чем в двадцати различных театрах и театральных проектах, более шестидесяти ролей. Организатор театральных фестивалей: ЛИК (Пушкинские Горы, Россия, 2005-2017), «Русская неделя» (Саарбрюккен, Германия, 2002-2016), Таурагнай-2017 (Литва). Автор сборников стихов: «Предложение выйти за», «Сказки Кофмана», «Русский сбор». В Германии в 1992 года. Живёт в Берлине.

КОНСТАНТИН ЛАЗАРЕВ (1984, Свердловск). Прозанк. Окончил электротехнический факультет Уральского государственного университета путей сообщений, факультет информатики Дрезденского Технического университета и факультет общего менеджмента *Steinbeis Hochschule* (Берлин). Публикация в журнале «Берлин.Берега» стала первой. В Германии с 2006 года. Живёт в Берлине.

ЕВДОКИЯ ЛАПИНА (1976, Ленинград). Театровед, музыкальный и театральный критик. Окончила Санкт-Петербургскую государственную академию театрального искусства и аспирантуру по кафедре зарубежного искусства. Преподавала историю театра и литературы в СПбГАТИ и Санкт-Петербургском государственном

университете. Автор статей по истории французского театра в различных научных сборниках. Печаталась как музыкальный и музыкально-театральный критик в журналах «Театральный Петербург», «Петербургская сцена», «Зрительный ряд», «Ваш досуг» и на различных интернет-ресурсах. В Германии с 2014 года. Живёт в Берлине.

ДАРЬЯ НАЗАРОВА (1993, Москва). Журналист. Окончила Университет прикладных наук города Ювяскюля (Финляндия), университет *NHTV* Бреда (Нидерланды) и курсы при Литературном институте им. Горького. Публикация в журнале «Берлин.Берега» стала первой. В Германии с 2014 года. Живёт в Берлине.

АЛЁША ПРОКОПЬЕВ (1957, Чебоксары). Поэт и переводчик с немецкого, шведского, датского, английского, итальянского, чувашского языков. Среди переведившихся им авторов — Джон Милтон, Оскар Уайльд, Дж. М. Хопкинс, Андреас Грифиус, Фридрих Ницше, Райнер Мария Рильке, Георг Трактль, Готфрид Бенн, Георг Гейм, Пауль Целан, Герта Мюллер, Тумас Транстрёммер, Ингер Кристенсен и другие. Автор трёх поэтических сборников («Ночной сторож», 1991; «День один», 1995; «Снежная Троя», 2005). Лауреат премии Андрея Белого 2010 года в номинации «Перевод». Живёт в Москве.

АННА РАЗУМНАЯ (1979, Москва). Текстолог, критик, переводчик и прозаик. Защитила степень *PhD* в Эдизонном институте Бостонского университета. Англоязычная книга «Мандельштам и его свидетели» (*Mandelstam and His Witnesses*) планируется к изданию в Великобритании в 2018 году (изд. *Peter Lang*, Оксфорд). Неоднократно печаталась в журналах Оксфордского университета *Essays in Criticism* и *Literary Imagination*, а также в других изданиях. Публикация в журнале «Берлин.Берега» стала первой на русском языке. В 1996 года переехала в США. Живёт в Маршфилде.

АЛЕКСЕЙ РАШБА, (1963, Ленинград). Переводчик с немецкого языка. Переводы публиковались: в сборниках «Век перевода» I и II под редакцией Е. В. Витковского (2004, 2005), в Литературно-художественном журнале Футурум-АРТ/10 (2005), в альманахе «Мосты» Гамбургского литературного объединения «Источник» (2007). Несколько стихотворных переводов вошли в книгу Готфрида Бенна «Двойная жизнь» (2008). Подборка переводов Бенна также

опубликована в журнале «Иностранная Литература» (№4/2011). В Германии с 1998 года. Живёт в Нюрнберге.

ДАРЬЯ РУБО (1989, Мурманск). Студентка факультета городского планирования Берлинского Технического университета. Рассказ «Леопард» опубликован в журнале «Берлин.Берега» (№2/2016). В Германии с 2012 года. Живёт в Берлине.

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЁВ (1959, Киев). Автор двадцати книг поэзии и прозы, в числе которых «Пир» (1993), «Книга» (2000), «Крымский диван» (2006), «В стороне» (2010), «Адамов мост» (2013) и другие. Лауреат премии «Планета поэта», «Русской премии» и премии Давида Бурлюка, финалист премии Андрея Белого. В Германии с 1995 года. Живёт в Мюнхене.

ВЕРОНИКА СУЛАА (1979, Прага). Прозаик, поэт, журналист. Окончила Киевский национальный университет имени Т. Шевченка, Институт журналистики, отделение «Международная журналистика». По специальности работала редактором и ведущей ежедневной информационно-аналитической программы «Либерти Лайв — Свобода в прямом эфире» в Русской службе «Радио Свобода». Автор книг рассказов «Бриллиант», «Записки из Новой Зеландии: от лета до лета» и книги стихов *Ragazza per l'Amore*. В Германии с 2016 года. Живёт во Фрайбурге.

АЛЁНА ТАЙХ (1969, Киев). Поэт. Магистр иудаики. Работала социальным педагогом и в библиотеках. Публикации в журнале «Партнёр», в альманахах «Радуга», «Егупец», а также в сетевых изданиях. Входила в длинные и короткие списки различных конкурсов. В Германии с 1999 года. Живёт в Гейдельберге.

ДЕМЬЯН ФАНШЕЛЬ (1955, Одесса). Поэт. По профессии — врач. Печатался в журналах «Новый мир», «Шо», «Крепцатику», «Дикое поле», «Родная речь», «Пилигрим», «Век XXI», «Эмигрантская лира», «Литерарус», «7 искусств», *Fraza* (Польша), «Артикль», в антологиях («Киевская Русь», «Гул былого») и других изданиях. Лауреат конкурса эссеистики журнала «Новый мир» (2015 и 2016 годы), журнала «Эмигрантская лира». Автор трёх книг: «Текст», «Обучение сну», «Мейл». Стихи переведены на украинский и польский языки. Работал в общественной редакции журнала «Дикое поле», входил в жюри международного двуязычного поэтического конкурса имени Н. Хаткиной. В Германии с 1993 года. Живёт в Кёльне.

ВИКТОРИЯ ФИРЕРБЕ (1975, Астрахань). Доктор филологии. Филолог, литературный переводчик, преподаватель русского и немецкого языков как иностранных. Руководитель издательства учебной литературы по русскому языку для детей-билингвов *Retorika*. Перевела на русский язык книги: Карола Юрхотт «Путешествие с Георгием Победоносцем по Москве» (2015), Линда Грин «Ежиная сказка, или Зачем ёжикам колючки» (2012), «Лесной талисман, или Зачем олени рога сбрасывают» (2012), «Корабли пустыни, или Зачем верблюду горб» (2013), «Волшебное перо, или Зачем павлинам такой хвост» (2014), Аннемария Хауфе «Пока мамы не было дома» (2013), Рольф Хоххут «Пьесы. Избранное» (2010) и «Ночь Эффи» (2011). Авторские публикации: *Multimedialität in computergestützten Lernangeboten (E-Learning)* (2010), с 2007 по 2009 статьи в журнале *Russland aktuell*. В Германии с 1999 года. Живёт в Берлине.

ЕЛЕНА ШАХНОВСКАЯ (Москва). Драматург и сценарист. Работала в СМИ и на телевидении. Призёр и финалист драматургических конкурсов «Свободный театр», «Любимовка», «Первая читка», «Премьера.tx», Волошинского фестиваля и других. Автор пьес «Сны пармезана», «Пониграем в города», «Хорошо, что женщин нет», «Высоколобые бутылконосы», «Вещи», чтения и премьеры которых проходили в Москве, Петербурге, Минске, Коктебеле, Лигнице. Живёт в Москве и Тель-Авиве.

ЮРИЙ ШЕЙМАН (1949, Одесса). Филолог, кандидат филологических наук, преподаватель. Десятки публикаций в научных и общедоступных изданиях на филологические темы. Работал в школе в Баварии и в русскоязычных СМИ. В Германии с 1994 года. Живёт в Берлине. **161**

Kurze Zusammenfassung

Das fünfte Heft von „**Berlin.Berega**“ hat einen traurigen Beginn. Am 11. September verstarb der Dichter **Anatolij Grinvald** (Leipzig). Seine Gedichte haben wir im ersten Heft veröffentlicht. Jetzt ist er mit einem posthumen Zyklus vertreten. Die Redaktion von „Berega“ hat ihr den Namen „Auf den Himmel schauen“ gegeben.

Die Zyklen „Ein Schlüssel des Lebens“ von **Sergei Solovyov** (München) und „Zu Hause und außer Haus“ von **Aljona Teich** (Heidelberg) schließen sich an.

Olga Breininger (Nürnberg), jetzt in den USA lebend, schrieb die Kurzgeschichte „Pollock und Bruegel“. In Budapest trifft sich ein Paar: „sie“ und „er“. Sie kennen sich seit Jahren, doch bislang sind sie sich nicht im Klaren darüber, wie es um ihre Beziehung steht.

Saadi Isakov (Berlin) legt seine Erzählung „Schwarzes Quadrat“ vor. Witja-Quadrat: so heißt der Protagonist, ein aus Russland stammender alter Herr, der in Israel lebt. Seine Frau ist seit langem tot, Quadrat bleibt allein. Eines Tages findet er einen Ring mit einem Edelstein ...

Demian Fanschel (Köln) und **Anna Glazova** (Hamburg) stellen ihre Gedichtsammlungen „Das Saisonende“ bzw. „Geöffnete Wände“ vor.

Sieben kurze Erzählungen präsentiert **Veronica Sulla** aus Freiburg. Es geht darin sowohl um Italien als auch um Neuseeland ...

Die Protagonistin der Erzählung von **Daria Rubo** (Berlin), betitelt „Hurtige Lazerten“, lernt einen Mann namens Miguel kennen. Bei ihnen ist alles kompliziert, und eines Tages bekommen sie eine Einladung von Bekannten zu einer Party ...

Der Berliner Dichter **Grigory Kofman** tritt mit der Gedichtsammlung „28 — 33“ auf. **Alina Vishnyakova**, die ebenfalls in Berlin lebt, benennt ihren Zyklus „In einem anderem Gebiet der Welt“.

Die Rubrik „Debüt“ enthält diesmal zwei Texte von Berliner Autoren. **Konstantin Lazarev** veröffentlicht seine Kurzgeschichte „Tulpa“. In metaphorischer Form beschreibt Lazarev die heutige Gesellschaft. In der Erzählung „Der erste Mai“ von **Daria Nazarova** geht es um eine junge Frau, die während eines Feiertages versucht, ihr ganzes Leben umzugestalten.

Der bekannte russische Übersetzer **Aljoscha Prokopjev** hat das Gedicht „In lieblicher Bläue“ von **Friedrich Hölderlin** übersetzt. Die Rubrik „Übersetzungen“ komplettiert eine Kurzgeschichte des deutschen Schriftstellers **Maxim Biller** mit dem Titel „Liebe auf Israelisch“. Es geht darin um die merkwürdige Lissy Ramonowic aus Israel und den deutschen Autor Mark Manes. Die Übersetzung ins Russische besorgte **Alexej Rashba** aus Nürnberg.

Die Slawistin **Olga Radetzkaja** hat zahlreiche Bücher aus dem Russischen ins Deutsche übersetzt. Dazu zählen klassische Autoren (Lev Tolstoj, Pavel Florenskij) sowie zeitgenössische Verfasser (Olga Slawnikowa, Jewgenij Wodolaskin u. a.). In einem längeren Gespräch mit **Grigorii Arosev**, dem Chefredakteur von „Berlin.Berega“ erzählt Radetzkaja über ihr Leben und ihre Arbeit.

Semen Zlatin aus Berlin ist mit zwei Fragmenten aus seinem Buch „Die Berliner Idiome“ vertreten. Teilweise handelt es sich um eine Art Essay, aber vielleicht sind die Texte auch eine Fiktion ...

Die an der Humboldt-Universität studierende **Darja Benert** stellt sich in ihrem Artikel die Frage: ist vielleicht der Begriff „Migrationsliteratur“ veraltet? Benert meint, dass ein Großteil der gegenwärtigen Autoren, die in Deutschland leben, den relativ neuen Begriff „Interkulturelle Literatur“ bevorzugen.

Der Philologe **Jury Sheyman** (Berlin) schrieb den umfangreichen und hochinteressanten Text „Raum und Zeit in russischen und deutschsprachigen Weltbildern“. Gibt es zwischen beiden einen Unterschied? Sheyman bejaht diese Frage und bietet dafür zahlreiche Beispiele.

Dr. Victoria Viererbe (Berlin) ist Besitzerin und Leiterin des „Rhetorika“-Verlages, der Bücher für bilingual aufwachsende Kinder herausgibt. Darum geht es auch in ihrem Artikel. Viererbe berichtet über deutsch-russische Bücher und erteilt einige Ratschläge.

Evdokia Lapina (Berlin) bespricht das neue Buch „Engel sprechen Russisch“ von **Mitja Vachedin**. Die Kritikerin **Anna Razumnaya** (USA) rezensiert den umfangreichen Gedichtband „Ihre Namen“ von **Sergei Solovyov**.

Von **Elena Shakhnovskaya** (Moskau) stammt das Theaterstück „Träume vom Parmesankäse“. Eine junge Frau sitzt am Flughafen und möchte ausreisen. Aber es gelingt ihr nicht ... **161**

Читайте в „БЕРЛИН.БЕРЕГА“ №1/2018

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН

„Астрахань. Чёрная икра“.

Ранее не публиковавшаяся повесть

Даниил ЧКОНΙΑ

Стихи

Марина ЛИВШИЦ

„Райнер Мария Рильке и Россия“. Статья

